

21(19)
Б 817
Кооперативное Издательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.
МОСКВА, Никольская ул., д. 5. Тел. 1-25-13.

В 276

В. М. Бонч-Бруевич (Величкина).

ШВЕЙЦАРИЯ.

Швейцарские горы; швейцарские города и деревни;
жизнь швейцарского народа.

С 70 рисунками.

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА — 1923.

В. М. Бон-Бруевич (Величкиной)

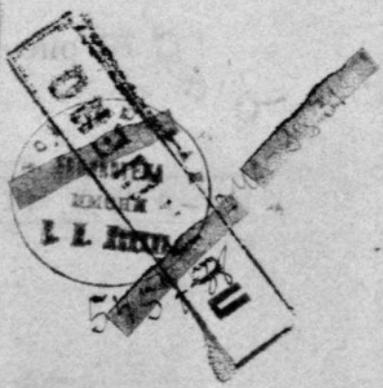
ДВЕЙЦАРН

4.0166

1957-58 г.

Издано по предложению Комитета памяти В. М. Бон-Бруевич (Величкиной).

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ ЧИТАЛЬНИ
ДЕТГИЗА

ШВЕЙЦАРИЯ.

Рис. 1.

Кто никогда не выезжал из центральной России или кто случайно не был на Кавказе и в Забайкалье, тому никогда не приходилось видеть высоких гор, покрытых вечными снегами. На юге Европы тянется такая огромная горная цепь. Зовут ее Альп а м и. Среднюю часть этих Альп занимает маленькая страна Швейцария, о которой я и хочу рассказать. Швейцария—самый красивый уголок во всей Европе: не даром посещают ее столько путешественников, не даром каждый швейцарец так любит свою родину. Он, наверное, в юности не раз обошел ее, знает в ней каждую дорожку.

Там даже есть такой обычай, что каждый ремесленник, каждый рабочий человек, окончив ученье, обойдет пешком всю страну, посмотрит, как живут люди в других деревнях и городах, какие где порядки, поучится уму-разуму и, вернувшись к себе домой, принимается толковее за работу, старается вложить в нее

то, чему научился он в других местах. В дороге он нередко успеет подружиться с другими такими же работниками-путешественниками. Разойдутся они по своим родным местам, а дружба останется, и в трудную минуту не раз они вспомнят друг о друге и помогут советом или делом. И когда в каком-нибудь уголке Швейцарии случится несчастье,—а случается это очень нередко,—то вся Швейцария живо откликается для помощи пострадавшим, и они всегда легко оправляются от несчастья,—еще лучше даже устраиваются, чем жили прежде.

В Швейцарии очень любят таких путешественников, и сельские жители без всякой платы принимают их на ночлег, бесплатно же и кормят их, так что такое путешествие почти ничего не стоит бедному рабочему. А сколько нового, любопытного увидит он на своем пути. Швейцария—очень маленькая страна, с нашу небольшую губернию, но она очень разнообразна, благодаря своим высоким горам. То высятся перед путником огромные, снежные великаны, с которых сбегают дикие, горные потоки; то теснятся голые утесы и скалы, покрытые одним только мохом; то взор путника отдыхает на чудных голубых озерах с густо-заселенными берегами. Вот перед ним громадный, темный лес с вековыми дубами и буками, а за лесом вдруг развернутся изумрудные альпийские луга, по которым гуляет откормленный, породистый скот. У каждой коровы, у каждой козы привешен за шею колокольчик, чтобы она не затерялась в горах, и звук этих колокольчиков сливается в целые мелодии, которым отвечает горное эхо. А в долинах стелются огромные хлебные поля, и на десятки верст тянутся прекрасные фруктовые сады.

И на всю жизнь у бедного ремесленника останется воспоминание о том, как он путешествовал в юности, когда у него не было ни забот, ни семьи, когда ему легче одному было переносить всякую нужду. И тихими, зимними вечерами рассказывает он потом своим детям о том, что видел на пути. И дети мечта

ют, что и они, как только вырастут, тоже обойдут пешком свою милую родину.

Посмотрим же, что приходится такому путнику встретить на своем пути, обойдем за ним его страну и посмотрим, как живут ее обитатели.

На Боденском озере.

Вот мы у входа в Швейцарию, на берегах Боденского озера. Швейцарии принадлежит только одна часть его. Красиво раскинулось по равнине огромное озеро, и только на горизонте белеются в ясную погоду снежные цепи Альпийских гор. Со всех сторон опоясано оно железными дорогами, а по самому озеру то и дело мелькают пароходы.

Боденское озеро так велико, что, выехав на средину его, не видно даже берегов,—как в море. Как в море же, на нем иногда поднимаются высокие волны и разыгрываются настоящие бури. Рыбаки знают приметы надвигающейся бури и спешат укрыться в гавани со своими маленькими лодочками.

Берега озера почти сплошь заселены, повсюду кипит самая оживленная жизнь. От городка к городку тянутся без перерыва фруктовые сады. Климат здесь мягкий, ровный; холодные горные ветры не доходят до Боденского озера, земля удобная для садов, и, благодаря этому, фруктовые деревья дают здесь прекрасные урожаи. А дальше, вглубь страны, за фруктовыми садами волнуются роскошные хлебные поля. Фруктовые деревья в Швейцарии тоже обыкновенно сажают на полях и лугах. Землю между ними засевают какую-нибудь травой, и такие луга дают даже лучшую траву, чем открытые, потому что они защищены от палящих лучей солнца и трава растет на них выше и гуще.

Садоводством в этом крае занимаются очень много. Больше всего разводят груш и яблок. Из них швейцарцы готовят фруктовый квас, так называемый мост.

Летом, когда поспевают фрукты, они составляют главную часть их обеда, а маленькие дети все время проводят в саду. Кроме груш и яблок, в Швейцарии хорошо рождаются вишни, черешни, сливы, а поужнее абрикосы, персики. Дороги повсюду усажены каштанами и грецкими орехами. Грецкий орех—прекрасное, тенистое дерево, но за последнее время его все более и более уничтожают и употребляют на разные поделки, потому что свою слишком густую тенью он вредит лугам.

По самому берегу озера местами тянутся на целые версты аллеи огромных пирамидальных тополей. Волны озера, с серебряными гребешками на вершинах, тихо плещутся о берег; они точно перешептываются и разговаривают между собой. Если бы понять их язык, много бы нам рассказали волны о том, что происходило на этих мирных, веселых, густо заселенных берегах в прежние времена. В древности здесь почти не было селений, берега были покрыты густым, мрачным, болотистым лесом, где водились дикие звери. И только кое-где были разбросаны маленькие хижинки полукочующих племен. Римляне проникли в эти дикие леса, покорили туземцев и построили крепости, чтобы держать их в повиновении. Вскоре после римлян явились сюда проповедники христианства. Передавая полудиким туземцам христианское учение, они, вместе с тем, помогали им бороться с их суровой природой, вырубали леса, осушали почву, сеяли хлеб и научили всему этому своих учеников. С тех пор здесь оживилась жизнь, зазеленели поля, зацвели плодовые деревья. Потом в этих когда-то свободных странах выстроилось множество богатых монастырей, а за ними и целая сеть городских укрепленных замков и дворцов. Рыцари и воины закрепили сельское население. Потом между ними наступили раздоры и войны, и мирные берега швейцарских озер залились кровью; земли опустошались, посева топтались войсками, деревья горели. Многие подобное рассказали бы нам волны тихого озера, если бы мы дольше остались их слушать. Но надо ехать дальше.

По берегам озера мы видим множество рыбачьих лодок. Нигде больше во всей Швейцарии не ловят столько рыбы, как здесь.

Проходя по берегу Боденского озера, мы придем к городу Штейну, около которого из озера вытекает большая, широкая река Рейн.

На Рейне.

У городка Штейна река Рейн будто пробивается среди скал, отрогов длинного, но невысокого хребта Юры, который проходит на северо-западе Швейцарии. Это очень старый городок, в нем много сохранилось старинных зданий и древних башен.

От Штейна дорога идет прелестною долиной Рейна. Местами долина расширяется, берега ее покрыты роскошными лугами с высокою, сочною травой. Луга мягко переходят в невысокие горы, сплошь одетые виноградниками. Местами же долина превращается в узкое извилистое ущелье, загроможденное камнями, среди которых с шумом кипит и пенится река. Горы, поросшие ельником, ближе придвигаются к реке. Одна за другой поднимаются их вершины, то остроконечные, то закругленные, в виде гигантских шапок. Деревья на вершинах этих скал кажутся снизу совсем крошечными кустиками.

Шумно и бурно течет Рейн среди таких диких гор. Они все больше и больше сдавливают его, и, наконец, он, прорвавшись среди них, падает огромным водопадом вниз со скалы (рис. 2). Это—самый большой и широкий водопад в Швейцарии. Много путешественников приезжают только для того, чтобы посмотреть на него.

Швейцарцы умеют извлекать пользу из своей небогатой природы. У них мало плодородной земли; несмотря на все труды, им все равно не хватает собственного хлеба. Вместо хорошей пахотной земли—у них горы да водопады. Швейцарец подумал, да и заставил на себя работать водопады. Огромный Рейнский во-

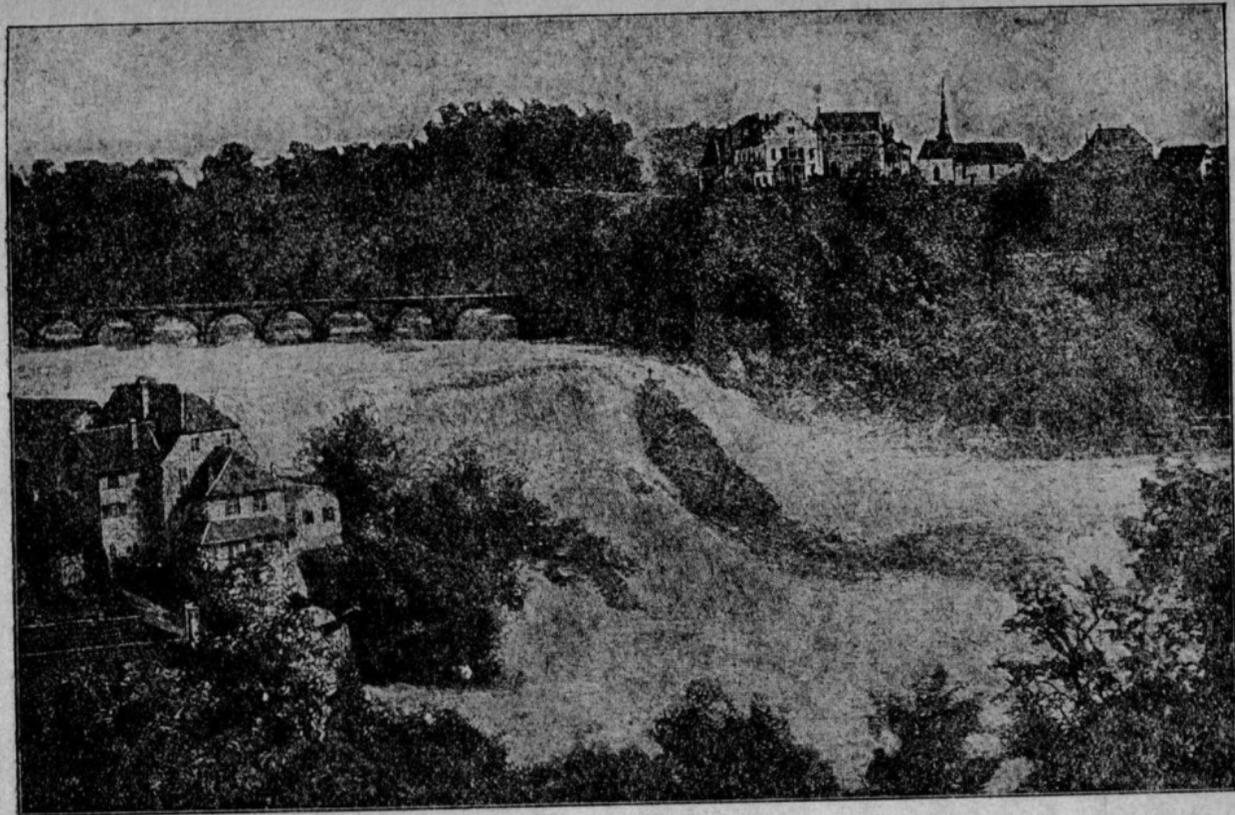

Рис. 2. Рейнский водопад.

допад, на который любуются толпы посетителей, приводит в движение несколько фабрик. Падение его обладает такой огромной силой, что он мог бы работать во много раз больше. И редкий водопад, редкий поток в Швейцарии не работает хотя на каком-либо маленьком заведении или мельнице. В главном городе Швейцарии, Берне, двигаются водою все городские часы.

Рейнский водопад лежит недалеко от небольшого красивого городка—Шафгаузена. В Шафгаузене так много сохранилось от старины, что, кажется, сразу переносишься за несколько веков назад. Узенькие улицы и переулочки обставлены с обеих сторон старинными швейцарскими домиками с низко-свешивающимися кровлями, с острыми шпицами. Стены домов покрыты старинными украшениями и надписями. У каждого домика есть непременно балкончик или галлерейка, уставленные так же, как и окна, горшками цветов. Швейцарцы вообще очень любят цветы. Даже в деревне нет домика, где бы из окна не глядели цветы. У самого бедного крестьянина есть хоть одна грядка цветов под окном.

За водопадом Рейнская долина принимает более спокойный вид, горы отодвигаются, река течет спокойнее. Здесь даже можно забыть, что находишься в Швейцарии. То перед нами роскошные луга с высокою сочною травой, то огромные, волнующиеся поля пшеницы. Здесь самая удобная для земледелия почва в Швейцарии.

Швейцарцы сеют хлеб везде, где только возможно обработать кусочек земли. Иногда им приходится укреплять почву на очень крутых откосах и в корзинках за плечами носить удобрение на высокие скалы. Но швейцарец привык трудиться, и нужно только удивляться, какие богатые урожаи дает ему завоеванный у природы кусочек земли. Он все приспособил и приладил так, чтобы ему было легче работать. Орудия для работы у него всегда хорошие, земля вспахана глубоко.

Во многих кантонах Швейцарии есть сельскохозяйственные школы, и крестьянину всегда есть куда обратиться за дельным советом. Кроме того, все швейцарцы грамотны и могут всегда прочесть, что пишут в газетах и книгах о хлебопашестве, о новых машинах, о том, где можно купить хорошие семена.

Впрочем, пахотной земли большею частью все-таки так немного, что ею одной крестьянину не прокормиться,—она служит ему только подспорьем. В горных местностях главный промысел его—скотоводство; около больших городов он в то же время и фабричный рабочий. Отец занимается землей, а сыновья работают на фабрике. В некоторых же местах все крестьяне занимаются кустарными промыслами.

Общественной пахотной земли в Швейцарии почти не осталось; только луга да леса еще принадлежат всему сельскому обществу. Пахотная земля очень раздроблена: нигде, кажется, в мире нельзя встретить таких крохотных клочков земельной собственности.

Теперь в Швейцарии введен закон, чтобы вся земля переходила по наследству к меньшему сыну.

Так как земли мало, то она никогда не отдыхает, и крестьяне ведут переменное хозяйство. Они сеют кормовые травы и так улучшают почву, что снимают по две жатвы, например, пшеницу, и просо, рожь и гречиху. Во многих местах для удобрения сжигают картофельную ботву, солому от бобов, гороха. Кое-где в долинах удобряют еще так: во время каждого большого дождя во многих местах с гор бегут потоки мутной воды, перемешанной с сухим листом от лесов. Внизу выкапывают большую яму, куда и стекает с гор вода. Каждый крестьянин общины, у которого плоха земля, может брать из ямы на свою землю нанесенные слои земли с гниющим листом.

Маленькие кусочки земли, особенно где-нибудь в горах, куда трудно и взобраться, возделывают часто просто лопаткой; большие же участки теперь по всей Швейцарии уже вспахивают хорошими плугами.

Больше всего сеют пшеницу. Ржи встречается очень

мало ; в некоторых местах ее сеют не для зерна, а для соломы, которая идет на плетение шляп и других вещей, для чего хлеб скашивается незрелым. Картофель тоже очень хорошо родится в Швейцарии, и в некоторых кантонах, как, например, в Гларусе, занимаются почти одним картофелем.

Рис. 3. Крестьянка из Рейнской долины.

Среди золотистых полей Рейнской долины мелькают мимо едущего путешественника один за другим несколько маленьких городков. В Швейцарии, впрочем, вообще нет больших торговых городов, как в других странах. В городах ее не увидишь ни больших роскошных магазинов, ни громадных дворцов.

Города все очень чистенькие, домики в них небольшие, но зато удобно устроены. Нигде не видно грязи. У каждого почти домика галлерейка, обвитая виноградом или другим каким вьющимся растением. Каждый домик окружен хоть маленьким палисадником, сплошь почти засаженным цветами. В самых больших городах, есть правда, несколько улиц, построенных на европейский лад. Обыкновенно же дома размещены просторно и стоят вплотную друг к другу.

Пожары в Швейцарии—редкость. Пожарная команда там добровольная. В Швейцарии жители часто соединяются в разные союзы или общества для того или другого дела. Такие союзы называются ферейнами. И каких только союзов там нет! Почти все рабочие объединены в профессиональные союзы: есть союзы стрелков, союзы для поднятия народного образования, даже союзы для украшения парков. Вот такой же добровольный союз составляет и пожарная команда. Из своей среды выбирают они себе председателя или начальника, которого могут сместить, если он им не нравится. Часто можно видеть, особенно летом, как они учатся работать машиной, устраивают примерные тревоги и делают всевозможные упражнения. Обыкновенно вы увидите это по вечерам, когда все свободны от дневной работы и могут отдать свой досуг на это занятие. Зато как охотно спешат помочь они, где случится пожар. Да и не только одна пожарная команда,—весь город сбежится на помощь, и пожару не дадут разгореться. И за все берутся они дружно и по доброй воле.

Но вот мы, наконец, подходим к Базелю. Это самый большой город в Швейцарии, совсем не похожий на все прочие города. В нем такие же громадные и роскошные дома, как и во всех других больших городах Европы.

Базель—пограничный город, и только разве одним напоминает Швейцарию,—это трудолюбием своих жителей.

Но оставим богатые улицы и роскошные здания

и заглянем в маленькие домики на окраинах города. Здесь, разумеется, и следа нет той роскоши, которую мы видели на главных улицах Базеля. Но бедности и нужды здесь мы тоже не встретим. В домиках чисто и приветливо, и почти в каждом мы увидим станок для разматыванья или тканья шелка, производством которого так славится Базель. В городе, правда, есть несколько и механических фабрик, но большая часть шелковых тканей работается кустарями дома. Фабрикант дает кустарю на дом и станок и материал, а тот приносит ему уже готовую ткань, так что фабриканту только остается отделать ее, но цены на такую работу сильно сбиты. Нередко вместе с ним работает и вся его семья. Дома кустарь имеет небольшое хозяйство, корову или козу; маленький огорожок служит ему тоже хорошим подспорьем, так что он может кое-как все-таки прожить со своим небольшим заработком.

Подобное кустарное производство преобладает в Швейцарии. Там редко можно встретить фабричных рабочих, у которых ничего бы больше не было, кроме их заработной платы. Впрочем, и таким рабочим в Швейцарии живется лучше, чем во многих других странах. Правительство швейцарское ограничило рабочий день десятью часами. В тех же областях промышленности, которые вредны для здоровья, рабочий день еще короче. Ночную работу закон допускает только в исключительных случаях. Постоянная же ночная работа допускается только в тех производствах, которые сами по себе требуют непрерывного действия. Дети же и женщины вовсе не допускаются к ночной работе. Кроме того, мастерские и фабрики все должны хорошо содержаться, чтобы не вредить здоровью рабочих. Все рабочие помещения должны быть хорошо освещены, свободны от пыли; повсюду должна быть устроена хорошая вентиляция (проветривание, освежение воздуха).

Если какой-нибудь фабрикант хочет устроить фабрику, то он обязан составить сначала фабричное по-

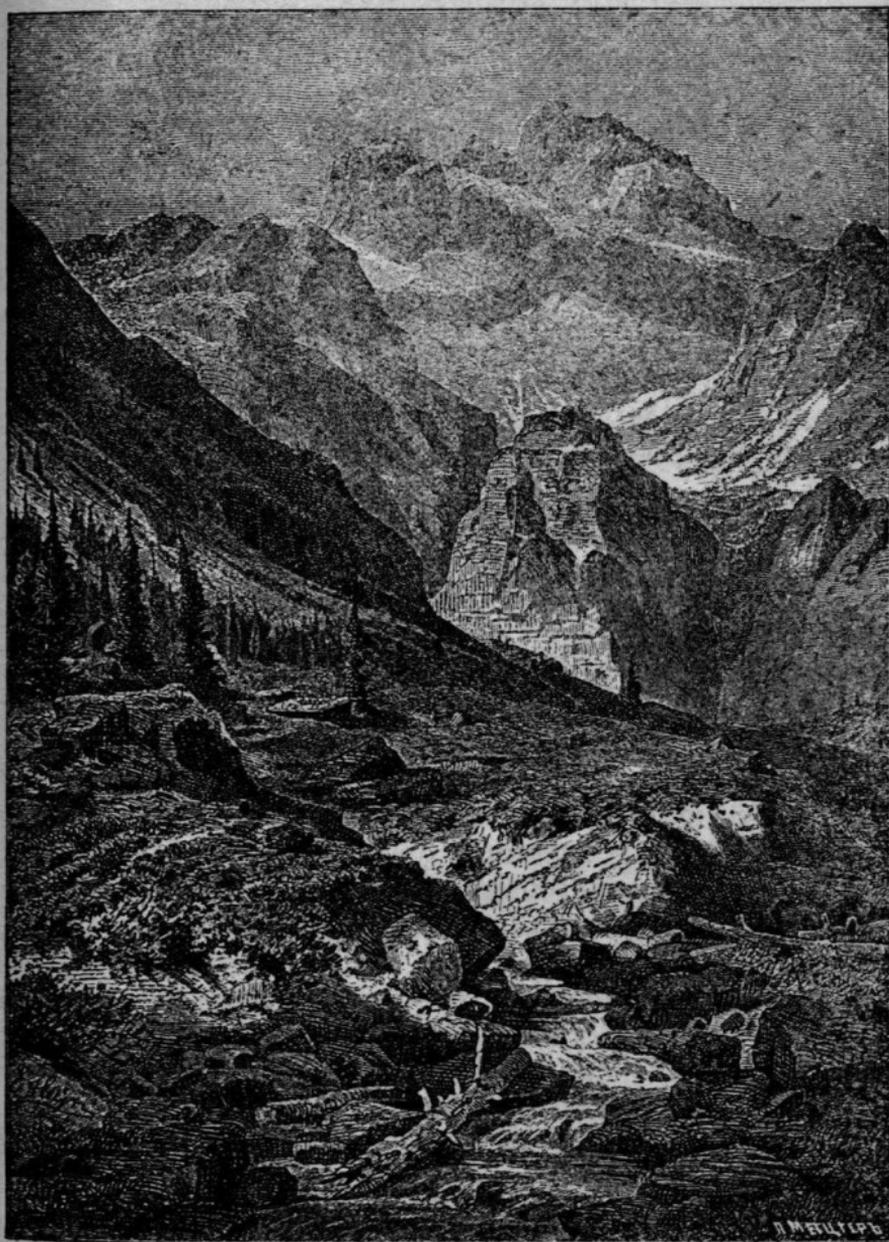

Рис. 4. Гора Сентис.

ложение, которое должно быть утверждено правительством. Рабочие тоже могут высказывать о нем свое мнение. Если в положении не будет ничего противозаконного, то оно утверждается.

Детей на фабрику в Швейцарии не принимают до 14-ти лет. Женщинам есть также много облегчений. Для них удлиняется обеденный отдых, сокращается работа перед праздниками. Но особенно много заботится фабричное швейцарское законодательство о беременных. Беременные женщины не могут работать на фабрике в продолжение 8-ми недель перед родами и после них.

Впрочем, фабрик в Швейцарии вообще немного. Больше всего их на севере, и мы сейчас заглянем в один такой промышленный округ.

В царстве высокого Сентиса.

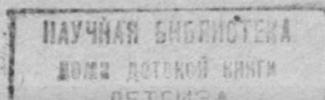
Если мы поднимемся вверх по одному из притоков Рейна—реке Туру, он поведет нас по прелестной долине Тоггенбург до самого снежного Сентиса, с которого он сбегает. Как древний патриарх, блесит своей белой вершиной этот так-называемый альпийский камень и смотрит с своей огромной высоты на окружающую его холмистую страну (рис. 4).

Теперь путешественники уже нередко взбираются на его зубчатую вершину. Нелегко этот подъем, но зато перед удивленным взором путника открываются такие картины, которых он нигде больше не увидит и которые заставят его забыть все трудности пути. На северо-востоке перед ним раскинулось все громадное Боденское озеро, и на далекое расстояние за озером видны уже не швейцарские, а германские земли. На востоке открывается красивая горная страна—Тироль, а на юге—дикий, малодоступный Граубюнден. На западе же перед нами чудные озера средней Швейцарии и ее снежные вершины. Когда поднимаешься из глубины долины, то перед глазами разворачиваются все новые и новые картины, все

Больше и больше охватывают взор, точно все шире и шире раскрывается новый, еще неведомый мир. И, наконец, на самой вершине—перед вами огромное пространство. Картонными игрушечными домиками кажутся с высоты все громадные сооружения людей! Какой-нибудь городок представляется маленькою, грязною кучкой среди изумрудной зелени лугов и в виду серебряной чистоты снежных гор. Но вот солнце близится к закату, и снежные вершины начинают загораться ярким пламенем его последних лучей. Эта картина особенно красива; про нее говорят: «Альпы горят». Чтобы видеть, как горят вершины, взбираются нарочно на высоты. Снежные, чистые великаны горят красным цветом, несколько минут, потом начинают бледнеть, понемногу гаснут снизу все выше и выше, а через некоторое время стоят они перед нами совершенно потухшие, точно помертвевшие. Удивительно грустное впечатление оставляет на душе этот совершенно мертвый вид вершин, как только огни потухли. Они уже не блестяще-белые, как были раньше,—они точно посинели. Но вот всходит луна, и снега опять заблестели новым серебряным светом.

Да, удивительно, хороши снежные вершины, чудно меняются их краски при перемене освещения. Не даром в Швейцарию собирается каждое лето так много путешественников полюбоваться на их красоту.

Сентис стоит на границе двух кантонов: Аппенцеллернского и Сен-Галленского. Сен-Галленский окружает Аппенцеллернский, по выражению местных жителей, как скорлупа окружает зерно. В них нет громадных гор с вечными снегами, с чистыми, голубыми ледниками, с их торжественной тишиной. Перед глазами путника расстилаются во всей своей ласковой красоте предгорья Альп. Серебряная речка Тур тысячами извилин пробегает среди изумрудных лугов, прыгивает со скалы на скалу и пенится в своем каменистом русле. Тут она двигает колесо в маленькой мастерской, там орошает поля и луга, которые покрывают все склоны и косогоры. Кое-где мелькают

чистенькие, веселые деревушки, со всех сторон доносятся мелодическое, позванивание колокольчиков. А под тенью громадных елей ютятся на высотах пастушеские хижины, и время от времени слышится звук пастушеского рога. Все это такие милые, душу бодрящие картины, которые можно встретить только в Швейцарии.

Сойдем в долины, посмотрим деревушки, заглянем в каждую хатку, и мы увидим, что все это не только кажется нам таким с высоты, что и на самом деле жизнь швейцарцев течет гораздо спокойнее, чем жизнь других европейских народов. Посмотрим же, как живут швейцарцы в праздничный день, когда вся деревня дома, посмотрим их и на работе, в поле.

В деревне (рис. 5) вы не встретите ни одного домика в один этаж. Они не велики, но всегда высоки. Бывают дома в три, четыре этажа.

Войдем в дом зажиточного крестьянина. Нижний этаж, как у него, так и у всякого бедняка, занят разными службами: сараями, стойлами, кладовыми и тому подобным. Жилые комнаты только во втором этаже. Сначалаходишь в огромные сени, куда спокойно может въехать полная, груженная телега. В этих сенях молотят хлеб; часть их занята сеновалом. Из сеней, а также и прямо снаружи по лестнице входят в большую, просторную кухню. В кухне у швейцарцев никогда не бывает больших печей. Вместо них стоит только маленькая плита, на которую идет очень мало дров. Да и зачем им большая печь? Хлеб они дома не пекут,—для этого у них в деревне всегда есть пекарня, где пекут хлеб на всех зараз.

В каждой деревне есть общественная прачечная, где всякий, кому нужно, может стирать белье. Таким путем меньше расходов и на топливо, и на людей. И в кухне от этого у них всегда очень чисто и опрятно.

Посреди кухни стоит стол, за которым обедает вся семья, а вокруг него—скамейки. По одной стене большой шкаф с посудой, а по другой—полки, где стоят блестящие кастрюльки и тазы. В кухне две двери—

одна из них ведет на галлерейку, обвитую диким виноградом и заставленную цветами, а другая в спальню. Если нет женатых детей, вся семья обыкновенно

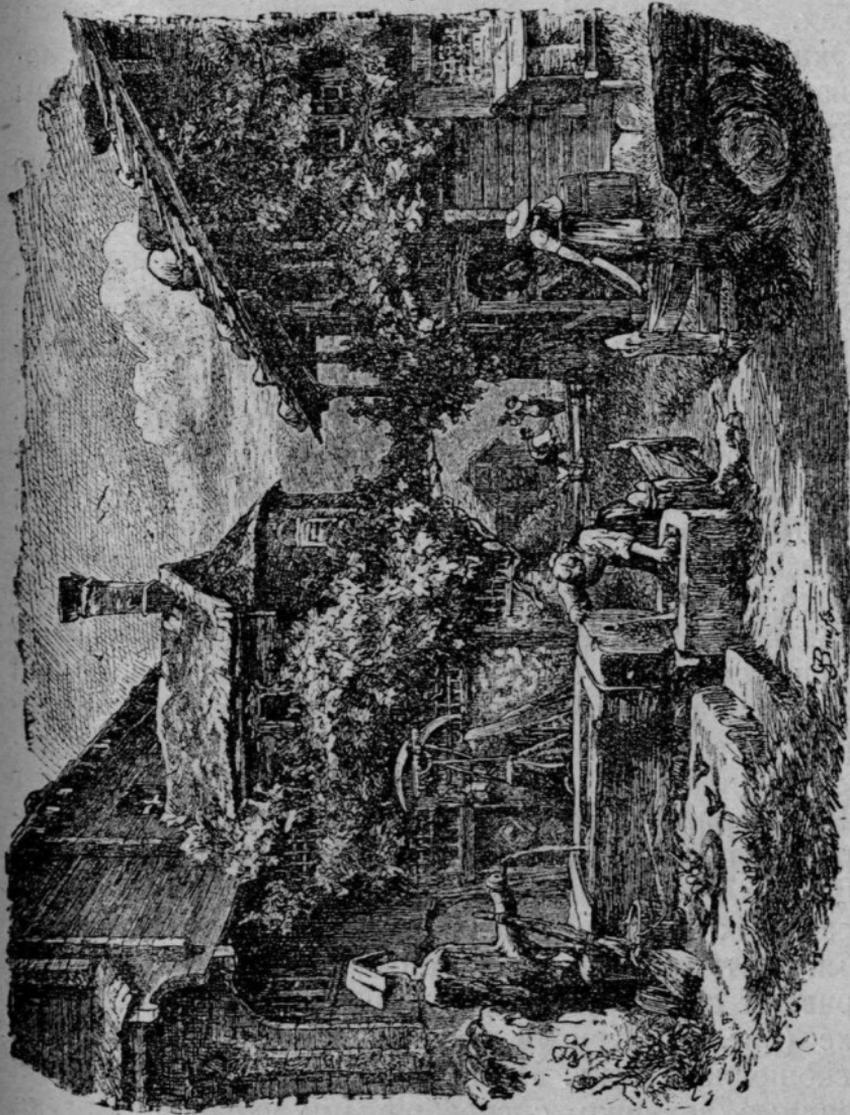

Рис. 5. В Швейцарской деревне.

спит в одной комнате. В спальне у них всегда настоящие постели с теплыми одеялами, с хорошими подушками. На день постели прикрыты покрывалами, чтобы не пылились.

У зажиточного крестьянина в доме всегда хорошая лампа, перед круглым столом—мягкий диванчик, где по вечерам сидит отец семейства и читает вслух газету, а вся семья слушает с какой-нибудь работой в руках.

Окна во всяком домике, и в бедном и богатом, завешаны белыми кисейными занавесками и уставлены цветами. У окон зеленые ставни.

Верхний же этаж, тоже с окнами, занят большою частью чердаком, и кладовыми, куда убирают разные припасы и сухие фрукты.

Если еж крестьянин женит сына, то он пристраивает обыкновенно еще комнату или даже строит целый этаж сверху. Старый крестьянский дом обыкновенно состоит из множества таких надстроек. Дом издавна переходит по наследству от отцов к детям, каждый что-нибудь в нем прибавляет и таким образом дом растет понемногу, а вместе с тем растет и благосостояние крестьянина.

Швейцарцы очень бережливый народ и редко разоряются. Хозяйство юни ведут свое толково, умело. Разве какое-нибудь несчастье разразится над ними: разольется река и затопит поле, а иногда и дом, или сорвется с горы снежная лавина и передавит, перепортит все на пути. Но и тогда пострадавшим нетрудно оправиться, потому что, как только узнают в Швейцарии ю таком несчастье, со всех сторон им собирается помощь, и они скоро оправляются.

Вот мы в праздничный день в швейцарской деревне. У садовых изгородей, обвитых виноградом или красными настурциями, сидят на скамейках старики и покуривают свои коротенькие трубочки на свежем воздухе (рис. 6). Кругом разносится благоухание свежекошенного сена. Из окон выглядывают веселые, нарядные девушки, с серебряными украшениями на груди и шелковыми уборами на головах. А ребята играют и веселятся где-нибудь на лугу.

В городах тоже замолкли колеса фабрик и мастерских, не дымятся больше фабричные трубы, и все жители направляются в хорошую погоду за город.

Даже женщины с грудными детьми не сидят дома; у каждой есть детская повозка, куда она может поместить двух и даже трех маленьких детей.

После обеда во всех трактирах, в городе и деревне, раздается праздничная музыка, а около них на воль-

Рис. 6. Старик из Аппенцеллера.

ном воздухе расставлены длинные столы и скамейки, на которых теснятся и женщины, и старики, и молодые девушки и дети. Все они собрались вместе, чтобы повеселиться и отдохнуть от недельной работы. Вечером устраиваются танцы, которые швейцарцы очень любят, а в 11 часов должны быть закрыты все

трактиры, если хозяин не запасся особым разрешением. С этого часа все должно быть тихо и на улицах.

Швейцарцы любят повеселиться. Взрослые и дети составляют разные торжественные шествия или процессии, несут флаги, знамена, играет музыка. Зато в ночь под новый год у них никогда не бывает танцев. За четверть часа до наступления нового года звонят во все колокола в городе, чтобы оповестить спящих о том, что к ним идет новый год. В католических кантонах дети очень любят праздник Крещения. Каждая мать уж непременно позаботится ночью наполнить разными сладостями корзиночки, поставленные ее детьми. А ребятишки на другое утро, еще в одних рубашках, уже торопятся посмотреть, что в них лежит.

В ночь под заговенье, на масленице устраивается обыкновенно маскарад. С утра уже по всем улицам начинают бегать наряженные в разные костюмы ребятишки. А вечером со всех сторон раздается треск хлопушек, сверкают бенгальские огни, фейерверки и т. п. Нередко кончается это очень печально, и на другой день приводят в больницу обожженных ребятишек, не сумевших обращаться с огнем.

Ранней весной в деревнях весело справляется праздник Флегелеги. Это—праздник работников, потому что устраивается он по случаю конца молотьбы. Работникам хозяева всегда дают в этот день прекрасный обед, а вечером они играют в разные игры и танцуют. Так же весело празднуется первое мая—наступление весны. Это—один из самых веселых дней в году, как в городах, так и в деревнях. Все дома украшаются зелеными елочками, у всех горожан и сельчан приколоты букеты цветов. Осень приносит другие праздники: возвращение скота с гор в долины, сбор винограда, который особенно бывает весел во время хорошего урожая.

Любят швейцарцы повеселиться в праздник, зато они умеют и трудиться в будни. В будничный день все тихо и в городе и в деревне—все работает. И бо-

гатые и бедные—никто не сидит сложа руки; хозяева работают на ряду с работниками.

Сен-Галленский кантон—очень промышленный. В каждом домике в деревне занимаются плетением кружев, вышиваньем. Швейцарские вышивки славятся по всему миру, а работаются они в этих веселых домиках, разбросанных по Сен-Галленскому и Аппенцеллернскому кантонам (рис. 7).

Рис. 7. Кружевница из Сен-Галленского кантона.

Ближе к городу в крестьянских домиках мы уже встретим ткацкие станки, которые фабриканты поставили у крестьян. По всей Швейцарии фабриканты дают работу на дом крестьянам, а на фабриках только сортируют и отделяют (рис. 8).

Сам Сен-Галлен—большой, промышленный город. Он расположен в очень высокой местности, почти выше всех городов Европы. Восемь веков тому назад поселился здесь один монах. Скоро из его пустынной кельи разросся большой монастырь, а кругом монастыря стали селиться люди. У новых поселенцев издавна возникли разные ремесла; они стали за-

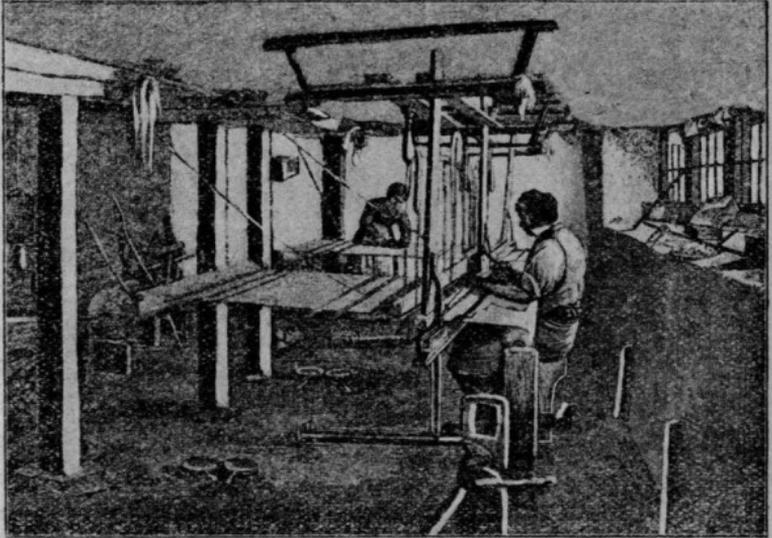

Рис. 8. Ткач из Аппенцеллера.

ниматься тканьем полотен. Потом монастырь стал приходить понемногу в упадок, поселение же все разрасталось и разрасталось. Скоро большой пожар уничтожил большую часть монастырских зданий и богатых домов. Монастырь после этого не мог поправиться и все более и более приходил в упадок. Город же опять расцвел, и теперь это—один из самых больших городов в Швейцарии, богатый и промышленный. Когда-то знаменитый монастырь исчез теперь совершенно, и его здания превратились в школы и разные правительственные учреждения. От прежнего времени в Сен-Галлене осталась только старинная ратуша—дума, вокруг которой по субботам

Рис. 9. Старинная улица в городе Сен-Галлен.

теснится сельское население, наезжающее из деревень с своими тележками и повозками. В этот день в Сен-Галлене рынок, и вся площадь около ратуши засыпана фруктами, овощами, молочными продуктами. Здесь можно встретить и рыбака с Боденского озера, и пастуха с окрестных гор и крестьянок, одетых по деревенски (рис. 9).

После полудня город опять затихает и принимается за свою повседневную работу.

В конце августа Сен-Галлен оживляется. За несколько дней уже повсюду плетут гирлянды, готовят флаги, триумфальные арки. Особенно веселы и хлопотливы дети, но не отстают от них и старики. Весь город принимает участие в приготовлениях к школьному празднику.

И вот к назначенному дню на ближайшем к городу холме, на большой лужайке, в одном углу строят большую палатку для танцев, на другом конце расставляют длинные столы, куда придется разместить до двух тысяч детей и множество взрослых. Для больших мальчиков строят гимнастику, а для маленьких детей отделяют большое место для игр. Вся лужайка украшена гирляндами и флагами.

Старшие мальчики поднимаются с восходом солнца и будят весь город барабанным боем, звуки которого тысячью отголосков отдаются в окрестных горах. Потом по улицам города проходят ученики кантональной школы с музыкой. Но им не приходится долго сзывать детей,—там и сям уже замелькали белые платица. В 8 часов во всех школах уже собрались ученики и ученицы, откуда они со своими учителями и воспитателями направляются к большому зданию кантональной школы, чтобы там соединиться в одну общую процессию. Но вот все дети расставлены, и процессия двигается по всему городу. Впереди идут маленькие мальчики. За ними следуют старшие ученики. Дальше идут девочки в нарядных белых платьях с гирляндами цветов и с венками в волосах, а сзади идут старшие воспитанники кантональной шко-

лы. В процессии принимают участие до 1500 детей и все учителя их. Проходят они по городу с пением и музыкой до самой площади праздника.

Праздник открывается детьми пением нескольких народных песен. Потом дети свободно расходятся кучками, отдыхают, и повсюду начинаются веселые игры, гимнастика, смех и болтовня. Так проходит время до обеда. Обед возвещают пушечным выстрелом, и проголодавшиеся ребяташки спешат усесться за длинные столы. После обеда один из старших учеников поднимается на подмости и говорит горячую речь своим сверстникам, в которой он благодарит родину и всех друзей молодежи за свое воспитание и призывает своих товарищей на дружную совместную работу на благо человечеству. Потом опять начинаются разные детские забавы. Взрослые тоже принимают большое участие, помогают детям устраивать игры, улаживают разные споры и недоумения. А старики сидят тут же, на скамейках, в старинных, праздничных одеждах (в коротких, желтых кожаных штанах и ярко-красных куртках с серебряными пуговками)—за кружкой пива или моста, любуются на подрастающее поколение и вспоминают свое детство и юность.

Так среди шумного веселья проходит целый день; солнце спускается уже к закату. Маленькие ребяташки, уставшие от целого дня движения и шума, задремали уже на коленях у матерей. Вот раздается колокольчик, возвещающий конец праздника, и разгоревшиеся от игр дети быстро устанавливаются в ряды, чтобы стройною процессией опять вернуться в город. И спускающаяся ночь кладет конец шумному празднику. Но воспоминание о нем долго еще живет в детских сердцах.

Но мы слишком много времени провели в царстве высокого Сентиса. Нас давно уже ждут берега Валленского и Цюрихского озер, куда мы и поспешим.

Пастушеская жизнь в Швейцарии.

Чудно хороши швейцарские озера! Много раскинулось их по всей Швейцарии, и больших и маленьких. Они точно темно-голубые глаза альпийской природы, от которых не хочется оторваться, и кажется, что читаешь в них обширную книгу ее. Точно чистые бриллиантики в дорогой, красивой оправе, играют они цветом своей воды среди зеленых, живописных берегов. Вот озеро светлеет, из темно-голубого делается понемногу ярко-зеленым, потом опять темнеет, становится мрачным, серым, почти черным—это понадвинулась тучка. Проглянуло опять солнышко—и опять заблестело озеро яркими, изумрудными красками.

Особенно славится красотой своих берегов Валленское озеро. Оно лежит на пороге настоящего альпийского мира. Если мы пойдем вверх по горным потокам, впадающим в озеро, они приведут нас к вечным снегам Гларусских Альп. Ледники их блестящих, белых вершин питают эти потоки.

Над всей страной царит величественный Тёди, настоящий альпийский великан, недоступный и как бы одинокий в своем величии. От него треугольником расположены другие горы Гларуса по восточной и западной стороне кантона. На севере кантона лежит Валленское озеро, а за ним, от самого берега его,— третья сторона горного треугольника. Прямо из золотисто-голубых волн озера поднимаются в облака мрачные серые стены с глубокими темными трещинами и ущельями. Точно развивающиеся прозрачные покрывала, падают по мрачным расселинам и стенам пенящиеся водопады, быстрых горных потоков. И каменный орел простирает свои огромные крылья над седыми изорванными скалами. Кое-где только глаз отдыхает на беленьких домиках, мелькающих в долинах. А другой берег этого узенького озера точно купается в роскошной зелени лугов и садов. Прекрас-

ные пастбища покрыты богатым, пестрым ковром пышных, южных цветов, и повсюду по ним раздаётся мелодическое позванивание колокольчиков пасу-

Рис. 10. Озеро, в горах.

щихся стад. Со всех сторон доносятся веселые человеческие голоса и звуки пастушеского рога. Деревни и города мелькают одни за другими (рис. 10).

Но иногда над этим мирным озером темные облака поднимают свою дикую игру. Они собираются в мрачные, грозные тучи, разрываются об острые скалы, перекидываются с вершины на вершину, потом сползают в узкие ущелья. Темные тени бегут от них по озеру, озеро волнуется, из вод его поднимаются белые, пенящиеся гребешки. Горные ущелья полны мрака, в них что-то грозно гудит, солнце гаснет,—и северный ветер на полной воле кидается на затихшие на мгновение воды озера, поднимает их выше и выше и, наконец, со всей силой бросает их на крутые скалы берега. Это работает дикий ветер, который иногда посещает Валленское озеро. Горе тогда запоздавшим судам,—много уже барок, да и пароходов, погубила эта дикая игра природы.

Кантон Гларус издавна считался пастушеской страной. До последнего времени жители его почти исключительно кормились тем, что давали им их стада. Теперь, правда, там уже понастроили фабрик, но все же главным их промыслом осталось все-таки молочное хозяйство. Самая почва и климат такого горного кантона, как Гларус, дают возможность его жителям заниматься только скотоводством. По крутым, утесистым склонам гор очень мало земли, годной для обработки. Да и то на большей части такой земли лучше всего удаются луга. Нигде в мире нет таких чудных лугов, как в Швейцарии. Швейцарцы много занимаются лугами, прекрасно удобряют для них почву, засевают кормовыми травами, а, главное, прекрасно орошают их и осушают болотистые места. Часто на целые часы расстояния проводят они по трубам воду или из ледников снежных гор, или из горных ручьев для орошения безводных лугов. Нередко водопроводные трубы идут по страшно диким местам, над пропастями, иногда взбираются на обрывистые высоты. К иным скалам швейцарцы прикрепляют их железными стержнями. Нередко также приходится вести их через горы и прорубать для этого в горах отверстия, называемые туннелями. Путешественники не-

вольно дивятся на такие мудреные и искусные постройки.

В холодной горной воде растворено очень много воздуха, и от поливки такой водою и при хорошем удобрении растет роскошная, густая трава.

Для осушения болотистых местностей проводят дренажи, или подземные глиняные трубы.

Хороши также и несеянные альпийские луга. Они покрыты такою густою, сочною травою, что нигде больше в мире коровы не дают такого хорошего молока, как в Швейцарии, в то время года, когда они пасутся в горах.

Альпийские пастбища разделяются на предгорье, средние Альпы и высокие Альпы. На невысокие холмы предгорья выгоняют скот тогда, когда его еще рано отправлять в Альпы. Самая же лучшая и душистая трава растет в средних Альпах.

Там пасется скот в продолжение трех летних месяцев. И, наконец, высокие Альпы охватывают луга, простирающиеся до самой границы вечных снегов. Там уже не могут расти не только деревья, но не встретишь даже и кустика. Даже трава там очень невысокая, и склоны этих гор часто бывают так круты, что рогатый скот на них не может пастись, да и немного он там найдет себе пищи. На этих высотах находят себе корм и приют только козы, да смелый косец заберется в августе месяце на эти малодоступные крутизны. Он забирает с собой только косу, брусок да немного сыра и хлеба; а если ему придется пробыть на высоте несколько дней, то и маленький мешочек с картофелем. Множество опасностей окружают косца во время работы, и бывали случаи, что семье приходилось оплакивать слишком усердного работника. Если погода хороша, то косец в один день скосит там всю траву. На другой день она высохнет, а потом готовое сено просто сбрасывают со скал. Иногда же приходится опасными тропинками носить его на плечах вниз, в долину. Нередко бывает,

что ветер развеет это сено, скошенное с опасностью жизни.

Альпийские пастбища, где пасется летом скот, часто бывают расположены на маленьких площадках между высокими скалистыми утесами. А иногда это просто небольшие углубления среди голых скал. Иногда же веселыми, зелеными лужайками пастбища мягко спускаются по горным хребтам вниз в долины. Громадные стада тучного скота встречаются там беспрестанно,

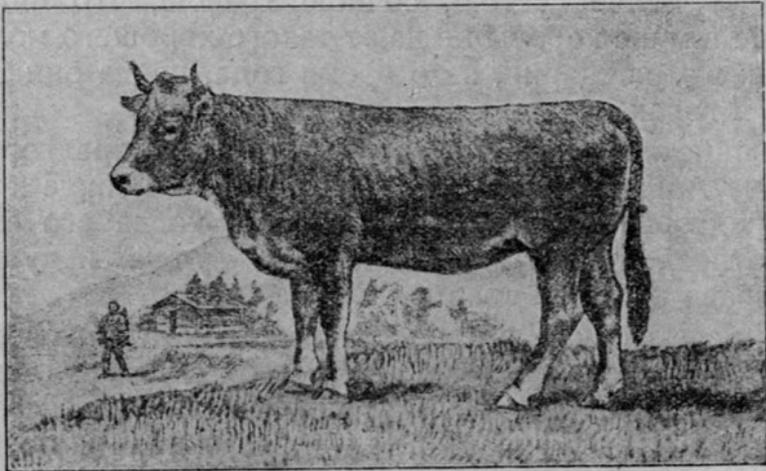

Рис. 11. Альпийская корова.

и веселые, сытые коровы, отвыкшие за лето от людей, с любопытством осматривают путника, который забрел к ним. Звуки пастушеского рога, сзывающего скот, несутся в долины и переливаются чудной музыкой в горах (рис. 11).

Коровы хорошо знают эти звуки, и, куда бы ни разбрелись они, отовсюду собираются на зов этого рога к хижине своего хозяина. Чтобы какая-нибудь из них не затерялась в горах, каждой корове, каждой козе вешают на шею колокольчик, по звуку которого ее всегда можно найти. Пастух так любит свой скот, так привыкает к звуку каждого колокольчика, что он, не глядя, узнает по нем, какая корова к нему подходит.

Хотя альпийские луга и без всякого удобрения дают

хорошую траву, но пастуху все-таки приходится позаботиться о хорошем содержании их, если он хочет, чтобы трава оставалась у него все время такая же сочная и чтобы пастбище не пропало. Есть местности, где о содержании этих лугов так много заботятся, что существуют даже общинные правила, по которым пастух перед отправлением в горы скота должен очистить пастбище, то-есть выбрать с него камни, принесенные сюда лавинами, обвалами снегов, и зимними бурями. Весной же, во время таяния снегов, потоки горной воды сильно испортили дороги, ограды—все это тоже нужно исправить, чтобы скот мог безопасно подниматься в горы и спокойно попрежнему пастись там.

Но и летом случаются напасти с альпийскими лугами. В горах раздражаются такие страшные грозы и бури, о каких в равнинах не имеют и понятия. Иногда они сопровождаются таким градом, который окончательно выбивает всю траву на пастбищах, так что часто оно после уже совершенно не может оправиться и превращается в пустыню. А если даже и оправится, то никогда больше не даст такой травы, какую давало до сих пор. Нередко такой град убивает и скот.

Кроме очищения от камней, в Альпах еще много работы: нередко приходится осушить болото, чтобы отвоевать еще кусочек земли или возвратить обратно то, что залило весной; в очень же сухие луга нужно провести воду. Местами пастухи строят довольно высокие ограды, чтобы предохранить пастбище от обвалов снега. Много им в этом помогают леса, значит, нужно позаботиться о хорошем содержании лесов и тому подобном.

Большая часть пастбищ принадлежит сельским общинам. По правилам общины, весь скот, который зимовал в долине, может провести лето в Альпах. Обыкновенно, впрочем, и не держат больше скота, чем могут прокормить альпийские луга. Для этого у пастухов существует особенное коровье право. На каждую штуку скота отчисляется определенный участок

земли. За меру считается штука рогатого скота. Козе достаточно четверть коровьего участка и тому подобное. Пастухи свято соблюдают эти правила. Они очень любят свою скотину, — от нее зависит все их существование, она кормит их и обидеть ее — великий грех. Если они выпустят больше скотины на луг, чем сколько он может прокормить, она вся будет полуголодная и молока даст она меньше. Чтобы наблюдать за верным исполнением этих правил, каждая община выбирает на мирской сходке большинством голосов доверенного человека перед отправлением пастухов в горы.

Веселый, радостный день, это — день отправления скота в Альпы, радостный и для человека, и для скотины. Скотине надоело за зиму оставаться в хлеву и есть сухое сено. Ей давно уже хочется на волю, в просторные альпийские луга, на свежую, сочную траву. А пастухи так свыклись со своими Альпами, так любят их, что, как только побежала весенняя вода и распустились деревья, они уже начинают тосковать в долине. Швейцарец скучает в других местах и, где бы ни был, всегда мечтает вернуться в свои горы к прежним занятиям.

Выгоняют скот обыкновенно в начале июня. Все стадо нарядно разукрашено. У каждой коровы на шее венки. Впереди идет передовая корова, вся в цветах и в лентах. Колокольчик подвешен у ней тоже на широкой, красивой ленте. За ней в стройном порядке следует все остальное стадо с молодыми бычками, телятами, овцами, и козами. Стадо ведет пастух, одетый в праздничный наряд, в ярко красную куртку и с букетом цветов на шляпе. Он трубит в рожок, крестьяне поют песни при отправлении, и все стадо весело мычит и перезванивает своими колокольчиками. Сзади едет маленькая тележка со всей необходимою утварью для молочного хозяйства.

Есть пастбища, в которые очень трудно пробраться. Иногда приходится переходить даже ледяные поля и ледники и взбираться на очень крутые склоны. И надо только удивляться, как такой тяжелый рога-

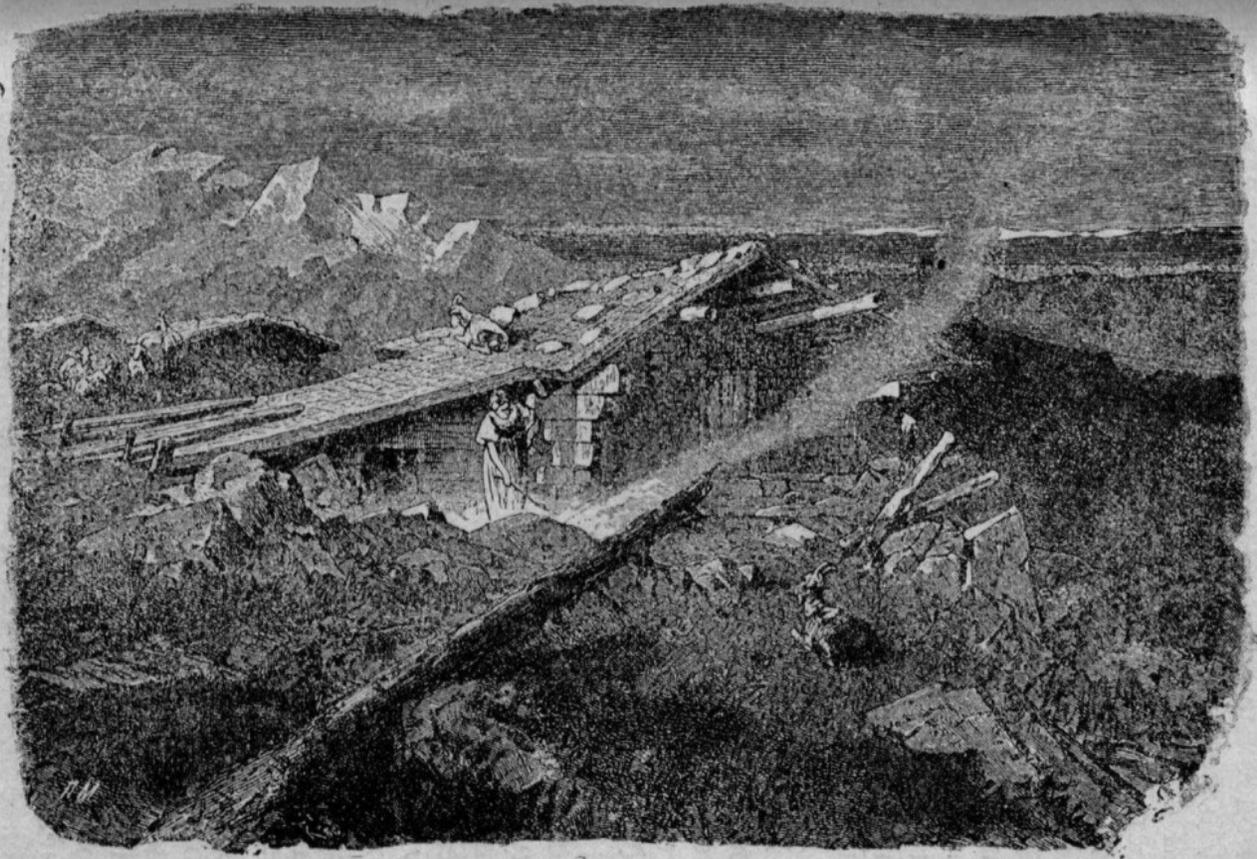

Рис. 12. Пастушья хижина в горах.

тый скот не падает и не разбивается при таких переходах. Но швейцарский скот уже привык к этому, и подобные несчастья случаются очень редко.

До половины сентября скот пасется в горах, а потом спускается в долины, где крестьяне так же торжественно встречают своих зимних постояльцев. Где есть предгорье, там скот пасется до самой зимы.

Если взглянуть откуда-нибудь с высоты на зеленые склоны гор, то мы увидим, что по ним повсюду разбросаны по одиночке маленькие хижинки. Около хижинок ни кусочка обработанной земли, ни грядки цветов, какие можно встретить у каждого швейцарского домика. Это и есть хижинки пастухов, где они проводят со скотом три летних месяца.

Войдем в одну из них (рис. 12).

Каждый пастух рад путешественнику, — ведь он все время один со своим стадом. Надо видеть, как гостеприимно принимает он гостей, угощает их всем, что у него только есть, достает самый лучший сыр. Но в хижине у него и душно и неприятно, и сам он бывает в ней, только когда спит, или работает. Остальное время он всегда на воле. Дневной свет скудно пробивается сквозь крошечные окошки хижинки и освещает большой очаг в углу и большой медный котел над ним, занимающий чуть не половину комнаты. В этом котле пастух варит сыр. Тут же приютился маленький котелок, в котором он варит себе обед. Поблизости от очага стоит скамейка, которая составляет чуть ли не единственную мебель хижинны вместе с маленькою скамеечкою для доения. Вдоль одной стены расставлены большие ведра, поддоник и боченок для масла, а на стене висят широкие, плоские, ложки для снятия молока. Тут же, на прилавке, лежит под прессом сыр. Пресс совсем простой, какой может сделать всякий пастух сам. Он сделан из толстых досок, кругом устроен небольшой желобок, чтобы стекала сыворотка. Прессуется же сыр тяжестью больших камней, положенных наверху (нередко пастух делает сам и всю свою посуду).

Вот и вся обстановка пастушьей хижины (рис. 13).

Входить в нее можно через большие просторные сени, где пастух в плохую погоду доит своих коров, а в бурю иногда и загоняет их сюда на ночь. Над сенями, под крышей—небольшое помещение, где спит сам пастух и его помощник—мальчик, если у него есть такой.

Не легка жизнь пастуха в Альпах, особенно в сырое, холодное лето. В хорошую погоду ему хорошо,—стадо не требует надзора, и он занимается все время

Рис. 13. Внутренний вид пастушьей хижины.

своим немудреным хозяйством. Не мало у него и досуга в такую погоду, есть время и полюбоваться на чудные окрестности, есть время и отдохнуть и попеть. Пастухи любят петь и прислушиваться, как переливаются в окрестных горах звуки их иодля (так называется народное швейцарское пастушеское пение).

Но нельзя позавидовать жизни пастуха в дурную погоду. Нередко случается, что в июле и в августе в горах выпадает снег, корма для скота нет. На этот случай в каждой хижинке имеется запас готового

сена. Но запастись можно только немного, а стадо большое, и вот тогда-то наступают трудные дни для пастуха. Приходится носить сено на себе из долины по крутым горным тропинкам. А иногда приходится даже спуститься вниз со своим стадом. Кроме того, как ни привык швейцарский скот к горным крутизнам, но есть такие опасные места, что редкое стадо сохранит целым всех своих членов,—нет, нет, да кто-нибудь и разобьется. А потеря каждой штуки скота крупным убытком ложится на его хозяйство. Да и любит пастух свою скотину, привык к ней как к своей семье и долго не может помириться со смертью каждой козы.

В Швейцарии женщины совсем не занимаются молочным хозяйством, их скорее можно увидеть в поле. Коров доят всегда сами пастухи. На рассвете поднимается пастух с своего сеника, выйдет за порог хижины, поглядит на меняющиеся перед рассветом на горизонте краски, полюбуется на всю просыпающуюся окрестность и принимается доить коров и коз и отпускает их пастись. Коровы сами знают свой черед и одна за другой подходят к пастуху. Он каждую приласкает, каждую назовет по имени. Окончив доить и выгнав всю скотину на пастбище, пастух сливает все надоенное молоко в большой котел для створаживания и принимается за утренний завтрак. А краски на краю неба в это время делаются все ярче и ярче; снежные горы загораются огнем, и, наконец, из-за них выплывает давно ожидаемое солнце и затопляет всю окрестность своими теплыми, ласковыми лучами. Сразу все вокруг оживилось, ярко заблестели капельки росы на венчиках цветов, замелькали бабочки, пчелы, и во всей красе своей наступает чудный летний день.

Но пастуху некогда долго любоваться природой, ему надо напоить скотину и приниматься за хозяйство. Работы у него много. Прежде всего нужно варить сыр, а для этого нужно еще сначала наколоть дров на целый день. Сварив сыр, нужно вычистить

всю посуду, а в жаркий полдень—загнать скот под навес или под деревья. Вечером же пастух опять поит его, доит и из нового молока опять варит сыр. Кроме всей этой работы, приходится часто кое-что поправить

Рис. 14. Горный пастух.

вокруг хижины, починить крышу, ограду и тому подобное.

Работы так много, что при большом стаде пастух берет себе работника и мальчика в помощники. Работник съездит и в долину, привезет провизии и новый запас сена и помогает пастуху вести молочное

хозяйство. Мальчик же чистит посуду, загоняет и выгоняет скот и исполняет разные мелкие поручения хозяина.

Сам пастух всегда ложится спать позднее своих помощников, когда осмотрит, все ли в порядке, а встает всегда раньше их всех (рис. 14).

Если несколько мелких хозяев имеют только по несколько штук скота, то они собирают его вместе, выбирают из своей среды пастуха и поручают ему вести хозяйство и пасти их скотину. Осенью же, когда стадо вернется в долину, они сводят счеты и делят сыры.

Пища пастухов самая простая и здоровая. Из долины они привозят только хлеб и какую-нибудь крупу для каши. Ни в одной хижине вы не встретите ни мяса, ни вина. Пастух утоляет жажду только чистою водою да молоком.

Несмотря на то, что у пастуха много работы и опасностей, все-таки не даром любят они эту жизнь в горах со своими стадами. Швейцарец крепнет здесь в телом и душой; труд делается для него не тяжел; со всякой опасностью он умеет справляться. Даже коровы на свежем, горном воздухе, при здоровой, сочной траве, совершенно меняются за лето: они становятся крепче, сильнее и умней.

Во всяком стаде есть свой вожак—самаямышленная корова. И она точно понимает свое значение и гордится им. Если в стаде случайно попадетсся другая корова, которая раньше была вожаком, то обиженное животное вступается за свои права и между ними устраиваются настоящие сражения.

В жаркое, полуденное время скот часто мучают оводы и разные другие насекомые. Тогда, как мы уже говорили, скот загоняют под навес или в рощицу под деревья, где не жарко. Зато беда, если скот останется под деревьями во время грозы,—молния легко может тогда убить его. Вообще грозы очень опасны для скота в горах. Они там ужасны. Молния или огромными зигзагами опоясывает небо, или несколько мгновений блистает на одном месте, ярко освещая край

неба каким-то зловещим светом. Страшные раскаты грома переливаются отголосками в горах и от этого делаются еще оглушительнее. Кажется, что рушатся самые горы. Дождь льет потоками.

Предусмотрительный пастух всегда старается вовремя загнать скот под кровлю, потому что, когда гроза разразится, испуганный скот в слепом ужасе мечется туда и сюда, и нередко бросается в ужасные пропасти, где, разумеется, разбивается на-смерть.

Рогатый скот в Швейцарии очень крупный и породистый и стоит обыкновенно очень дорого.

Бедняки разводят больше коз. Коза гораздо дешевле, а молока она дает довольно много. Разумеется козий сыр гораздо дешевле, но он все-таки очень вкусен и питателен и составляет большое подспорье в крестьянском хозяйстве. Козе и корму нужно, конечно, гораздо меньше и забот она о себе меньше требует. Она гораздо легче и отважнее крупного скота и, благодаря ее умению лазать, ей меньше опасности разбиться. Она взбирается на такие высоты, которые недоступны даже самым смелым пастухам. Но случается и так, что взберется она на какую-нибудь крутизну, а сойти с нее не может. Спасает ее только необыкновенная смелость мальчика-пастуха. Эти козы пастухи славятся даже в Швейцарии своею смелостью, решительностью, необыкновенною ловкостью и своим умением лазать по скалам. Он всегда сумеет выбрать самую удобную тропинку для животного. По Швейцарии много ходит рассказов о смелости этих пастухов (рис. 15).

Скотоводство составляет в Швейцарии главный источник пропитания. Там очень много заботятся о нем, стараются улучшить скот и оградить его от всяких болезней. Так, если где-нибудь появится чума, то место это совершенно отрезывается от всех незараженных местностей, чтобы зараза не распространилась. Кроме того, там введено обязательное страхование скота. Пастух за страховку каждой штуки скота платит ежегодно очень небольшое количество денег,—

за корову в 100 рублей он заплатит только 50 копеек в год. Зато, если корова заболит и умрет, то пастуху выплачивают полностью все деньги, сколько она стоила.

В некоторых местах Швейцарии пастухи сами уже перестают готовить сыр, а устраивают сообща ферму, куда все и свозят каждый день все надоенное молоко. А на ферме

Рис 15. В Альпийских горах.

из этого молока уже один кто-нибудь и готовит сыр. Таким путем они сберегают и на топливе, потому что приходится топить только одну печку,

да и работы-то так много меньше. Кроме того, сообща легче купить хорошую машину, а машиной, разумеется, скорее работать, и сыр выходит лучше. }

Не всегда, однако, однообразна жизнь альпийского пастуха. Швейцарцы вообще любят праздники; выпадают они и на долю пастухов. Несколько раз в лето собираются окрестные пастухи на праздник. Вечером где-нибудь на просторной лужайке альпийского пастбища, под ясным, голубым небом, собираются они со всей округи со своими женами и дочерьми. Старички выпивают по кружке пива, а молодежь веселится. Парни играют в разные игры, борются друг с другом, бегают взапуски, а потом все весело танцуют под звуки скрипки.

Цюрихское озеро.

Забравшись вглубь пастушеского кантона, мы далеко отошли от берегов Валленского озера. Вернемся опять к нему вверх по реке Линту, чтобы проехать оттуда на запад к Цюрихскому озеру.

Когда-то, в очень давнишние времена, Цюрихское и Валленское озера были соединены в одно большое озеро. Потом разные горные потоки и особенно большая река Линт стали приносить с собой с гор камни и песок, и дно в середине этого большого озера стало повышаться и, наконец, почти совершенно выступило из воды. Таким образом озеро разделилось на две части: образовались Цюрихское и Валленское озера. Печальный вид представляла вновь появившаяся земля. Это было почти одно сплошное болото. Где было возможно, поселились люди, но убийственные лихорадки ежегодно уносили в могилу многих жителей. И вот, в начале девятнадцатого века один из местных жителей, Ганс Конрад Эшер, нашел способ осушить это ужасное болото. Много пришлось ему поработать, но в конце-концов ему удалось отвести все воды этой местности в один большой канал, которым он соединил реку Линт с Цюрихским озером (рис. 16).

И болото исчезло совершенно, о лихорадках не стало больше и помину, поля и луга зазеленели, а имя Ганса Конрада Эшера навсегда осталось в памяти благодарного населения.

Теперь вся эта местность между обоими озерам представляет один сплошной фруктовый сад. Богатая растительность одевает берега Цюрихского озера. Благодаря прекрасному, мягкому климату, удобству сообщения по длинному, почти никогда незамерзаю-

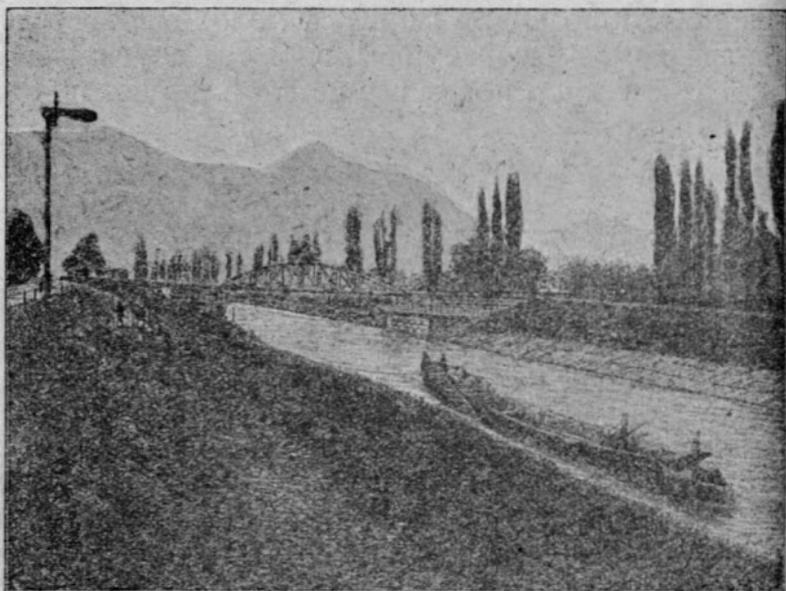

Рис. 16. Канал Ганса Эшера.

щему озеру, берега его сплошь почти покрыты городами и деревнями. В одном конце, там, где из него вытекает большая, полноводная река Лиммат, раскинулся богатый, красивый город Цюрих. Жители веселого, ласкового Цюриха издавна славятся своим гостеприимством, своею приветливостью, сострадательностью к беднякам и трудолюбием. И, действительно, нигде во всей Швейцарии иностранец не чувствует себя так хорошо, как в Цюрихе.

Цюрих лежит в прелестной равнине, на самом бе-

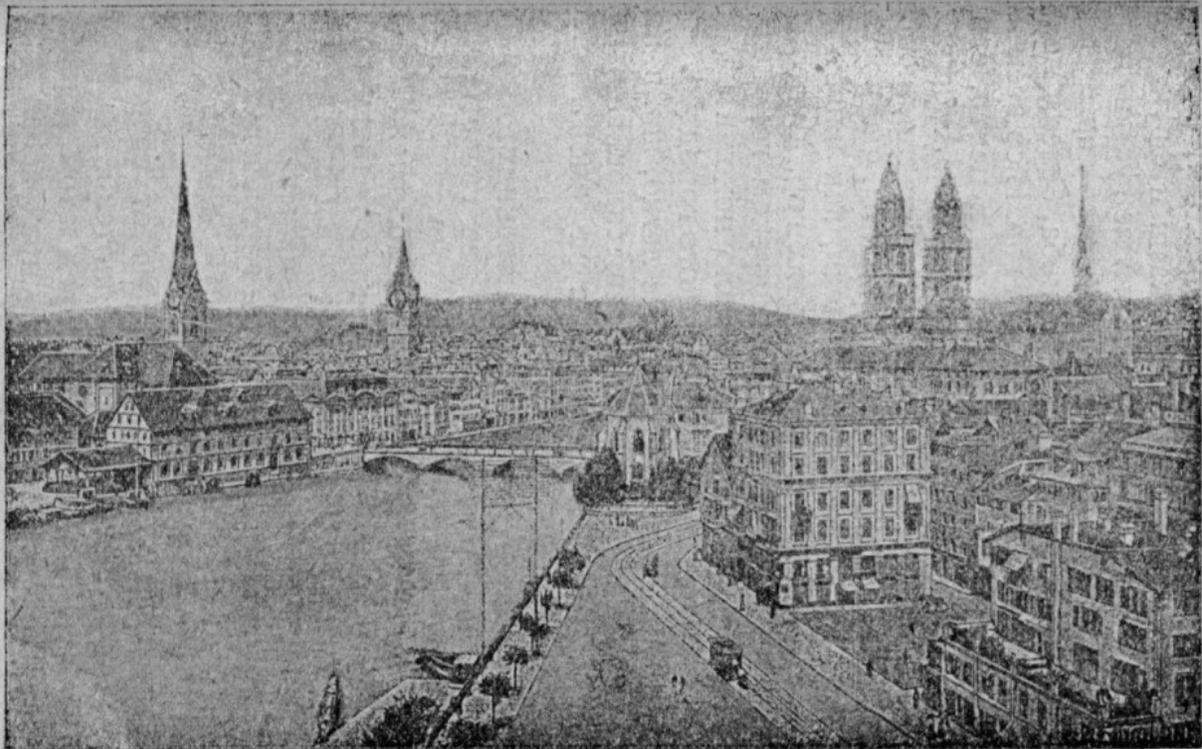

Рис. 17. Город Цюрих и река Лиммат.

регу озера; за ним раскинулись волнующиеся хлебные поля и зеленые луга с мелькающими там и сям деревнями. Равнина постепенно переходит в невысокие холмы, покрытые виноградниками и фруктовыми деревьями. За ними темнеют покрытые густым лесом склоны гор, над которыми возвышаются серые, разорванные скалы. А вдали, на краю неба, белеют ледники и серебряные вершины снежных гор. И со всех этих гор и холмов жизнь точно стекается в центр, самую середину, в цветущий, кипящий жизнью Цюрих.

Мы много уже гуляли по горам Швейцарии, любовались на красоты швейцарской природы, на роскошную горную растительность, видели, как живет простой швейцарский народ среди своих гор. Много есть также, что посмотреть и в швейцарском городе.

Швейцарские города вообще мало похожи на другие города Европы. Здесь нет душного городского воздуха, в них дышется почти так же легко, как в поле, потому что весь город тонет в зелени садов. Почти нет дома, где бы не было сада, даже на самой главной, торговой улице сады.

Через широкую реку Лиммат перекинута множество мостов, которые соединяют две главные части города.

По правому берегу Лиммата расположена старая часть города, в которой находятся все главные городские здания. Здесь городская ратуша (дума), гимназии, театр, старинные библиотеки; а выше по горе в предместье города—университет и городская клиника, где лежат больные и где студенты учатся, как их лечить.

На набережной Лиммат, недалеко от озера, стоит старинное здание городской библиотеки, соединенное с маленькою церковью. Перед этой церковью, в тени густых каштанов стоит прекрасная статуя Ульриха Цвингли. Лицо его обращено к озеру, и он как бы вглядывается в бесконечную даль его, точно видит там какой-то свет, и все лицо его полно веры и радостной надежды. Кто же был этот Цвингли, по-

чему стоит ему здесь памятник, что сделал он для швейцарского народа?

Цвингли жил более трех веков тому назад, он был простым священником. Недалеко от его памятника стоит старинный большой собор, с кафедры которого впервые раздалась его горячая, сильная проповедь.

В то время на западе Европы господствовала одна могущественная католическая церковь. Верховной главой ее был папа, который называл себя наместником Христа на земле. Папа имел свои земли и был в то же время, значит, и светским государем. По примеру папы все епископы и аббаты имели тоже множество земель, собирая громадные богатства, и жили роскошною жизнью. О своих духовных детях, о проповеди Евангелия они уже давно перестали и думать. Они собирали только со всего населения десятину в пользу церкви. Такие князья церкви держали у себя войска и оружием защищали свои богатства, а иногда даже и сами нападали на соседние владения. Низшее же духовенство, священники, простые монахи погрязали в самом глубоком невежестве; они не знали даже Евангелия, а о Ветхом Завете не имели ровно никакого понятия. Они заучивали только чужие проповеди и передавали их народу, да кое-как справляли богослужение и требы.

Самые темные суеверия господствовали тогда как в народе, так и в духовенстве. Если кто-нибудь являлся и указывал на эти недостатки и невежество, то его называли еретиком, и нередко такой еретик платился жизнью за свое честное, правдивое слово. В таком печальном положении были церковь и духовенство. Но если духовенство было такое невежественное, то каково же должно было быть духовное развитие народа, наставником которого оно было? Для народа не было даже школ, и он коснел в невежестве и в самых темных суевериях.

Швейцарию населял бедный пастушеский народ; он жил простою, трудовую жизнью. Но незадолго до того времени он одержал несколько побед над тес-

нившими его иностранными государями. И когда иностранные государи увидели силу и храбрость швейцарцев, они стали нанимать их к себе в военную службу. Каждый старался обещанием богатой добычи переманить их на свою сторону, действовали подкупом главных людей кантона, разными подарками. И в бедных, простых горцах проснулась страсть к богатству и роскоши. Они стали поступать в военную службу, то к одному государю, то к другому. Один кантон наймется к одному, другой к другому и, по приказанию их, идут войной один на другого; брат сражался с братом. Прежнее единение, которым были сильны швейцарцы, исчезло. Все стало можно купить на деньги, раздоры проникли даже в семейства. Деньги, нажитые таким путем, быстро проживались на роскошь, приходилось вновь продавать себя, и народ все больше и больше отвыкал от мирного труда. Духовенство тоже не могло остановить этого разврата; оно большей частью заботилось только о своих доходах и подавало мирянам самые недостойные примеры. Во время своих походов швейцарцы побывали и в Риме, где жил папа со своим роскошным, пышным двором; увидели, что и этот человек, называющий себя наместником Христа, живет не по-христиански, как и все остальное духовенство, и у них упало всякое уважение к церкви.

В такие печальные времена появился со своею проповедью священник Ульрих Цвингли, который стал учить народ, как нужно жить по-христиански.

Цвингли родился в богатой крестьянской семье и детство свое провел среди горной природы. Лето проводил он всегда в Альпах, пася стада, а в зимние вечера слушал рассказы отца о швейцарской старине, о простых и честных старинных нравах. Семья его была очень нравственная, строгая, и он часто слышал, как отец его осуждал наемничество и испортившиеся нравы швейцарцев. Отец Цвингли, видя, что Ульрих—очень способный и толковый мальчик, решил посвятить его духовному званию и отдал в школу.

Окончив курс учения, молодой Ульрих вернулся на родину и скоро ему предложили место приходского священника. Цвингли принял это звание и начал неумолимо работать среди своих прихожан. Вместе с этим он продолжал непрерывно учиться и уже заслужил славу ученого. Но почести не радовали Цвингли. Он глубоко скорбел, видя, как народ, прельщаясь иностранными деньгами, сражался друг против друга, как на полях битв гибла за деньги лучшая часть швейцарской молодежи. Он с кафедры стал говорить против наемничества, убеждал народ не соглашаться на разные приманки. Тогда у него сделалось много врагов и на него стали возводить много неправды. Оставаться в приходе Цвингли стало очень тяжело, и он удалился в один монастырь, куда его давно звал настоятель. Прихожане очень жалели, что от них уходит такой хороший человек.

Настоятель монастыря, куда поступил Цвингли, был умный человек. Он любил науку, покупал много книг для монастыря и много заботился об образовании молодых монахов. Оставшись без службы и живя на свободе в монастыре, Цвингли еще больше погрузился в изучение священного писания. Чтобы иметь постоянно при себе Евангелие, он сам переписал его в маленькую карманную книжку, которую всегда носил с собой.

Между прочим монастырь, где поселился Цвингли, был одним из самых любимых богомоллий в Швейцарии. Там была икона, считавшаяся католиками чудотворной, и к ней ежегодно стекались целые толпы народа со всех концов Швейцарии. Папа даровал монастырю право отпускать грехи каждому, посетившему его, и над воротами монастыря красовалась соблазнительная надпись: «Здесь получается полное отпущение грехов». Монастырь же обогащался добровольными приношениями богомольцев, а богомольцы, купив себе отпущение грехов, возвращались к прежнему образу жизни, чтобы и в будущем продолжать также за деньги, очищать себя от грехов. Цвингли не

мог без отвращения видеть таких суеверий, которые только развращали народ, и он выступил с горячей проповедью против таких богомолий. Вместо того чтобы выхвалять перед народом чудотворную силу иконы и отпущение грехов, он говорил народу, что только истинная вера в Бога и хорошая жизнь могут дать им это отпущение. «Перестаньте верить,—говорил он собравшимся богомольцам,—что Бог присутствует в этом храме больше, чем в другом месте. В каком бы уголке земли вы ни жили, Бог всегда находится вблизи вас. Он окружает вас, Он слышит вас, если ваша молитва заслуживает быть услышанной. Не бесплодные обещания, ни далекие странствования, ни дары, предназначенные для украшения мертвых изображений, не привлекут на вас благодати Божией. Сопровитесь искушению, побеждайте ваши греховные желания, избегайте несправедливости, поддерживайте несчастных и утешайте удрученных,—только такими делами вы будете угодны Богу. Эти избранники Божии, к стопам которых вы прибегаете, разве через чужие заслуги вошли в царство славы? Нет, лишь постоянным исполнением закона Божия, преданностью воле Всевышнего, доходившей до презрения смерти. Святость их жизни, да будет примером для вас, идите по их стопам. Ни опасности, ни соблазны да не сворачивают вас с пути. Только таким путем вы достойно почитаете их. В дни же скорби возлагайте упование на единого Бога, сотворившего небо и землю. В смертный час призывайте только Христа, единого посредника между Богом и людьми».

Странно и необычайно было слушать такие речи в монастыре. Они глубоко действовали на приходивших богомольцев. Число их стало уменьшаться. Некоторые, направлявшиеся в монастырь, встречали шедших обратно и, слушая их рассказы, возвращались назад с полдороги. По всей Швейцарии стала разноситься молва о знаменитом проповеднике. Услыхав о нем и папа и разными почестями старался склонить его на свою сторону. В это время освободилось

место в большом кафедральном соборе в Цюрихе. Место это решили предложить Цвингли. Когда Цвингли приехал в Цюрих, он увидел там такие развращенные нравы, каких не было нигде больше в Швейцарии. В городе господствовала страшная любовь к роскоши и наслаждениям, а потому и подкупов и задариваний со стороны иностранных государей здесь было больше, чем где-либо.

В 1519 году Цвингли первый раз взошел на кафедру цюрихского собора. Он объявил народу, что будет ему читать и объяснять Евангелие, которого народ совсем не знал. И вот чистое евангельское учение раздалось с кафедры собора. И народ, давно уже переставший слушать своих прежних священников, со всех сторон стекался, чтобы слушать нового проповедника. Каждый день почти Цвингли говорил проповеди, и не только весь город, но и окрестные крестьяне стремились послушать его. Вместе с объяснением Евангелия Цвингли старался объяснить своим слушателям и то, что они живут не по-христиански, нападал на суеверия, восставал против наемничества. И слова его не проходили даром. Так, когда в окрестностях Цюриха появился монах, продававший отпущения грехов, цюрихцы прямо запретили ему вход в город. Вместе с тем Цвингли был для жителей деятельным наставником и помощником. Примером своим он учил хорошей жизни. Когда в Цюрихе появилась чума, Цвингли не было в это время в городе, — он уехал на время отдохнуть. Как только он услышал о несчастии, то тотчас же вернулся домой и мужественно исполнял все обязанности доброго христианина, навещая опасно больных и утешая их, пока, наконец, и его не сломила болезнь.

Не все, впрочем, хорошо относились к Цвингли. Некоторые считали, что он вводит опасные нововведения. Духовенство стало бояться, что уменьшатся его доходы. Число врагов его все увеличивалось, но Цвингли не обращал на это внимания. Но вот опять в Цюрихе появились вербовщики в иностранные войска.

Цвингли сильно восстал против этого. Цюрихцы отказали французам, но в конце-концов, согласились вступить в войско папы. Врагов у Цвингли сильно прибавилось, благодаря этому случаю, так что даже жизнь его была в опасности, и друзья днем и ночью охраняли его.

Уже около трех лет проповедывал Цвингли евангельское учение. Народ уже стал понимать истинный смысл его, и нередко случалось, что простолюдин спорил с невежественными католическими монахами и доказывал им, что они не знают Евангелия. Тем не менее все еще оставались верными католиками. Но вот однажды Цвингли сказал проповедь по поводу того, что в Евангелии нет запрещения есть ту или другую пищу. После этой проповеди несколько цюрихцев нарушили пост. В Цюрихе было правило, что если кто нарушит пост, тот платит штраф в пользу церкви. Эти же люди не заплатили штрафа, потому что считали себя правыми. За это они были арестованы и подвергнуты наказанию. Тогда Цвингли решился напечатать объяснение своей проповеди. Ссылаясь на послание апостола Павла к римлянам, он говорил, что истинное благочестие—в вере и любви христианской, что запрещение той или другой пищи противно смыслу Евангелия и свободе христианина. Вместе с тем он написал еще другое послание, в котором говорил о том, какой вред приносит обязательное безбрачие духовенства, когда священникам сильно не дают жениться, указывает, что брак не запрещен священным писанием, и предлагает разрешить священникам вступать в брак. В этих двух посланиях Цвингли предлагал первые изменения или так называемые реформы католической Церкви. Папа испугался, что реформы эти уменьшат церковные доходы и самое значение духовенства для мирян, и старался заставить замолчать Цвингли разными милостями. Но для Цвингли важнее всего были его убеждения. Чтобы доказать правоту своего учения перед народом и перед ученым духовенством, он составил свои

положения и предложил городскому совету созвать собрание духовенства. Собрание это должно было быть публично, чтобы и народ мог судить, кто прав. В своих положениях Цвингли доказывал, что одно Евангелие есть для христиан источник истинного учения, а Христос есть единственный путеводитель к спасению. Христа он называл также единственной верховной главой Церкви; а кто называет себя его наместником на земле, тот посягает на честь и славу Христа. Таким родом он отрицал значение папы. Вместе с этим Цвингли восставал также и против других установлений и обрядов католической церкви — против постов, поклонения иконам, заступничества святых, говоря, что Христос есть единственный посредник между Богом и людьми. Ничто не противно так Богу, как лицемерие, а всякое стремление показать себя святым перед людьми есть лицемерие. На этом основании должны быть уничтожены монашеские рясы, клобуки, и монахам надо разрешить выходить из монастырей и жениться. Цвингли предлагал не только новое устройство церкви, но и государства. Он говорил, что христиане обязаны повиноваться светской власти только в том случае, если она не требует ничего, что противно богу. Если же она поступает противозаконно, то с Божией помощью ее следует сместить. Особенно восстал Цвингли против разрешения грехов за деньги. Бог один, говорил он, прощает грехи, и те, кто приписывает эту честь человеку, посягают на честь Божию. Священник может дать только совет грешнику, а грехов отпустить ему не может. Никто также, кроме Бога не может знать участи умерших, а потому все толкования о том, что ожидает человека после смерти, не могут быть правильны.

Повсюду были посланы приглашения духовным на собрание, но мало кто на него откликнулся. Из знатного духовенства явился только ученый богослов констанцский викарий Фабер. В зале большого совета уже с раннего утра собралось много народа. Посреди-

не залы, за отдельным столиком сидел Цвингли; перед ним лежала Библия. Собрание открыл бургомистр города. Он предложил всем, кто не согласен с учением Цвингли, высказаться против него. Потом встал сам Цвингли. «Четыре года уже,—сказал он,—я проповедую в Цюрихе одно только чистое, неприкрашенное слово Божие, а между тем меня называют еретиком, соблазнителем, обманщиком. То, что говорил я всегда в церкви, изложено теперь в моих положениях, и пусть каждый из собрания, кто считает мое учение нехристианским, докажет мне это». Но все собрание молчало, никто и не думал вступать с ним в спор. Констанцкий викарий говорил, что такие вопросы нужно решать только на вселенских соборах и в больших городах. Цвингли умолял не откладывать этого дела в долгий ящик. «Разве мало,—говорил он,—здесь достойных духовных пастырей? Кроме того, мы имеем здесь беспристрастного и непогрешимого судью—священное писание. Призовем Бога и начнем наше дело в честь истины».

Видя, что все его уговоры напрасны, он просил, наконец, во имя любви просветить его, если он ошибается. Но и на это никто из духовенства не отозвался. Тогда кто-то из присутствующих вспомнил, что недавно арестовали одного священника за то, что он отвергал заступничество святых. Говорящий заметил, что это несправедливо, если никто не может теперь возразить Цвингли. Тогда констанцкий викарий сказал, что священник этот скоро будет освобожден, потому что ему удалось убедить его отказаться от своей ереси. Тогда Цвингли попросил, если он убедил того священника, убедить и его на основании священного писания. Но викарий опять уклонился от ответа. Так и кончилось собрание. Никто не опроверг Цвингли, никто не уличил его в ереси, и он попрежнему продолжал проповедывать Евангелие. Его примеру последовало большинство других священников в Цюрихе, и народ, на

глазах которого произошла победа Цвингли над католическим духовенством, все больше и больше понимал, что во многом Цвингли был прав.

С этого времени в Швейцарии начались перемены в церковном устройстве. Переведены были на немецкий язык все богослужебные книги и Евангелие, так что богослужение стало совершаться на родном, понятном для народа языке. Цюрихское духовенство отказалось добровольно от своих преимуществ. Все духовные требы должны были совершаться безвозмездно для народа. Избыток доходов церкви передается на больницы и на бедных в приходе. Вместе с тем монахам и монахиням разрешено было выходить из монастырей и духовенству вступать в брак. Вскоре женился и сам Цвингли. Кроме того, во внешнем виде храмов и в богослужении Цвингли произвел целый ряд перемен. Он отменил множество обрядов, крестные ходы; из церквей были вынесены статуи, иконы, органы. И, кроме всего этого, мирянам разрешено было причащаться под обоими видами, тогда как у католиков так причащались только священники. Богослужение стало совершаться крайне просто: во время него только разъясняли Евангелие да пели псалмы, но эти простые молитвы наполняли сердца молящихся гораздо большим благоговением, чем пышные обряды католического богослужения. И когда в первый раз вся община причащалась под обоими видами во время такого богослужения, то все участники почувствовали себя как бы перенесенными в первые века христианства. Казалось, дух братства и любви снизошел, наконец, на людей. Вчерашние враги обнимались, забыв все взаимные обиды. Все чувствовали, точно они возродились для новой, лучшей жизни. Так важно было народу вздохнуть хоть немного свободней от вечного дозора, наблюдения, даже шпионства представителей католической

церкви, этих надменных папских слуг, которые без стеснения залезали в души своей паствы, вмешиваясь постоянно в каждое домашнее решение и семейное событие.

Преобразив таким родом церковь, Цвингли не сложил рук,—отдыхать ему было некогда. Много было еще работы и в церковных и светских делах. С уничтожением монастырей, богатства их были обращены на дела благотворительности и общественные нужды. Молодые монахи обязаны были научиться какому-нибудь полезному ремеслу. Старики же могли доживать свой век в монастырях. Для того, чтобы все понимали священное писание, Библия и другие церковные книги были переведены на немецкий язык. Но, чтобы они действительно сделались понятными и доступными для народа, нужно было, чтобы он умел читать их, следовательно, нужно было позаботиться о народном образовании. А с этим было очень много работы, потому что хотя в Цюрихе и были низшие школы, но в них только подготавливали к церковной службе и ничему не научали юношей.

Цвингли и друзья его много потрудились в деле народного образования. Между прочим Цвингли основал также и высшее учебное заведение—академию. Это было его любимое детище. Он созвал туда много профессоров и сам читал там лекции по богословию. Мало-по-малу из этой академии вышло много образованных людей и работников на пользу человечества. Чтобы научить чему-нибудь и взрослых, которым уже не могла служить школа, Цвингли устроил в соборе публичные лекции по богословию для народа. Кто-нибудь из профессоров читал что-нибудь из священного писания и разъяснял народу. Другие ученые возражали ему, оспаривали, и каждый из слу-

шателей мог вступать в эти споры, предлагать вопросы. Масса народа стекалось на эти собрания, и мало-помалу все привыкли читать и понимать Евангелие.

Среди таких забот Цвингли не забывал также и дел благотворения. Для помощи нуждающемуся населению устроены были запасные магазины; большим съестные припасы приносили даже на дом. Учрежде-

ны были богадельни, гостиница для бедных прохожих и больницы. Во всех этих трудах Цвингли помогала его жена, скромная, трудолюбивая женщина. Она ухаживала за больными, помогала бедным. Дома же несмотря на скудные средства, она сумела сделать уютный уголок, где всегда находили приют и радушный привет многочисленные друзья ее мужа. Цвингли

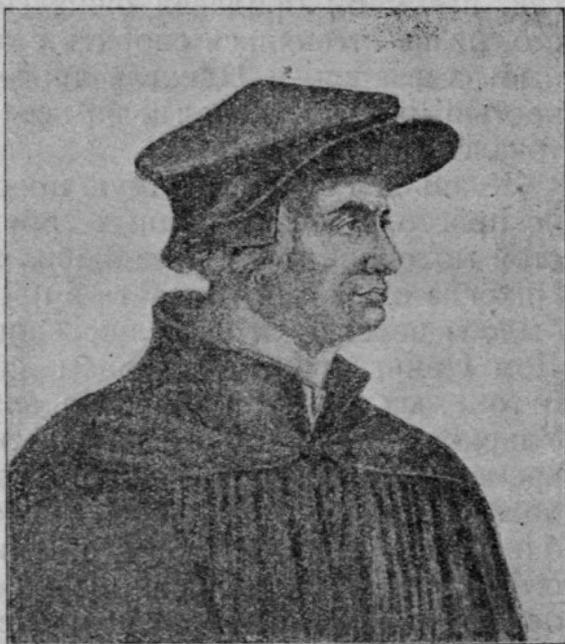

Рис. 18. Цвингли.

неустанно работал целый день, а нередко и ночи. Вставал он очень рано и усердно занимался, пока не наступало время идти в церковь или в академию. В это время он продолжал изучать священное писание и писал свои знаменитые сочинения. В одиннадцать часов он обедал и затем до двух принимал своих прихожан и вообще всякого, кто в нем нуждался. После этого он опять занимался до глубокой ночи, и не раз случалось, что рассветающий день заставал его за работой. Только после ужина он позволял себе отдыхать немного в кругу семьи и друзей. Стоило посмо-

треть его среди своих детей: он играл с ними, пел им детские песенки. В кругу друзей он был самым веселым и приятным собеседником. Дом его был сборным пунктом, где обсуждалось все, что делалось вокруг, решалось предпринять те или другие меры. Ученые обменивались мыслями, сообщали друг другу свои мнения. И всеми разговорами руководил сам Цвингли, всему он придавал оживление. Друзья любили его, но не стеснялись спорить с ним, делать ему разные замечания, и Цвингли терпеливо и с благодарностью их выслушивал и во всех делах с ними советовался (рис. 18).

Жизнь вел Цвингли самую простую, одевался крайне просто. В своих родных горах он привык к простой молочной пище и не любил ничего изысканного. Никогда он не мог отказать в просьбе кому бы то ни было и нередко отдавал последнее, что у него было. Дом Цвингли был убежищем для всех страждущих и гонимых. Так, он приютил знаменитого ученого, Ульриха Гутена, одного из самых светлых умов того времени. Все отвернулись от этого несчастного философа за его правдивое, смелое слово; даже все близкие друзья оставили его, боясь герцога, который его преследовал. Больной, всеми гонимый, бродил он повсюду, пока его, наконец, не принял к себе в дом гостеприимный Цвингли. И при его посредстве больной ученый прожил спокойно последние дни своей жизни на маленьком острове Цюрихского озера, Уфнау. Впоследствии ему там поставили памятник.

Цвингли пользовался также общей любовью всего народа. Со всеми он был необыкновенно прост и доступен, с неистощимым терпением он при всех своих трудах выслушивал каждого, давал советы, утешал, наставлял. Он обладал, между прочим, редким даром совершенно не помнить личных обид. Цвингли нередко принимал участие в народных праздниках, и везде среди простого народа он был своим человеком. Проповеди Цвингли и разгово-

вания, которые он устроил в соборе, дали толчок всему народу. Все начали читать, думать, обсуждать самые серьезные вопросы жизни. Явилось много мыслителей, которые пошли в своих воззрениях еще дальше реформатора. Возникло множество новых толков и согласий. Так, один толк отвергал крещение младенцев и крестил вторично всякого члена своего согласия, поэтому их звали анабаптистами, т.-е. перекрещенцами. Они совершенно отвергали духовенство, говоря, что священники присваивают себе исключительное право поучать людей и проповедуют слово божие за жалованье. Анабаптисты говорили, что в обществе верующих должна царствовать только одна любовь и поэтому для них не нужно государства и никакой другой власти. Настоящий христианин не нуждается в судах, он не убивает и не заключает в темницу. Единственное наказание для согрешившего, это—отлучение от общества верующих. Христианин не носит оружия, не воюет и не клянется,—все это запрещается Евангелием. В царстве любви и справедливости не должно быть и речи о каком-нибудь неравенстве. Христиане все равны, у них не должно быть отдельной собственности. Всеми земными благами они должны владеть сообща.

Анабаптисты вступали в споры и с реформаторами. Реформаторы, по их мнению, хоть и проповедуют Евангелие, но мало проводят в жизнь учение Христа. Не раз и Цвингли вступал с ними в публичные беседы, стараясь убедить их, но анабаптисты твердо держались своих верований.

Между тем враги реформации не дремали. Проповеди Цвингли и его друзей все более и более подрывали католическую церковь. На всенародной беседе с католическим духовенством в Берне Цвингли опять одержал сильную победу. Несколько швейцарских городов, где сильно распространилось новое учение, образовало так называемый христианский союз. Союз этот хотел защищать свободу

совести в землях союза, не допускать в них преследования своих единоверцев. В случае же нападения католиков они должны были помогать друг другу.

Католические же швейцарские земли заключили тоже союз, в который приняли и иностранных государей. Союз назывался католическим союзом и целью его было—охранение католической веры во всей Швейцарской земле.

Скоро возникли такие недоразумения, которые дали повод к кровопролитию. Католики преследовали в своих землях последователей нового учения, заключали их в тюрьмы и даже жгли их на кострах, как еретиков. Протестанты же уничтожали иконы в церквах и приглашали к себе евангелических проповедников. Так, однажды одна община пригласила к себе цюрихского священника Якова Кейзера проповедывать евангелие. Католики перехватили его на дороге, подвергли пытке и сожгли на костре. Тогда цюрихцы решили, наконец, вступить за своих единоверцев и выступили с войском против католиков. Кровопролития, однако-ж, на этот раз не произошло. Обе стороны подписали мир, по которому каждый город мог остаться при своей вере. Детям же казненного Кейзера выдали вознаграждение.

Но раздражение обеих сторон этим не успокоилось. Как католики, так и протестанты давали повод к недовольству противников. В Цюрихе протестанты распоряжались по своему произволу церковными имуществами, несмотря на несогласие католического духовенства. Католики тоже не уступали: они давали оскорбительные прозвища протестантам и расправлялись с ними попрежнему, как с еретиками в своих городах. Война была только отсрочена мирным договором и неизбежно должна была возгореться. Среди самих протестантов возникли, однако, несогласия: многие были недовольны Цвингли. Видя, что его больше не слушают,

Цвингли явился в совет просить отставки. Даже враги Цвингли смутились. Совет умолял его не оставлять своего дела. Наконец, через три дня Цвингли снова явился в совет и объявил, что он готов служить народу даже «до последнего издыхания».

Ждать этого пришлось уже недолго. Католические кантоны решились действовать, наконец, круто. Они объявили войну протестантам, и немедленно большой отряд двинулся в протестантские земли. Это были отборные воины, закаленные в битвах и горевшие желанием встретиться с врагом. Цюрих не был готов к войне. Кое-как собрался маленький отряд. С ним, в качестве священника, отправился и Цвингли. Католики внезапно напали на расположившихся на отдых цюрихцев. Цюрихцев было вчетверо меньше и они были совершенно разбиты. На поле битвы остался и Цвингли. Цвингли сам не принимал участия в битве. Он только одушевлял сражающихся и говорил слова утешения раненым. В то время, как он наклонился к одному из умирающих, камень ударил в его шлем с такой силой, что он упал на землю. Три раза поднимался он и падал опять раненый, пока неприятельское копье не нанесло ему последней смертельной раны. «Что за беда!—были его последние слова в ответ на жалобы окружающих его товарищей,—ведь они могут умертвить лишь тело, но не душу». Настала ночь. Цвингли лежал под деревом, взоры его были обращены к звездному небу. Он был еще жив и губы его шептали молитву. Так нашли его неприятельские солдаты, которые грабили павших в битве. Они не узнали его. «Хочешь исповедываться?»—крикнул ему один из них. Цвингли отрицательно покачал головой. «Призови Матерь Божию и святых!» Цвингли снова покачал головой. «Так умри же, проклятый еретик!»—воскликнул солдат и прикончил его. На другой день только узнали Цвингли. Мертвое лицо его было полно самого глубокого мира. Католики, не довольствуясь смертью реформатора,

зверски надругались над его телом: над мертвым Цвингли снаряжен был на суд на поле битвы, после чего труп его был четвертован рукой палача, затем сожжен, а пепел развеян по ветру. Спустя несколько дней,—как говорит легенда,—в куче пепла один из учеников его нашел нетронутым сердце реформатора. Он отвез его в Цюрих, где оно и было похоронено.

Так умер на 48-м году жизни знаменитый швейцарский реформатор, много поработавший для своей родины и силой своей мысли и слова освободивший ее от католического ига и католических суеверий. Семена его учения остались навсегда и все более и более распространялись по Швейцарии.

Теперь в Швейцарии полная свобода вероисповедания, существует множество обществ и союзов для распространения того или другого учения. Самое крупное из этих обществ, это—общество свободного христианства. Оно борется против разных католических обрядов, оставшихся в народе, и всевозможных суеверий.

Существует также множество католических обществ, которые поддерживают католическое духовенство и с помощью проповеди распространяют католическую веру, стараясь обратить протестантов в католиков. Но живут теперь протестанты и католики мирно между собой. В Швейцарии около двух третей всего населения—протестанты, а одна треть—католики. В каждом городе вы встретите как протестантские, так и католические церкви. Нередко даже встречается, что в каком-нибудь маленьком местечке половина жителей—протестанты, а половина—католики. Чтобы сократить расходы на содержание лишней церкви, бывает, что и те и другие отправляют свое богослужение в одной и той же церкви в разное время. Но вообще протестантская церковь гораздо проще католической. В ней вы не увидите ни икон, ни статуй, обстановка совершенно простая. Во всякой церкви играет орган, и все

присутствующие поют псалмы и гимны. Самая главная часть службы, это—проповедь. Многие приходят в церковь только за тем, чтобы послушать, что будет говорить проповедник. Проповедников каждая протестантская община выбирает по своему желанию на несколько лет. Если он не понравится им, то во второй раз он может быть и не выбран. Община же дает священнику и содержание, так что прихожане ничего не платят ему за церковные требы.

• Дети учатся закону божию в церквях после обедни по воскресеньям. Родители посылают детей в ту церковь, куда им больше нравится. Если же не хотят, могут вовсе не посылать и наставлять своих детей в вере по своему желанию. В школах же не обучают закону божию.

В Швейцарии издавна обращали внимание на народную школу. Еще Цвингли, как мы видели, позаботился о народном образовании для того, чтобы все могли сами читать и понимать священное писание. И с тех пор швейцарцы верно хранили завет своего учителя и не жалели средств на устройство хороших школ. Теперь все дети в Швейцарии могут бесплатно учиться в первоначальной школе. Обучению помогают множество хороших учебных пособий. Дети выучиваются в школе не только читать, писать да считать, но учатся также и другим наукам и мало-по-малу начинают понимать, что делается вокруг них. Как же додумались швейцарцы до такой хорошей школы и почему столько внимания и забот отдают они своим детям?

12 января 1896 года по всей Швейцарии был большой детский праздник. Не было деревни, где бы не чувствовалось праздничного настроения; не было домика, где бы дети, одетые в свои лучшие платья, не торопились бы на праздник. Все дети знали, что в этот день празднуется 150 лет со дня рождения Генриха Песталоцци, который заслужил себе всемирную славу и благодарность потомства не войнами, не богатством и властью, а только

горячей любовью к детям и нуждающимся. Посмотрим же, как жил и что делал этот знаменитый человек.

Родился Генрих Песталоцци в Цюрихе. Цюрих 150 лет тому назад был совсем не тот, каким мы его видим теперь. В том месте, где река Лиммат вытекает из озера, теснились узенькие улицы города. Высокие стены с башнями, крепостные рвы и валы окружали его. Из волн реки мрачно поднималось здание с толстыми железными решетками. Это была тюрьма. Каждый вечер ворота города запирались, так что никто не мог войти в него после известного часа. Ни о каком освещении улиц в темные ночи не было и речи. А там, где теперь по горе раскинулись обширные предместья города с своими роскошными садами и дачами, рос густой и темный лес, да кое-где мелькали отдельные кучки домов. Семья Песталоцци была одна из самых уважаемых в городе, но средств у них было очень мало. И при жизни отца семейства жили они небогато. Когда же он умер, оставив жену с тремя малолетними детьми, нужда окончательно вошла к ним в дом.

Овдовев, мать его поселилась на краю города, сократила до крайности расходы семьи, положила все свои силы, чтобы дать своим малюткам-детям хорошее воспитание. Но бедная молодая женщина была родом не из Цюриха, и у ней никого не было близких в городе, кто бы поддержал ее и помог бы ей в эти тяжелые дни. Кто знает, что было бы со всей семьей, если бы у ней не было единственного доброго друга в лице служанки Бабели. Она была простая деревенская девушка. Поняв ее доброту и преданность, отец Песталоцци сказал ей, умирая: «Бабели, не оставляй моей жены. Если я умру, она пропадет без тебя и дети мои попадут в чужие руки. Одной ей не справиться со всем хозяйством и с детьми». И Бабели отвечала ему: «Будьте покойны, я не покину вашей жены после вашей смерти.

Я до конца дней моих останусь при ней, если буду ей нужна». Это обещание успокоило умирающего, и он закрыл глаза с облегченным сердцем.

Честная девушка сдержала свое обещание. Песталоцци впоследствии с глубокой благодарностью вспоминал о ней. Положение осиротевшей семьи требовало самой строгой бережливости, и заботливая девушка по три, по четыре раза бегала с корзиной на базар через весь город, чтобы купить на несколько копеек дешевле. И никто никогда не слышал от нее ни слова о том, сколько труда ей стоит вести хозяйство; никому никогда не жаловалась она на усталость. При всех домашних заботах Бабели не забывала и воспитание детей. Она передавала им все, что знала сама, и обращала их внимание на каждую травку, на каждого зверька.

Песталоцци рос слабым, болезненным ребенком. Он мало мог принимать участия в играх своих товарищей на улице и больше сидел в комнате, слушая рассказы своей матери и Бабели.

Наконец, наступило время отдавать маленького Генриха в школу. В первые годы Песталоцци мало делал успехов в школе. В школе учили только читать да писать, а мысли способного, вдумчивого мальчика уносились в далекие страны, о которых рассказывала ему мать. Когда он подросток, занятия его в школе пошли лучше.

Маленький Генрих рос очень рассеянным и крайне неловким мальчиком. Во всех играх он всегда отставал от товарищей. И товарищи нередко подшучивали над ним, хотя все любили его за доброе сердце. Он не помнил обид и легко забывал всякое случившееся с ним несчастье. Зато неловкий, нерасторопный мальчик всегда умел забывать себя для других. Раз в городе случилось небольшое землетрясение. Учитель и все ученики выбежали из школы на улицу и никто не решался войти в дом, взять книги и тетради. Тогда Песталоцци спокойно

поднялся по лестнице и принес каждому, что ему было нужно.

Особенно отличался Песталоцци с детства своим состраданием к беднякам. Бедный мальчик всегда сам сильно страдал, когда видел, что тому или

Рис. 19. Генрих Песталоцци.

другому товарищу запрещали посещать школу, потому что ему нечем было заплатить. Если он встречал ребенка, просящего милостыню, он отдавал ему все, что у него было, как бы он сам ни был голоден.

На каникулы он ездил к своему делу, деревенскому священнику

Крестьяне очень любили старика-священника. Он входил во все их нужды и заботы; ежедневно посещал кого-нибудь из них и помогал везде делом и добрым советом. Особенно много заботился он о школе. И маленький Песталоцци, всегда сопровождавший деда и в крестьянские хаты и в школу, хорошо мог познакомиться с бытом крестьян, с их горем и нуждой, научился любить их и всем сердцем хотел, по примеру своего деда, помогать им. Особенно горько было доброму мальчику за бедных детей.

Нынешние дети в Швейцарии не могут и представить себе, какие школы в деревнях были 150 лет тому назад. Теперь все дети в Швейцарии могут бесплатно учиться в первоначальной школе. Их школы прекрасно устроены; они помещаются в отдельных, хорошо для этого приспособленных домах, у детей всегда есть под руками множество хороших учебных пособий. Дети выучиваются в такой школе не только читать, писать да считать, но учатся также и другим наукам и мало-по-малу научаются понимать, что делается вокруг них. Понимание же всего окружающего дает им возможность разумно смотреть на весь мир.

Совсем не то было обучение во времена детства Песталоцци. Тогда для школы большей частью и комнаты-то отдельной не было, а учение велось в хате учителя, и семья его тут же занималась своим хозяйством, а где были отдельные школы, то это были темные, тесные и сырые коморки, где висел густой, тяжелый пар и дети сидели все время не раздеваясь в душном воздухе.

В такие-то школы попадали дети нередко с четырех-пятилетнего возраста, которых посылали матери, чтобы они не мешали дома. Задремлет ребенок в школе от усталости, его разбудит палка учителя или толчки товарищей. Да и чему могли дети научиться в школе, когда и учителя-то сами были малограмотны, да и пособий почти никаких в школе

не было. Пробудет мальчик года два-три в школе, не выучится еще как следует читать и писать, а его уже берут оттуда, чтобы поместить 7—8-летнего в ремесленное заведение или на фабрику, которых много было в Швейцарии. И Песталоцци видел, как веселые, здоровые дети превращались в бледных, заморенных и больных от фабричной работы. И в душе мальчика складывалось твердое намерение помочь всем этим несчастным детям, спасти их от непосильной работы в детские годы и сделать из них добрых и честных людей.

Наконец, маленький хилый мальчик превратился во взрослого юношу. Из некрасивого, даже почти безобразного лица смотрели такие светлые, добрые глаза, которые заставляли забывать об его невзрачной наружности. Он поступил в духовную академию, основанную Цвингли, надеясь сделаться, по примеру своего деда, деревенским священником, чтобы работать для крестьян. Но окончить академию ему не удалось. Пылкий юноша указал на некоторые злоупотребления, и за это ему сделали строгий выговор. Тогда он вышел из академии. После того он принялся изучать право, чтобы сделаться судьей. Но и этого ему не удалось осуществить. Песталоцци участвовал в одном кружке молодежи. Они много читали вместе, много думали. Особенно привлекал их быт древних греков, описанный в книгах. Им нравилась простота их нравов, их честность и справедливость. Молодые люди называли друг друга греческими именами и мечтали о том времени, когда на свете наступят всеобщий мир, счастье и простой образ жизни, когда не будет ни войн, ни насилий, ни страданий, ни сумасбродной роскоши. Особенно нравился им мирный труд земледельца, довольствующегося тем, что ему даст земля.

В то время в Швейцарии было по-другому, чем теперь. Страна управлялась тогда богатыми и знатными людьми; равенства всех граждан в Швейцарии

при еще не было. Народ не принимал никакого участия в управлении. Но вот одна община вспомнила о том, что прежде она управлялась своими выборными, и захотела это сделать также и теперь. Тогда правительство отправило туда войска, усмирило ее и заставило заплатить большой штраф. Крестьяне тоже не были еще тогда полноправными гражданами,—такими были только чиновники, писцы, офицера, священники и богатые люди. Торговля была преимуществом города. Крестьянин не мог продать своему соседу ни овцы, ни овощей, ни даже молока. Все это он должен был везти в город, а иначе с него брали большой штраф. Никто не смел даже выбелить или окрасить дома куска холста, вытканного им самим. Тысячи рабочего народа должны были служить знатным гражданам. Им позволялось наниматься в солдаты к иноземным государям, но каждому, кто будет искать работы в чужом кантоне, грозило суровое наказание. Громадные налоги тяготели на крестьянах, а во всей стране господствовала страшная нужда. Толпы нищих бродили повсюду, и правительство в начале каждого месяца устраивало на них настоящую охоту. С глубокой скорбью смотрел Песталоцци на народное горе и на нищету, среди которой выросло множество детей. Говорить открыто против всех этих бедствий или писать о них правительство строго запрещало. Но кружок молодежи, в котором был Песталоцци, все-таки напечатал о несправедливых поступках одного важного чиновника и распространил повсюду эти листки. Вместе с тем они указывали также и на многие другие злоупотребления. Хотя все это и было справедливо, но молодые люди получили строгий выговор, потому что правительство не хотело, чтобы обсуждали его дела. В то же время в Женеве народ не принял нового городского положения, которое ему прислало союзное правительство. Правительство хотело послать туда войска. Тогда один молодой человек написал листок, где в виде разго-

вора двух крестьян между собой говорил о несправедливости такого поступка. Листок этот быстро распространился. В городе произошло небольшое волнение. Власти хотели схватить смелого юношу, но он убежал за границу. Песталоцци заподозрили, что он помог ему бежать, и арестовали его. А злополучный листок был публично сожжен на дворе городской ратуши. Песталоцци и его друзья должны были заплатить штраф. Кроме того, их предупредили, что они потеряют права гражданства, если еще что-нибудь будут говорить о злоупотреблениях властей. После этого Песталоцци не мог рассчитывать получить какую-нибудь общественную должность, тем более, что своим смелым разговором он особенно восстановил против себя городские власти. Что же оставалось ему теперь делать?

Давно уже привлекала Песталоцци сельская жизнь. Мирный, крестьянский труд казался ему самым достойным трудом человека. В то же время он заболел от усиленных занятий, и врач посоветовал ему жить в деревне. Песталоцци послушался и поселился среди крестьян, помогал им работать и вместе с тем изучал сельское хозяйство. Потом он поехал к знаменитому в то время сельскому хозяину Чиффели, у которого учились вести хозяйство и крестьяне и знатные люди. Десять месяцев прожил он у него работая с утра до поздней ночи всякую работу. Вместе с тем он тесно сошелся с Чиффели, и учитель с учеником сильно полюбили друг друга. С этих пор мирная сельская жизнь поселянина в простой хижине сделалась его целью. Он и сам хотел быть счастливым и сделать счастливыми всех окружающих.

Песталоцци задумал заняться разведением краппа. Это растение прежде употреблялось для крашения тканей в красную краску.

С помощью банка Песталоцци удалось купить недалеко от города Бругга, в Биррфельде, небольшой клочок земли. Биррфельд была крайне бедная мест-

ность. Земля там была очень дешева. Песталоцци поселился в соседней со своим имением деревне, откуда и начал строить в нем себе домик. Усадьбу свою он назвал Нейгофом, то-есть «Новый двор».

Около этого времени Песталоцци женился. Жена его была умная, даровитая женщина. Она была из богатой цюрихской семьи, и родители были против ее брака с бедным, незнатным Песталоцци. Но когда девушка решительно объявила, что она любит выбранного ею жениха, то родители отпустили ее, не дав, впрочем, никакого приданого. Прощаясь, мать сказала ей: «Ты должна теперь довольствоваться только хлебом и водой». Впрочем, скоро родители молодой девушки помирились с ее браком.

Полный самых смелых планов, с глубокой верой, принялся Песталоцци за новое дело. Много труда положил он, но скоро оказалось, что земля была очень мало плодородна и совершенно не годилась для разведения краппа. Ожидаемый урожай не удался, и банк отказался помогать молодому хозяину. После этого Песталоцци попробовал заняться скотоводством и начал сеять на своей земле кормовые травы. Но и здесь дела его пошли не лучше. Не удалось ему также предприятие с хлопчатобумажной фабрикой, которую он затеял, так как он ровно ничего не понимал в этом деле.

Нужда и заботы все прибавлялись, долги увеличивались, и займодавцы настоятельно требовали их уплаты. Преданная жена Песталоцци отдала ему все, что у нее было, но долги все не уменьшались. С глубокой скорбью видел Песталоцци, что все планы его разрушились, как сон. Он надеялся устроить в этой усадьбе покойный уголок для своих близких, а теперь об этом нечего было больше и думать. Но вот среди забот о куске хлеба в душу его закрадывается новый, великий замысел. В этом замысле проявилось все любящее сердце Песталоцци, но он же и принес ему много горя.

В то время по всей Швейцарии бродили толпы

голодных, нищих детей. Песталоцци сильно жалел их. Мысль об их горькой судьбе все время томила его душу. Он часто говорил с ними и узнавал, как они жили, что думали и чувствовали. Часто спрашивал он сам себя: «Разве не вложена, даже в самого заброшенного ребенка, такая же живая и чувствующая душа? Не лежит ли в каждом из них зародыш хороших сил? Стоит только помочь им развиваться, и из несчастных, нищих детей выйдут честные, полезные люди». Он рассказывал жене все, что думал, и стал обсуждать вместе с ней, как бы спасти этих детей от праздного попрошайничества и научить их полезным работам. Они придумали, что можно дать им какую-нибудь работу и на те деньги, которые выручатся за нее, кормить и воспитывать их. И в конце концов они решили принять несколько детей к себе в дом и стать им отцом и матерью.

Бодро принялся он теперь за это новое дело. Он пристроил к своему домику мастерскую для работ и комнату для спальни детей: потом начал собирать по улицам и деревням всех нищих, заброшенных детей. Ласково принимала их его верная подруга, и через несколько времени в Нейгофе собралось до двадцати детей. Соседи не могли понять, зачем все это делает Песталоцци, и только удивлялись, как он, при всем своем разорении, может еще кому-нибудь помогать. Песталоцци же все свое время и все свои силы начал отдавать собранным детям. Глядя по погоде и по времени года, он работал вместе с ними то в саду и в поле, то в мастерской, выделявая бумажные материи. Одни пряли, другие ткали, третьи помогали в красильне. Песталоцци надеялся, что каждый ребенок заработает таким родом себе на хлеб. Но в этом он, конечно, сильно ошибся. Дети были еще слишком малы, чтобы много заработать; их приходилось всему учить, при чем они много портили материала. Те же, которые выучивались хорошо работать, часто уходили от него, чтобы поступить на настоящую фабрику за жа-

дованье. Песталоцци пришлось обратиться за помощью к добрым людям. Друзья его собирали по всем городам деньги и ежегодно присылали ему несколько сот рублей. Песталоцци делал все, что мог; работал он день и ночь. Трогательно было смотреть, как он заботился о каждом отдельном ребенке, присматривался, к чему он более способен. Несчастные дети нашли в нем самого любящего отца. Всем, что только у него было, делился он с ними, и часто довольствовался простым куском хлеба, чтобы дать им на обед что-нибудь получше. Большая часть детей его сильно полюбила. Но были, разумеется, и такие, которые уходили от него, чтобы опять начать свою бродячую жизнь. Но, несмотря на все труды и огорчения, Песталоцци не терял мужества. Через три года у него было уже тридцать семь детей; для них уже требовалось несколько служащих: ткачи, пряжи и служанки, чтобы вести такое большое хозяйство. Все это стоило много денег. Песталоцци принялся тогда торговать шерстью и платками и даже сам ходил на базар, чтобы побольше продать их. Но, несмотря на все усилия, средств не хватало, и через четыре года ему пришлось уменьшить свое заведение. Одно его утешало: за эти годы заброшенные, хилые дети подросли и сделались крепкими, цветущими юношами и девушками, способными к работе. Это было лучшей наградой ему за все труды и лишения.

Песталоцци все надеялся, что ему удастся продержаться свое заведение, но с года на год это становилось все труднее и труднее. С своею мягкой, кроткой душой он плохо умел вести торговое дело. Пять лет геройски боролся он с нуждой и лишениями и, наконец, ему пришлось распустить свое заведение. Наступили горькие, тяжелые дни. В доме ничего уже больше не было: жена заложила решительно все, что имела. А он сам лежал опасно больной, потому что горе и неудачи, наконец, сломили его. Даже многие друзья его в это трудное время

потеряли в него веру и отвернулись. Больная голова его была полна мрачных, безутешных мыслей о том, что он не мог помочь несчастным беднякам. Как больно было ему, когда говорили, что вся его затея ни к чему, что бедным нельзя помочь, что тут уж на свете все устроено, чтобы всегда были бедные. Об одном думал он все это время, это—о том, чтобы не умереть раньше, чем он что-нибудь сделает для страждущего человечества. Узнав сам нищету, он научился больше понимать страдания бедняков. В душе его, незаметно для него самого, уже зреют благородные мысли о том, как бы спасти хотя детей от голода, нищеты и разврата.

Встав с постели, Песталоцци все еще не мог прийти в себя после разгрома всех своих планов. Подвигнутый горем, бродил он кругом, никого не узнавая и только тогда немного успокоился, когда пришли родственники, чтобы привести в порядок его дела. Часть земли была продана, другая часть отдана в аренду, но большую часть пришлось просто забросить. В доме теперь часто не хватало даже куска хлеба. Все смеялись над мечтателем,—как этого времени звали Песталоцци,—а друзья серьезно боялись, что он кончит сумасшествием.

Мало-по-малу в душе Песталоцци стало светлеть, в нем снова затеплилась вера в свое дело и надежда на успех. По совету одного из своих друзей он стал записывать все, что думал. Из этих записок вышла целая книжечка, названная им «Вечерние мысли отшельника». В этой книжке было столько хороших, умных мыслей, что все опять вспомнили Песталоцци. Это сильно ободрило его. В душе его опять воскресла горячая любовь к людям. «Если он не может сейчас непосредственно помогать людям, рассуждал он,—то он передаст им все, что есть у него в душе, покажет им, как в зеркале, всю правду их жизни и скажет, как нужно жить в правде».

Песталоцци задумал написать еще книгу. Он да

стал ходить в трактир, чтобы видеть и слышать, как думают и разговаривают между собой его посетители. Там сидел он где-нибудь за печкой или за занавеской и прислушивался к их толкам. Потом принялся он писать. Денег у него не было на покупку бумаги, так что он писал на старых счетах. Слова, полные любви и глубокой мысли, так и лились из-под его пера, и через несколько недель книга была готова. Она называлась «Лингард и Гертруда, книга для народа». Содержание ее очень простое. В деревне Бонналь живет простой каменьщик Лингард с женой Гертрудой. У них семеро детей. Лингард—добрый и честный человек, но очень слабохарактерный. Он затягивается понемногу азартной игрой в кабаке, который содержал деревенский старшина. Вместе с тем Лингард привыкает и пить.

Деревенский старшина Гуммель—злой, жадный человек. Он всевозможно преследует крестьян, которые не ходят к нему в кабак. Кто же попал в его когти, тому уже не выпутаться. Это чувствует на себе также и Лингард. Он уже много должен жадному кабатчику, который берет с него огромные проценты. Если Лингард решит не ходить больше в кабак, Гуммель грозит взыскать с него долг. Несчастный каменьщик идет, опять напивается, и долги его все растут, а дома голодают жена и дети.

Наконец, Лингард признался жене в своей беде. Гертруда—честная, работающая женщина, она крепко любит мужа и детей. Ни слова не говоря мужу, она собирается с духом и отправляется на следующий день в господский дом, где поселился недавно поступивший окружной начальник. Молодой Арнер добр и справедлив. Он выслушивает жалобу несчастной женщины. Глубоко тронутый ее доверием, Арнер искренно возмущается недостойным поведением старшины. Он дарит Гертруде тридцать рублей, чтобы расплатиться со старшиной, а Лингарду дает работу при постройке церкви. Старшину же Арнер требует к ответу и предоставляет ему вы-

братъ: хочет ли он оставаться старшиной или держать кабак?

Гуммель в бешенстве. Он хочет отомстить Арнеру и подстерегает его ночью в лесу с кирпичом в руке. Но вдруг он встречает тайного охотника за дичью, голова которого покрыта козьим мехом, а в руках зажженный фонарь. Суеверный Гуммель в ужасе. Он думает, что его хочет схватить чорт. Дрожа от страха, бежит он из леса, призывая на помощь. Прибежав в деревню, он идет к священнику и кается ему во всех своих преступлениях. Добрый Арнер улаживает все дела, и деревня довольна, что освободилась от злого старшины.

Самое важное и интересное в этой книге, это — картины домашнего мира и любви в семейной жизни Лингарда и Гертруды. Песталоцци показал в своем рассказе, что такая хорошая мать, как Гертруда, делает домашний очаг местом тихого счастья и истинных радостей, что любовь ее всех согревает и всюду вносит мир и покой. Дети, которые вырастут в такой семье и на руках такой матери, сделаются добрыми, хорошими людьми и честными работниками и будут всегда с любовью относиться ко всем окружающим. Все, что бы она ни делала, проникнуто любовью к детям, и ее любовь вызывает с их стороны тоже любовь и полное доверие к ней.

Книгу эту любопытно читать также детям. Они найдут в ней описание детской жизни, их игры и занятия, написанные с такой добротой, какой был полон Песталоцци к детям. Кроме того, весь рассказ дышит самым горячим состраданием к бедным и гонимым, самую нежную заботу о них.

Книга, написанная Песталоцци со всем жаром его души, дошла до сердца людей. Все читали ее: старые, малые, знатные и бедняки. В самой отдаленной хижине бедняка можно было встретить хоть отрывок из нее в каком-нибудь календаре. Проповедники прочитывали с кафедры места из нее. Книгу эту стали считать как бы руководством для личной

семейной жизни и старались у себя дома подражать Гертруде в обращении с детьми. Бедный, всеми осмеянный Песталоцци сразу стал знаменитым человеком. Экономическое общество в Берне послало ему денежную награду и золотую медаль с надписью: «Лучшему гражданину». Благодаря доходу от книги Песталоцци выбился из страшной нужды. Теперь в его забытую всеми усадьбу стекались отовсюду знаменитые люди, чтобы только повидать его и поговорить с ним. Владельцы окрестных поместий, прежде смеявшиеся над Песталоцци, стали усиленно приглашать его к себе в гости. Все начали смотреть на него другими глазами.

После этой книги Песталоцци написал еще несколько других, в которых он старался полнее и подробнее объяснить то, о чем он говорил в истории Лингарда и Гертруды. Потом он написал продолжение этой истории. Как в первой книге он показал, какая должна быть семейная жизнь, так в следующих он писал об общине, о школе, о церкви и о государстве. Везде он указывал недостатки и говорил, как можно устроить лучше и справедливее. Все, что он писал, охотно читали, но многое было еще непонятно людям того времени. Песталоцци, однако, не терял бодрости.

Среди всех трудов Песталоцци не забывал бедняков. Не забывал он также и своего давнишнего желания помочь им. Он думал, что если хорошо воспитать всех детей, сделать их добрыми, честными людьми и хорошими работниками, то много лучше будет на свете. Не будет тогда ни нужды такой, ни стольких страданий. Каждый сумеет работать и будет стараться помогать другим. Все будут за одного и один за всех.

Но теперь уже Песталоцци хотел поставить дело воспитания прочнее, чем раньше, чтобы оно не рухнуло опять через несколько лет. Для исполнения задуманного обращался он к правителям и государям и к своим согражданам, много писал об этом, но

никто не понимал его. Все его замыслы разбивались. Уже восемнадцать лет прошло с тех пор, как он написал Лингарда и Гертруду, а он все так же был далек от исполнения своего заветного желания, как и до этого.

Но вот в Швейцарии случились происшествия, которые имели важные последствия как для самого Песталоцци, так и вообще для школьного дела.

В самом конце прошлого столетия в Швейцарии переменялось правительство. Старый швейцарский союз превратился в республику, в которой не было ни крепостных, ни подчиненных; все были равны. Но один маленький городок Нидвальден воспротивился этим переменам и твердо решился защищать старые порядки. Мужчины, женщины, дети, старики — все взялись за оружие и удивили своей храбростью весь мир. Но о победе, разумеется, нечего было и думать, потому что их была только маленькая горсточка. Восстание было подавлено и залито кровью. Цветущий городок представлял теперь груды развалин. Множество мужчин и женщин осталось на поле битвы. До 300 семейств осталось без крова, несколько сот детей осиротело. Несчастные сироты повсюду вызывали сострадание. Многих из них взяли к себе на воспитание окрестные жители. Услышав об этом происшествии, Песталоцци тотчас же отправился туда, чтобы помочь бедным детям.

Швейцарское правительство хорошо уже знало любовь Песталоцци к детям. В городе Стансе оно устроило для осиротевших малюток сиротский дом и поручило его заботам Песталоцци. Для этого отвели одно из монастырских зданий, которое скоро приготовили для помещения сирот. Сначала можно было поместить только 50 человек, а потом их прибавилось до восьмидесяти. Но какой ужасный вид имели несчастные дети. Бледные, исхудалые, оборванные, больные и полуголодные, они даже боялись людей.

Песталоцци стал для сирот самым нежным, самым

внимательным отцом. Он утешал их, кормил и одевал сам. Без усталости работал он с утра и до позднего вечера. Все время был он среди детей, с ними и обедал вместе. Если кто-нибудь из них заболел, то он не отходил от постели больного, и никакой труд не казался ему тогда тяжелым. И дети мало-помалу переставали бояться его: они делались все более и более доверчивыми и, наконец, сильно полюбили доброго старика. Какой радостью было это для Песталоцци! (Рис. 20).

Он приучал их к работе и обучал их читать и писать. Уроки старался он сделать для них как можно любопытнее. Он показывал им разные растения, животных и рассказывал о них. Часто занимался так он с ними во время школьных часов, и уроки стали любимым занятием детей. Больше же всего заботился Песталоцци, чтобы сделать их хорошими людьми. Он их учил любить друг друга и часто говорил о том, что если человек больше знает и понимает, то ему легче помогать другим. А если бы все люди охотно помогали друг другу, то всем бы легче жилось на свете. И бедные дети, своим горьким опытом узнавшие нужду и нищету, охотно слушали его тихие, ласковые речи.

Вскоре Песталоцци узнал, что сгорело местечко Альтдорф. Множество детей осталось без крова и без хлеба. Тогда он рассказал об этом несчастье своим сиротам и спросил их, не принять ли сколько-нибудь из этих детей к себе в дом?

Все живо закричали:

— Да, да!

— Но ведь тогда вы должны будете поделиться с ними и обедом и платьем,—заметил Песталоцци.

Но дети только повторяли:

— Прими, прими их.

И новые сироты были приняты. Но скоро новое несчастье разразилось над сиротским домом. В стране опять загорелась война и дом понадобился для военного постоя. С тяжелым горем Песталоцци дол-

жен был снова распустить своих детей, дав каждому на дорогу теплую одежду и немного денег. Дав чиновник, который очищал дом для войска, жале

его и писал правительству: «Добрый Песталоцци здесь оставил незабвенный памятник своего дела. Сам же Песталоцци вспоминал о своем пребывании в Стансе, как о лучших днях своей жизни.

После разгрома в Стансе Песталоцци остался, как моряк после кораблекрушения. Утомленный непосильным трудом и сломанный горем, он тяжело заболел. Сердце разрывалось смотреть, как он ломал себе руки и горячие слезы катились по его щекам.

«Зачем я не могу умереть теперь, когда все дело мое разбито?»—повторял он сам себе.

Мало-по-малу жизнь взяла свое. Песталоцци успокоился, отдохнул.

Тогда он задумал сделаться школьным учителем. Это было его давнишней мечтой. Министр народного просвещения в Швейцарии был тогда очень хороший, умный человек. Он понимал, что школы были очень плохи и что их нужно переделать. В сельских школах не было ни хороших учителей ни настоящих учебных пособий; а сама школа представляла маленький, плохонький домик, из всех углов которого дуло. Бывало и так, что совсем не было дома для школы, и школа странствовала из дома в дом по очереди. Топить часто бывало нечем, если дети сами не принесут по полену. И в такой сырой, холодной комнате теснились дети; самые маленькие забивались куда-нибудь в угол. Каждый делал, что хотел: один читал, а другой смотрел картинки, третий складывал азбуку. Учитель не обращал на них почти никакого внимания и только следил, чтобы дети читали вслух,—а что они читали, он и не слушал. Учителей в школу ставили тех, кто возьмет дешевле. Вот в каком виде была старая школа до Песталоцци.

Песталоцци задумал поставить школу на новый путь и сделался школьным учителем в Бургдорфе. Там он стал заниматься с детьми по новому способу, а главное—заставил детей полюбить школу. Он ласково обращался с ними, много рассказывал им, и дети охотно бежали в школу слушать своего учителя. И когда через восемь месяцев власти общины сделали в школе экзамен, все дети отлично обо всем отвечали.

Туда приезжали учиться у Песталоцци многие учи-

теля, и его способ занятий все более и более распространялся по Швейцарии. Песталоцци видел, что ему удалось, наконец, обратить внимание своих сограждан на воспитание детей и на школу. Это сильно утешало его, он чувствовал, что дело его не умрет с его смертью. Рядом со школой устроилось заведение для образования учителей, и молодые люди приезжали учиться к Песталоцци не только со всей Швейцарии, но и из других стран. И всем им умело он передать свою любовь к делу и горячее стремление ко всему хорошему. Так понемногу, благодаря трудам и заботам Песталоцци, складывалась такая народная школа, которую мы теперь видим в Швейцарии.

Неустанно работая над воспитанием детей, Песталоцци старался сделать все возможное, чтобы шире и лучше поставить это дело. Когда Швейцария отправляла посольство к императору Наполеону, поехал вместе с ним и старый Песталоцци, чтобы с его помощью устроить что-нибудь хорошее для дела воспитания детей. Наполеон полновластно распоряжался тогда в Швейцарии, но ему не было никакого дела до народного просвещения, и он грубо отыпал Песталоцци, что ему некогда рассуждать об этом. Вместе с тем дни заведения Песталоцци в Бургдорфе были уже сочтены. Для нового окружного начальника, вступившего в должность, не оказалось подходящего дома для житья. И Песталоцци должен был вновь распустить своих учеников. А институт как раз находился в полном своем расцвете. Число воспитанников было больше сотни; кроме того содержалось до сорока бедных детей. Знатные посетители все больше и больше стекались к знаменитому учителю, чтобы посмотреть, как он ведет дело. Оставшись без своего любимого занятия, Песталоцци попытался было опять устроить в своей усадьбе заведение для бедных детей, но это ему не удалось. Наконец, неподалеку оттуда бернское правительство дало ему на год большой дом, где он

устроился со своими сиротами. Как только разнеслась весть о том, что Песталоцци должен оставить Бургдорф, многие города кантона Ваадт пригласили его к себе. Этот кантон давно уже думал исправить свои школы. Песталоцци согласился и выбрал город Ивердон. Там для его заведения отвели очень большой дом. Городские власти торжественно встретили Песталоцци, и скоро он с двумя помощниками-учителями открыл институт. Все желания старика теперь исполнились: он мог работать в своем институте как хотел, потому что в средствах уже не было недостатка. Кроме того, все близкие ему люди были около него,—его верная подруга-жена, его невестка и два его лучших ученика, с помощью которых мог он начать свое дело.

Первое время пребывания его в Ивердоне было светлым временем его жизни. «Мое положение теперь таково, лучше которого я никогда не мог себе желать»,—писал он своим друзьям.

Но, несмотря на все это, он чувствовал, что жизнь его не полна. У него не было того, к чему больше всего лежало его сердце,—приюта для бедных детей.

Институт быстро достиг небывалого блеска. Учеников было больше полутора ста. Кроме того, из разных стран собралось до сорока молодых людей, чтобы поучиться у Песталоцци, как лучше обучать детей. Слава Песталоцци распространилась повсюду. Философы звали его «лекарством человечества». Всякий, кто глубоко вглядывался в жизнь института, живо чувствовал в нем дыхание новой жизни. Воспитанники учились не только читать, писать да считать, как в других школах, но также и географии, истории и естественным наукам. Каждое слово читали они с полным пониманием того, что читают. Все они сами наблюдали, исследовали, рисовали. Вместо наказаний, которые до сих пор употреблялись в школах, любовные отношения между учителями и учениками придавали бодрости и охоты учиться.

Сам старик Песталоцци много работал. Нередко в

три часа утра он был уже за делом. Он написал целых шестнадцать томов сочинений. Но при всех его трудах у него всегда находилось время, чтобы поговорить утром с теми или другими учениками. И добрые, сердечные слова его глубоко западали в молодые души.

В это славное время его деятельности Песталоцци постигли семейные несчастья: в Нейгофе умер его единственный сын, а в Ивердоне умерла его жена, которая была верною помощницей ему во всех его делах. Много она пережила и перестрадала вместе с ним, и никто не понимал его лучше ее. Точно все счастье отлетело от него с ее смертью. Утомленный дневными трудами, каждый вечер приходил он на ее могилу и проводил там целые часы, глубоко погруженный в свои невеселые думы. Когда затихал шум и погасали огни в институте, он горько рыдал о ней, как ребенок.

Бедный старик сильно нуждался в утешении. Уже восьмой десяток пошел Песталоцци. Его старческим силам трудно уже было справляться с таким заведением. Кроме института, около него основались школа для девочек, собственная типография и книжная торговля. Сильно огорчали Песталоцци возникавшие споры и ссоры между его учениками и сотрудниками.

В это время он издал полное собрание своих сочинений и все полученные от этого деньги пожертвовал на народное образование. Часть их пошла на устройство заведения для бедных детей.

Наконец, достигнув восьмидесятилетнего возраста, утомленный, дряхлый Песталоцци простился с институтом, чтобы возвратиться в свою любимую усадьбу Нейгоф. Последние два года своей жизни провел он здесь, в семье своего внука. У него были уже правнуки, но он все еще продолжал работать и немало написал за эти последние годы. Семья внука старалась сделать посветлее его старость, но особенно его утешали дети. Они составляли все счастье его жизни; он везде искал их, чтобы доставить им хоть

маленькую радость. И везде, куда он только ни показывался, вокруг него собирались ребяташки. Все они любили доброго дедушку.

Рис. 21. Памятник Песталоцци в Ивердоне.

Раз Песталоцци посетил одно учебное заведение. Дети торжественно встретили его, и самый маленький мальчик подал ему венок. Песталоцци взял его и надел на голову ребенку.

— Не мне,—сказал он,—невинности надо отдать венок.

Потом дети запели пѣсню, взятую из его книги «Лингард и Гертруда». Растроганный Песталоцци хотел благодарить, но слезы заглушили его голос.

На восемьдесят первом году Песталоцци мирно скончался, простив всем своим врагам. Похоронили его, согласно его желанию, в Бирре, около школы. Благодарные дети постоянно украшают могилу своего великого учителя душистыми цветами. Через сто лет после его рождения в Бирре поставили ему памятник.

Граждане города Ивердона также воздвигли памятник своему знаменитому соотечественнику (рис. 21).

В Цюрихе, на берегу Лиммата, в той же комнате, где родился Песталоцци, стоит его статуя в лавровом венке. В этой же комнате сохраняется и детская колыбелька Песталоцци. Рядом с комнатой устроен школьный музей, где собрано все, что относится к школьному делу в Швейцарии. Туда часто приходят посетители, чтобы получить многие полезные сведения.

Но самый лучший памятник поставил Песталоцци себе сам делом всей своей многотрудной и полной любви к людям жизни. Он однажды сам так сказал о своем деле любви: «Мы сеем зерно, чтобы накормить бедняка-соседа, а из него вырастает целое дерево, ветви которого простираются по всей земле, и все народы без исключения призываются под тень его. То, что я делал, это—не мое дело, это—дело Божие. Моя была только любовь. Любовью старался я пополнить то, чего не знал, и верил там, где я не мог видеть. Когда я смотрю на свое дело, то кажется, что не было человека, неспособнее меня. Но я не терял мужества и работал. Все это сделала любовь, она имеет божественную силу, потому что она истина и не боится креста».

И, полный любви, Песталоцци, действительно ничего не боялся, делая свое святое дело. «Все люди—

братья,—говорил он,—на троне ли они, или под тенью шалаша». Всем, всем хотел дать он счастье, у каждого ребенка хотел он развить силы, вложенные в него природой.

И, действительно, не напрасно прожил Песталоцци свою долгую жизнь. Каждая деревня в Швейцарии в настоящее время имеет свою хорошую школу и добрых, образованных учителей. Все дети в Швейцарии обучаются бесплатно, и рядом с сыном первого богача сидит самый последний бедняк в деревне.

Школу всегда сейчас же можно узнать, потому что это—самое большое, самое красивое здание в деревне. Ее содержит на свои средства сельская община. Если же деревня очень бедная, то ей помогает и правительство. Обучение в школе в Швейцарии обязательно для каждого ребенка. Все дети школьного возраста с семи лет должны ходить в школу лет до 14 до 15 и сдать экзамен для получения свидетельства. Всякий ребенок, впрочем, сам уже заранее знает это и любит свою школу.

Мальчики и девочки учатся вместе. Весело смотреть на толпу ребятишек, играющих около школы во время отдыха. Любимое занятие мальчиков, это—гимнастика; девочки тоже бегают и играют в разные игры; старшие мальчики и девочки заботятся о маленьких. Вот упал какой-нибудь крошка и собирается заплакать, но старшие подбежали к нему, развешили, и мальчуган уже забыл свое горе и побежал играть.

Если учитель за леность или непослушание запретил какому-нибудь ученику являться в школу, то это для него самое большое наказание.

Школа всегда светлая, просторная, в ней много воздуха. В деревнях школа окружена нередко прекрасным садом, где дети много времени проводят на свежем воздухе в цветнике или в огороде. В больших школах всегда есть просторная, теплая комната для гимнастики и игр, так что дети свободно бегают там и зимой и в плохую погоду. Набегавшись, на-

игравшись, разгоревшиеся ребята охотно садятся за книжку. Неудивительно, что дети любят свою школу. Там не морят их скучным заучиванием наизусть. Все стены школы увешаны разными картинками, географическими картами, таблицами, так что дети по ним понемногу легко запоминают.

В классе, где дети только что начинают учиться грамоте, вы увидите на стенах крупно-написанные буквы, цифры, и малютки, шутя и играя, заучивают их.

Во всякой школе есть своя библиотека, всевозможные приборы, собрания засушенных растений, картин. Дети все это собрали и устроили сами под руководством своего учителя. В теплые весенние дни постоянно можно встретить толпы детей. У каждого висит сбоку жестяной ящичек, в который он положит все, что ему встретится любопытного по дороге. Но и теперь ящичек этот не пустой; мать положила ему туда на дорогу вкусный завтрак. Такие прогулки называются экскурсиями, и на другой день в школе дети весело разбирают, что они собрали, распределяют, что куда следует.

Так, наполовину играя, знакомятся они с окружающим их миром; городские дети во время таких прогулок хорошо познакомятся с сельским бытом своих сограждан. Для них уже не будет новинкой ни плуг, ни коса, и за все, если понадобится, они впоследствии сумеют взяться с ясным пониманием и знанием дела. А учитель по дороге рассказывает им обо всем, что происходит в природе: как растет трава, что для этого нужно, обратит он внимание на каждого маленького зверка и поговорит о нем, и дети начинают понимать и любить всю природу.

Разразится по дороге гроза и буря,—детишки спешат укрыться от непогоды под первую встретившуюся им кровлю, где их всегда ласково примут. Но они уже не боятся ни ярко сверкающей молнии, ни оглушительного грома,—они уже понимают, что такое гроза, отчего она произошла и какие могут быть

нее опасности; а понимая все это, они сумеют и охранить себя от них.

Первые три года в такой первоначальной школе дети учатся читать, писать, считать, а во время экскурсий, а часто также и в классе, учитель рассказывает им о том, что окружает их в природе и в жизни.

Следующие же три года дети занимаются и другими науками. Так, они изучают всемирную историю, географию, естественные науки (изучение природы) и геометрию. Кроме того, они учатся чертить, рисовать, а девочки занимаются также всевозможными рукоделиями. Большой частью девочек учат шить только самое необходимое для домашнего обихода, а также все починять и штопать. Во время работы какая-нибудь из учениц читает, или все они вместе поют.

На пение в начальной школе вообще обращают очень большое внимание. Всякий школьник в Швейцарии умеет петь. Дети ежедневно поют в школе под руководством учителя, поют и на прогулках и на праздниках.

Когда мальчик окончит школу, он должен еще года два ходить на так называемые повторительные уроки. Впрочем, в такой повторительной школе занятия бывают только два-три раза в неделю.

На экзамены каждый год приглашаются родители и родственники учеников, а также и выборные власти общины, и день экзамена бывает обыкновенно целым праздником для деревни.

Швейцарцы очень любят свои школы, и вся деревня следит за успешным обучением детей. Если дети учатся плохо, то община может сместить учителя. Община же следит и за хорошим содержанием школы, чтобы школа имела хорошее отопление, исправляет всякие поломки и снабжает ее всем необходимым.

В швейцарских школах обращают большое внимание, чтобы детям было удобно сидеть за столами;

для этого как столы, так и скамейки пригоняются по росту ребенка.

При каждой школе имеется библиотека. И швейцарцы не жалеют на все это денег и охотно дают их на школы.

Кроме первоначальных школ, в Швейцарии есть множество других. Любопытны здесь заведения для самых маленьких детей. Такие заведения называются яслями. Устраиваются они главным образом в фабричных местностях, где мать целый день на работе и не может отдавать свое время ребенку. В продолжение целого дня он должен бы был оставаться без призора или на руках детей. Там, где устроены такие ясли, мать, уходя на работу, приносит туда ребенка, где он проводит весь день под присмотром опытной женщины. Вечером же, возвращаясь домой, мать берет его обратно с собой. В яслях ребенок может оставаться до трехлетнего возраста.

За яслями следует детский сад, где ребенок остается вплоть до того времени, пока ему не наступит пора поступать в первоначальную школу. В некоторых кантонах каждая община имеет детский сад. Здесь дети проводят весь день; здесь они играют в разные игры, рассматривают картинки, учатся петь, а кто постарше—учится даже и читать, играя в рассыпную азбуку, и рисовать.

За первоначальной школой идет средняя школа. Она необязательна, но большинство детей в Швейцарии теперь проходит и какую-нибудь среднюю школу. К средним школам относятся ремесленные и профессиональные училища и гимназии.

В ремесленных школах обучение бесплатно; там обучают всевозможным ремеслам, а в профессиональных занимаются постройкой машин, бухгалтерией, рисованием, черчением. Девочки учатся в ремесленных школах разным рукоделиям, хозяйству, уходу за больными, а также и огородному хозяйству.

Из профессиональных школ многие поступают в высшие технические школы и в сельско-хозяйствен-

ные, а из гимназий в самое высшее училище—университет.

В Швейцарии как в университет, так и во все высшие школы принимают также и женщин.

За последние десять лет в некоторых больших городах Швейцарии устроились так называемые народные университеты. Их устраивает не правительство, а частные общества. Так, в Цюрихе в таком университете, устроенном обществом содействия внешкольного образования, взялись читать лекции лучшие профессора в вечерние часы, когда рабочий народ освободится от занятий. Огромная зала всегда переполнена народом, и ученые профессора охотно беседуют с ним после лекции, отвечают на вопросы и решают все их сомнения. За слушание этих лекций вносится очень небольшая плата, потому что рабочие сами не захотели слушать задаром. Кроме того, общество основало множество публичных библиотек и читален и нередко устраивает для своих посетителей спектакли, концерты, образовательные прогулки. Такое же общество образовалось и в Женеве. Население живо отозвалось на призыв к знаниям; аудитории и музеи наполнились новыми желающими, и умственная жизнь в Швейцарии за последнее десятилетие сильно оживилась.

Чтобы дать полное понятие о швейцарской школе, остается рассказать еще о школьных праздниках и путешествиях.

Иностранцы обыкновенно с удивлением смотрят на толпы детей,—и мальчиков и девочек,—отправляющихся в горы в ясный воскресный день. Впереди несут флаги и знамена, которые дети сами приготовили к своему празднику. Все поют, смеются и весело болтают между собой. Это отправляется на прогулку школа со своими учителями и наставниками. Нередко приглашаются также родители и известные лица в городе. Но, взрослые не стесняют детей; дети понимают, что они на полной свободе и могут веселиться, как хотят. Иногда дети едут по железной

дороге на очень далекие расстояния, и во время таких школьных путешествий они хорошо знакомятся со всей своей родиной. Деньги на эти прогулки дает школа, а если у нее не хватит, то стоит только сказать об этом общине, и родители тотчас же сложатся между собой, чтобы дать возможность гулять своим ребятишкам.

Школьный праздник в деревне или в маленьком городке, это—праздник для всего города, и нередко даже седые старики отправляются посмотреть, как веселятся их дети и внуки. Кто хоть раз видел такой детский праздник, у того навсегда останется о нем хорошее, светлое воспоминание.

Швейцарцы очень любят праздники; взрослые и дети всей душой отдаются праздничному настроению. Всякий праздник у них—на улице; тянутся процессии нарядного народа, развеваются флаги с подходящими случаю надписями.

Вот, в конце апреля, в ясный, солнечный день Цюрихе с самого утра по улицам мелькают ряженые ребятишки. Они ждут с нетерпением послеобеденного времени, когда их расставят в ряды, и они пойдут по всему городу с пением и музыкой. Отдельные кучки детей так расставлены и одеты в такие наряды, что сразу можно понять, что они представляют какое-нибудь событие из швейцарской истории или какую-нибудь всем известную сказку. Девочки все украшены цветами, венками и гирляндами; маленькие несут корзиночки с цветами. Это—богатый городской праздник, называемый Зекселейте. Днем веселятся дети, а вечером устраивается пышный праздник для взрослых.

Спустя несколько дней после нарядного Зекселейте, первое мая на улицах всех швейцарских городов опять оживление. Ни одна фабрика, ни одна мастерская не работает. Это—праздник рабочих. После обеда под звуки музыки опять собирается процессия, но это уже не дети и не нарядная городская молодежь, а трудящийся рабочий народ с мозолистыми

руками. Они все тоже оделись для праздника в свои лучшие платья и идут со знаменами в руках под звуки музыки. В процессии принимают участие и женщины-работницы. Нередко среди взрослых, сильных мужчин рядом с отцом шагает какой-нибудь крохотный мальчик. Он гордится сознанием, что и

Рис. 22. Мальчик—разносчик молока в окрестностях Берна.

он тоже будущий рабочий. Бедный крошка с трудом поспевает за широкими шагами мужчин; он почти бежит и припрыгивает, но все не хочет сдаться, пока не устанет настолько, что должен покориться воле отца и перейти к нему на руки.

В ясные дни вся процессия собирается на большой городской площади. Посредине ее обыкновенно стоит простая повозка. Вот на нее поднимается старик с седою, львиною головой и с самым добродушным лицом. Его встречают рукоплесканиями. И вот во все концы громадной площади раздается его громовый голос. Обращаясь к толпе, он называет всех дорогими товарищами и друзьями и просит их не забывать о том, что праздник этот установлен в знак их общего единения. «Всякий рабочий человек, где бы он ни был, каким бы языком он ни говорил, вам брат и друг, и весь рабочий люд должен всегда объединяться и взаимно помогать друг другу».

С площади народ опять устанавливается рядами и отправляется за город, в ближайший лес. Там, где-нибудь на полянке уже приготовлены столы и скамейки для веселого ужина. После ужина все веселятся до позднего вечера.

В плохую погоду они идут в большую залу какого-нибудь трактира, где вечер иногда оканчивается народным представлением.

Но пора, однако, оставить Цюрихское озеро и направиться на юг, во внутрь Швейцарии, куда нас зовут берега другого озера, самого живописного из всех швейцарских озер. На берегах его было положено начало швейцарскому союзу, и много рассказов и преданий соединено с этим любимым швейцарцами озером. Оно называется Фирвальдштетским или озером четырех кантонов, потому что берега его принадлежат четырем кантонам.

Фирвальдштетское озеро.

Теперь нам предстоит объехать самый красивый уголок Швейцарии, а может-быть, даже и всей Европы,—берега Фирвальдштетского озера. Народное сказание так говорит о красоте его: в то время, как Бог создал мир, он послал одного из ангелов налить воды в чудные итальянские озера. Ангел побежал по

горам с сосудом небесной воды в руках, по дороге он поскользнулся, часть воды пролилась и образовала на этом месте в виде креста Фирвальдштетское озеро. Разлетевшиеся же брызги сделались маленькими озерами: Цугское, Эгери, Земпах и др. Так объясняет народная сказка удивительную красоту любимого швейцарцами озера. И не за одну красоту любят они его. Фирвальдштетское озеро—колыбель швейцарского государства. Четыре лесных кантона, лежащие вокруг озера, 600 лет тому назад соединились вместе и освободили себя от чужеземной власти. С тех пор Швейцария сделалась независимым государством. И много рассказов ходит по Швейцарии о каждом озере, каждом городке, каждом местечке этого первоначального государства.

На пороге его лежит маленький кантон Цуг. Главный город кантона совсем не похож на нынешние города. Он так и остался таким, каким был несколько сот лет тому назад. Те же башни, те же мрачные, серые стены и ворота. И город весь точно заснул и спит, не просыпаясь несколько веков. На улицах не заметно никакого оживления, путешественники никогда не заглядывают сюда, и только журчанье городских фонтанов нарушает мрачную тишину города.

Но оставим этот сонный городок с его старинными зданиями и направимся в Швиц. В начале нынешнего столетия дорога туда была настоящим маленьким раем. Она шла роскошными лугами и садами между лесистыми склонами гор и берегом Цугского озера. Поселяне здешних деревень жили в полном довольстве и славились повсюду простым образом жизни и мирными, честными нравами. Потом от всех этих деревень и местечек не осталось и следа. Прелестная цветущая долина превратилась в пустыню и сделалась могилой пятисот человеческих жизней. Все это произвел страшный обвал горы, который до сих пор еще жив в памяти окрестных стариков. Огромную, непоколебимую на вид гору мало-

по-малу размывала вода. Появились глубокие трещины и ущелья; трещины проникли глубоко внутрь горы. И вот, наконец, часть горы оторвалась и поползла вниз в долину. Везде, где прокладывала себе путь эта громада, цветущие деревни, поля и луга—все исчезало с лица земли. Обвалившаяся скала была огромной величины. Гром ее падения был слышен на Цюрихском озере, а маленькие соседние озера вышли из берегов и затопили все свои островки. От всей цветущей страны не осталось и следа; сотни людей погибли. Теперь же трудолюбивые швейцарцы мало-по-малу исправили зло, которое причинила им природа. Повсюду опять уже понастроились домики и зазеленели поля.

Приближаясь к городу Швицу, окрестность становится все веселее и веселее. Нигде, кажется, нет таких роскошных лугов, как вокруг Швица. Дорога все время идет прекрасным фруктовым садом. Чудное дерево грецких орехов далеко раскинуло свою огромную листву и, кажется, зовет вас отдохнуть в его тени. В этом благодатном краю хорошо вырастает даже сладкий каштан.

На прекрасных, сочных лугах Швица пасется лучший во всей Швейцарии рогатый скот. Тамошний народ кормится почти что от одного скотоводства. Земледелием занимаются они мало и неохотно; издавна были они пастушеским народом,—таким хотят они остаться и до сих пор.

Первого августа 1891 года в городке Швице был большой, блестящий праздник. Старая ратуша была вновь отделана и нарядно разукрашена к этому торжественному дню. Швейцарцы справляли память основания своего государства, со времени которого минуло шестьсот лет. До тех пор Швейцария находилась под властью германского императора. Но он не управлял страной сам, а роздал ее по частям разным князьям, герцогам и графам. Народу приходилось терпеть от них много притеснений. Все крестьяне были крепостными, а когда у князей подни-

мались между собой раздоры, то вся тяжесть их
сваливалась на тот же народ. Народ должен был
оставлять им в войско свою лучшую молодежь и
давать деньги на войну. В стране господствовало
право сильного: никто не мог быть уверен в своей
безопасности. Наконец, на германский престол всту-
пил Рудольф Габсбургский, у которого было много
собственных владений в Швейцарии. Это был очень
добрый и умный государь. Швейцарцы хорошо зна-
ли его и любили, и на время народ вздохнул при
нем посвободнее. Лесные кантоны всегда были неза-
висимыми, и Рудольф свято уважал их права и за-
коны. Но в 1291 году он умер, оставив престол
своему сыну Альбрехту. Альбрехт не унаследовал
от отца ни его ума, ни его доброго сердца. Он захо-
тел уничтожить права и вольности швейцарцев и
стал все более и более угнетать пастушеский народ
и облагать его огромными поборами. Чтобы окон-
чательно обратить в свое подданство независимые
лесные кантоны, он поставил там двух своих заместо-
вников, называемых фогтами, и дал им полную
власть над ними. Фогты страшно угнетали и обира-
ли народ.

Тогда три уважаемых народом человека—Арнольд
Мельхталь, Вернер Штауффахер и Вальтер Фюрст—
условились между собой привести каждый из своего
кантона самых надежных людей на совещание. На-
до было потолковать, что́ делать в такое трудное
время. И вот в назначенную ночь выборные собра-
лись в дикую горную долину Рютли. Здесь все они
обещались жить по взаимной дружбе, защищать сла-
бых от притеснителей и не дать князьям отнять их
свободу и независимость. А главное, решили они
крепко стоять друг за друга. «Каждый за всех и все
за одного»,—сказали они друг другу на прощанье.
С этими словами они тихо разошлись по домам. Это
было первого августа 1291 года. День этот счи-
тается основанием Швейцарского государства, кото-
рое с этих пор стало называться союзом кантонов.

Жители лесных кантонов ежегодно справляют день основания союза. Все окрестное население с цветами и флагами направляется в долину Рютли, где теперь, на берегу крошечного горного озера, в тени огромных елей, построен маленький домик (рис. 23). Там они говорят речи, которые напоминают о событиях этого дня, вспоминают знаменитых людей, которые много сделали для Швейцарии, а вечером молодежь танцует на полянке под звуки музыки.

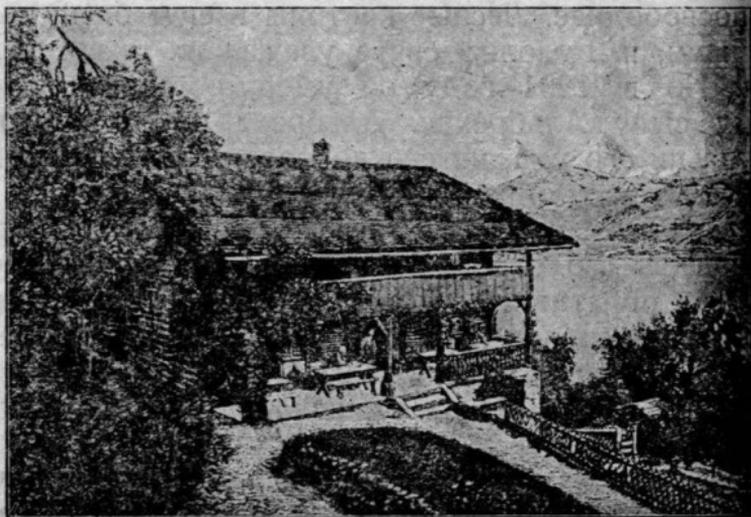

Рис. 23. Рютли.

С террасы горы, к которой прислонился Рютли, открывается чудный вид на окрестность. Далеко внизу во всю длину раскинулась глубокая гладь Фирвальдштедского озера. Чудесная игра его цветов какою-то волшебною силою приковывает к себе взоры путника. У самых ног, прислонившись к скале, стоит Рютли, окруженный огромными елями. По всем склонам гор, покрытых богатыми пастбищами, рассыпано множество пастушьих хижин. На севере раскинулись города и деревни, потонувшие в зелени своих фруктовых садов. На юге, вдоль озера, до городка Флюэлена (рис. 24) тянется знаменитая

дорога Аксенштрассе. Ее теперь уже отчасти заменила Готтардская железная дорога, пробегающая рядом с ней. Аксенштрассе тянется на четырнадцать верст и вся прорублена в горах. Горы круто обрываются к озеру, и сквозь громадные каменные арки дороги открывается вся голубая даль озера.

Посреди этой дороги в озеро вдается мысом скалистая площадка, это—площадка Вильгельма Телля. На ней построена часовня или капелла в память

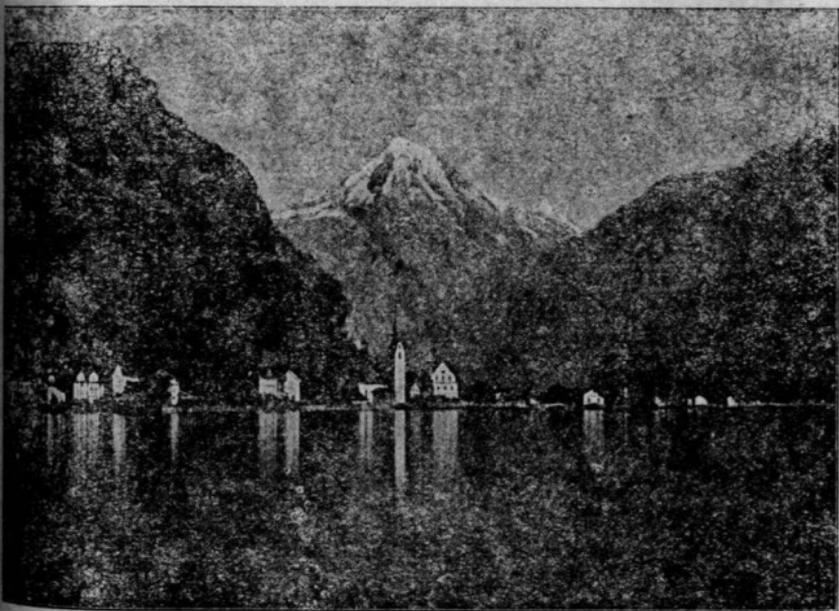

Рис. 24. Флюэлен на Фирвальдштедском озере.

любимого народного героя Швейцарии. Она и называется капеллой Телля (рис. 25). Швейцарский народ украсил многими легендами историю своего освобождения, сюда относятся легенды о Вильгельме Телле, об Арнольде Винкельриде и многие другие. Так, о Вильгельме Телле они рассказывают такую легенду: после договора в долине Рютли фогты все продолжали угнетать народ. Народ был недоволен и понемногу волновался. И вот, чтобы найти наиболее недовольных, один из фогтов поставил в город-

ке Альтдорфе столб и повесил на нем шляпу австрийского герцога. Каждый проходящий должен был кланяться этой шляпе, как бы самому герцогу. Молодой крестьянин Вильгельм Телль, известный стрелок, проходя мимо с своим маленьким сыном, не поклонился шляпе. Его тотчас же схватили и хотели арестовать. Телль начал спорить, поднялся шум, на который стал собираться народ. В это время к толпе подъехал сам фогт.

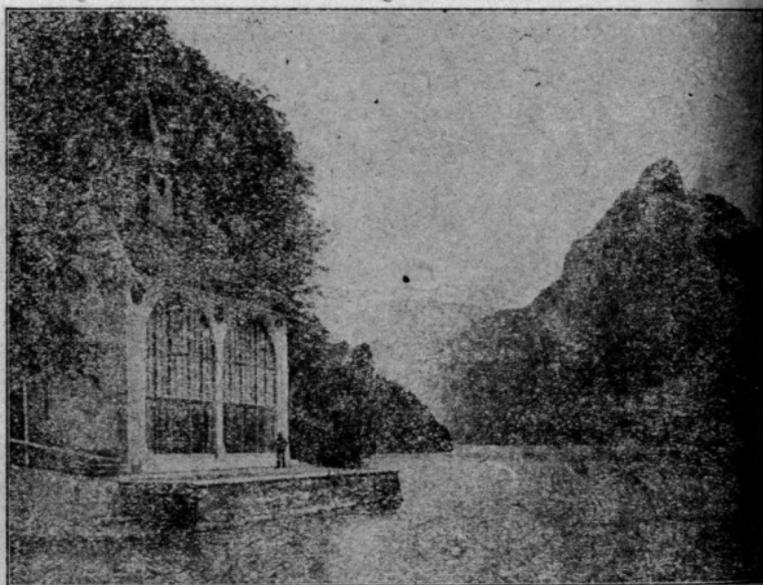

Рис. 25. Капелла Вильгельма Телля на Фирвальдштедском озере.

— Что здесь за шум?—спросил он.

Ему рассказали, в чем дело. Фогт сильно рассердился на Вильгельма Телля.

— Так вы не хотите мне повиноваться!—вскричал он.—Я покажу вам, что значит противиться моим повелениям. Телль, ты заслужил смерть за свою гордость. Прощайся с жизнью, ты должен умереть.

Маленький сын Телля начал громко плакать и не хотел отпустить отца.

Тогда фогту пришла в голову следующая жестокая выдумка:

— Я слышал,—сказал он Теллю,—что ты самый лучший стрелок во всей округе. Я хочу увидеть, правда ли это? Положи на голову твоего сына яблоко и сбей его стрелой в ста шагах расстояния. Тогда я дарю тебе жизнь.

Телль отказался от такого предложения, решаясь лучше умереть. Тогда сын его сам стал просить стрелять, пока, наконец, он не решился исполнить его просьбы. Телль вынул две стрелы: одну положил за пазуху, а другую вложил в лук. Слуги фогта отсчитали сто шагов, поставили мальчика и положили ему на голову яблоко. Бедный отец спустил стрелу и упал на землю, боясь взглянуть. Стрела пронизала яблоко, и мальчик радостно побежал к отцу, показывая ему простреленное яблоко. Народ окружил Телля, многие плакали от радости. Но фогт был недоволен.

— Зачем приготовил ты две стрелы?—спросил он Телля.—Ведь я сказал, что ты должен был попасть с первого раза.

— Если бы я убил сына,—отвечал взволнованный Телль,—то другую стрелу я пустил бы в тебя.

За эти слова Телля схватили по приказанию фогта, связали и хотели отправить в тюрьму. Но тюрьма была на другом берегу озера. Фогт сам сел в лодку, в которой должны были везти Телля. Во время пути поднялась страшная буря; все, кто были в лодке, сильно перепугались. Лодку бросало из стороны в сторону, и всем грозила неминуемая смерть. Но тут вспомнили, что Телль был такой же искусный гребец, как и стрелок. Его развязали и поручили управлять лодкой. Телль умело взялся за дело, подвез лодку к берегу, выпрыгнул сам, а лодку оттолкнул и быстро скрылся в темноте. Фогт со своими людьми спасся, но Телля он уже не мог настичь. Немного времени спустя озлобленный Телль подстерег фогта на дороге и застрелил его. Скоро погиб и сам Телль, спасая одного земляка, тонувшего в горном потоке.

После происшествия с Теллем швейцарцы не захотели больше терпеть притеснений иноземных фогтов. Они заставили их отказаться от своей власти и уйти из Швейцарии. Потом они разрушили тюрьмы построенные фогтами, и освободили всех заключенных. Но австрийские герцоги не хотели оставлять Швейцарию в покое. Им хотелось покорить ее своей власти. И вот большое, блестящее австрийское войско вступило в швейцарские кантоны и расположилось на берегу маленького озера Моргартена. 15-го января 1315 года разыгралась здесь кровавая битва. Показавшееся из-за гор солнце своими первыми ласковыми лучами осветило блестящие шлемы и панцири собравшегося войска. Насколько хватал глаз, везде блистала сабля или копье. И швейцарские пастухи с удивлением смотрели на это войско, на первое войско, показавшееся в их кантонах. Весь проход между озером и горами наполнился блестящею конницей, тесно сомкнувшейся в ряды. Швейцарцев собралось сначала всего только несколько десятков человек. Мирные люди ожесточились. Они взобрались на свои горы и с дикими криками принялись сбрасывать оттуда огромные камни на блестящее войско. Ряды его смешались, испуганные лошади метались во все стороны, но мало-по-малу войско оправилось и в стройном порядке бросилось на подоспевший новый отряд швейцарцев. Швейцарцы с своей стороны отчаянно защищались и длинными своими албардами разили направо и налево. Все было залито кровью, точно сама смерть пронеслась над мирными долинами лесных кантонов. И много попадало с обеих сторон; австрийской коннице трудно было двигаться в узком проходе по обледенелой дороге. Испуганные лошади кидались в озеро и погибали там. В этой ужасной битве погиб самый цвет австрийской молодежи, полной сил и надежд. Сам австрийский герцог, смертельно бледный, бежал с поля битвы маленькой, горной тропинкой. А остатки австрийской конницы обратились в беспорядочное бегство. Победа осталась за швейцарцами.

Но австрийский герцог все еще не терял надежды овладеть Швейцарией. И вот однажды, в июле месяце, в самый разгар жатвы на мирных лугах Швейцарии опять показалось австрийское войско. Крестьяне побросали свои поля и, вооружась чем попало, спешили преградить вход неприятелю. Оба войска встретились под Земпахом. Богатое вооружение австрийцев ярко блистало на солнце. Густой лес неприятельских пик непоколебимо стоял перед пастухами. Стройная стена австрийских рыцарей все более и более напирала на швейцарцев, которые падали один за другим, обливаясь кровью. Но вдруг один человек, по имени Арнольд Винкельрид, бросился на передние ряды австрийцев, схватил несколько пик, с силой дернул их и тем вонзил их себе в грудь. Падая смертельно раненым, он увлек за собой нескольких рыцарей. Они тоже упали. Образовался прорыв в сомкнутых рядах рыцарей. Швейцарцы врезались в середину войска, поражая направо и налево своими дубинками. Произошла жестокая битва, и много народа погибло в ней. Австрийцы были опять отбиты, и швейцарцам удалось заключить с ними договор о своей свободе.

После побед над австрийцами швейцарцы много еще боролись с другими государями, которые хотели завладеть этой маленькой страной. К трем лесным кантонам, боровшимся за свою свободу, мало-помалу стали присоединяться другие кантоны. А в 1648 году Швейцария была признана всеми государствами независимым союзом кантонов.

Но сбросив с себя иноземное иго, швейцарский народ не освободился от собственных угнетателей. Власть в большей части кантонов захватили аристократические городские фамилии. Крестьяне не принимали никакого участия в управлении. Богатые горожане говорили, что дело крестьян «слушаться, платить подати и повинности». Даже народное образование было поставлено так, что оно только способствовало угнетению народа. Учителей назначали с

согласия духовенства, и в школах не позволялось читать ничего, кроме священного писания. Знаний народу не давалось. Все это вызывало недовольство и беспорядки. Но правительство кантонов неумолимо подавляло их и наполняло тюрьмы друзьями народа. Так продолжалось до тех пор, пока дыхание великой французской революции, многое изменившее в сознании народов всех стран, не разрушило и в Швейцарии сословные привилегии. Правда, после падения Наполеона реставрация снова восстановила их, но не надолго. Народ уже знал, что такое свобода, и требовал себе равноправия. После 1830 года во всех кантонах, где власть снова была захвачена аристократами, народ вернул себе свои права.

Итак, маленькое государство, все-то не больше одной нашей губернии, зародилось и возникло на берегах Фирвальдштедского озера. Швейцарцы любят его, как свою общую родину. И нет во всей Швейцарии озера красивее его. Громадны озера Женевское и Боденское, полной жизнью кипит озеро Цюрихское, маленькие озера, как голубые глазки, рассыпаны по всей Швейцарии. Но над всеми ними царит Фирвальдштедское. Здесь нет ни северных холодных ветров, ни горячих юго-восточных, как в других местах Швейцарии. Но здесь нет также величественных снегов и ледяных морей высоких Альп. Мягкий, теплый ветерок делает погоду постоянной и ясной. Тенистые леса по берегам озера полны веселого пения птичек, на лугах растет сочная душистая трава; то там, то здесь в озеро бежит весело играя по камням, светлый, прозрачный ручеек; издали доносится позванивание колокольчиков пасущихся стад или звуки лютни одиноко пастуха. А среди этой веселой, мирной природы точно альпийские цветочки, выглядывают маленькие деревянные швейцарские домики старинной постройки. Любо взглянуть на население этого края. Весело смотреть, как охотно и ловко исполняют они всякую работу. Мужчины отличаются крепким сложением

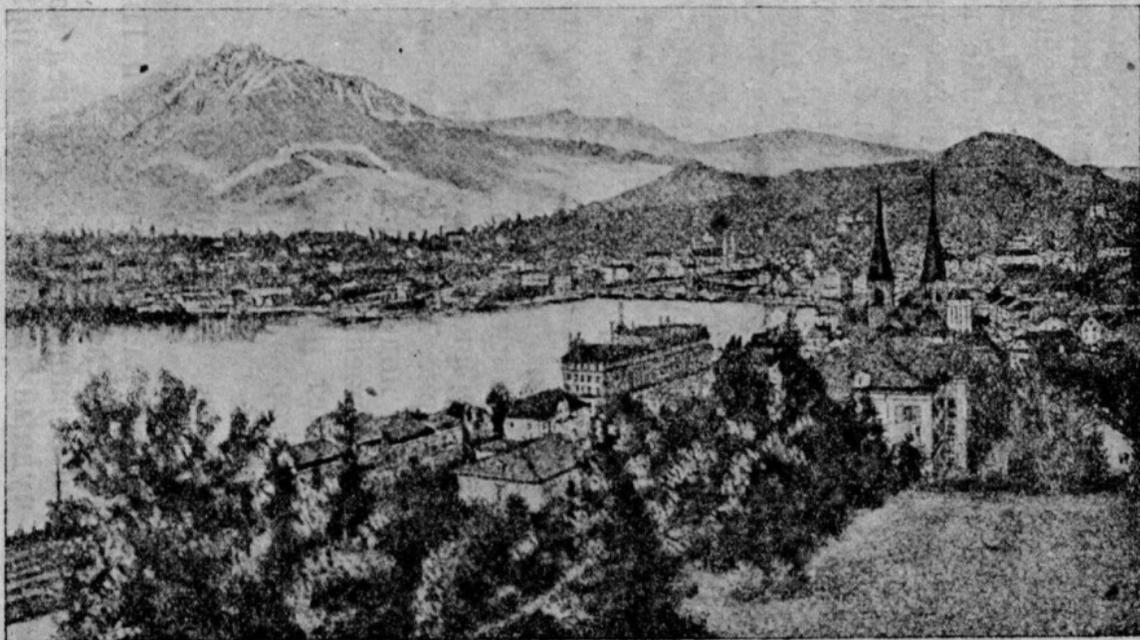

Рис. 26. Фирвальдштетское озеро и город Люцерн.

спокойной уверенностью в своих силах. Кажется, никакая работа не тяжела для них. Молодые девушки здесь замечательно красивы, особенно в своих национальных костюмах.

Но вот по озеру мы добрались, наконец, и до города Люцерна, наиболее известного иностранцам-путешественникам (рис. 26). Люцерн называется «городом гостиниц». Он лежит в сердце Швейцарии; к нему сходятся все главные дороги. И с ранней весны, когда на его чудной набережной пышные каштаны развернут свои похожие на свечи рождественской елки цветы, и до поздней осени, когда с них спадают золотистые листья, в нем кипит и бурлит чужеземная жизнь. Город полон роскошных дворцов и зданий; через реку Рейс переброшены прекрасные мосты (рис. 27), а за городом тянутся роскошные дачи, прекрасные фруктовые сады. Все лучшие дома, дворцы и гостиницы полны здесь заезжими богатыми иностранцами, сорящими деньгами для своего удовольствия.

Около Люцерна поднимаются две высокие горы: Пилатус и Риги. Всякий, кто ни побывает в Люцерне, непременно поднимется на одну из них. Риги выше Пилатуса. На вершину обеих гор идет зубчатая железная дорога (рис. 28), и снизу видно только, как, пыхтя и дымясь, поднимается в облака горный паровоз. Дорога устроена так: посредине, вдоль узеньких рельсов, идет плотный и крепкий зубчатый стержень, по которому проходит колесо паровоза. Трудно поверить, глядя снизу, что маленький поезд доберется до вершины: так и кажется, что он сорвется и полетит вниз. Но ехать совершенно безопасно, и ежегодно на вершину Риги и Пилатуса поднимаются тысячи человек.

Вот мы достигли вершины Риги, и перед нами открылся новый, чудный мир. Необъятное пространство раскинулось перед глазами. Подобно орлу в его могучем полете, мы можем окинуть взором восток, запад, север и юг. Взор охватывает и голубую

гладь озера и долину и поднимается оттуда к сияющим вечным снегам Бернских Альп. Юнгфрау, Менх,

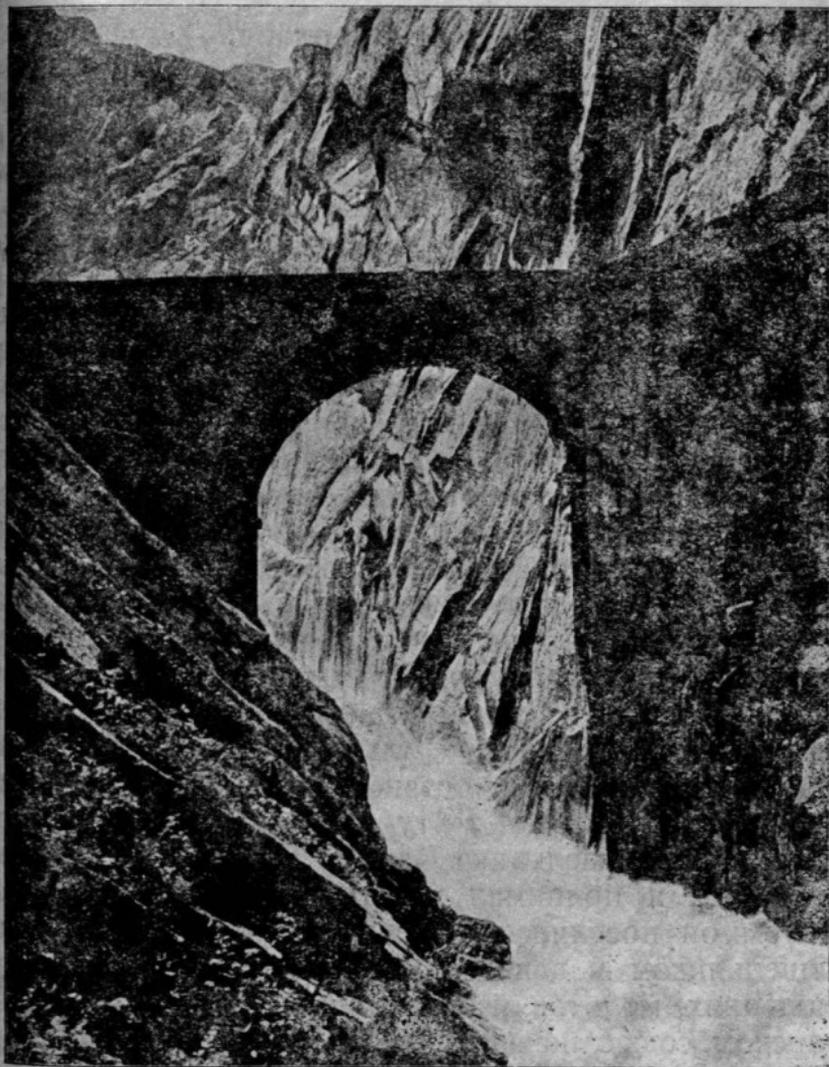

Рис. 27. Мост в ущелье реки Рейс.

Эйгер, Веттергорн, Финстерааргорн и Шрекгорн вырисовываются перед нами на голубом небе. А на востоке мы встречаемся с знакомыми уже нам Гларусскими Альпами, с их лесистыми долинками и про-

бегающими по ним серебряными лентами ручьями и речками. Чудесная, удивительная по красоте картина!

Бернский Оберланд.

Давно мы оставили за собой тихие долины, прошли знаменитую дорогу Аксенштрассе, влезали на Риги, поборов все трудности пути. Теперь мы приближаемся к самой середине Швейцарии, где поднимается в облака целая цепь огромных снежных гигантов. Никогда, ни в какое жаркое лето там не тает снег. Вечная зима, вечные льды, целые ледяные моря, да снежные обвалы царят на этих высотах. Эта горная цепь расположена в части Бернского кантона, называемый Бернским Оберландом, то есть высокой страной. И горы, по имени кантона, называются Бернскими Альпами. Из Люцерны в Бернский Оберланд можно попасть по Брюнигскому горному проходу. Теперь там тоже идет железная дорога. На пути к нему мы проезжаем мимо Сарнского озера. Оно лежит в очень высокой долине; берега его окаймлены чудными хвойными лесами. Здесь впервые в светлые дни можно видеть снежные вершины Бернских Альп. На следующей станции Заксельн следует остановиться подольше. Швейцарцы часто посещают эту местность. Здесь похоронены кости отшельника Клауса. В юности Клаус был солдатом и принимал участие во многих походах. Потом он поселился в уединенном месте, сделался отшельником и девятнадцать лет провел в тяжелых лишениях, молитве и покаянии. В это время в швейцарском союзе начались несогласия. После всех побед в руках швейцарцев осталась добыча; из-за нее-то у них теперь и поднялись раздоры: каждый хотел получить себе львиную долю. Возникли зависть, недоверие, ссоры, и союз грозил распасться. Тогда в собрание союза явился отшельник и стал упрекать граждан в несогласиях. Он говорил, что они должны жить по-братски друг с другом, и толь-

ко в их единении их сила. Что с ними будет, если между ними возникнут междоусобия?! Слова отшельника подействовали, собрание одумалось, и междоусобная война была предупреждена.

Приближаясь к Брюнигскому проходу, дорога поднимается все выше и выше, местами пробирались между отвесными скалами. Далеко внизу виднеются долины. Наконец, и Брюниг. С высоты его видна самая красивая часть Бернского Оберланда. Перед нашими глазами поднимаются их снежные вершины, блестят на солнце ледники, озера, а между ними виднеются глубокие долины, реки, пробегающие по ним, и бурные горные потоки. Направо, внизу, залитое

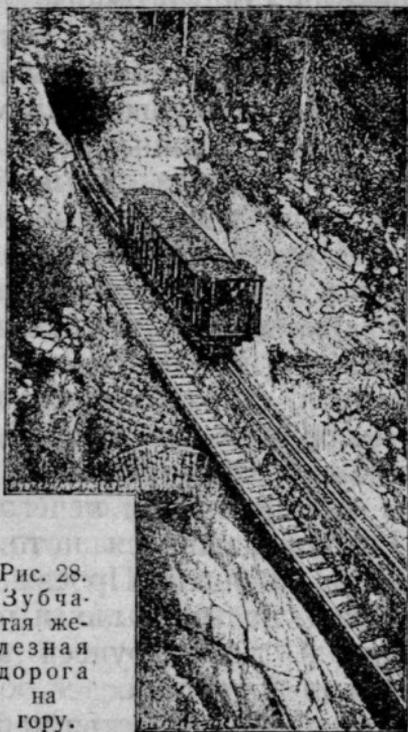

Рис. 28.
Зубчатая железная дорога на гору.

яркими лучами солнца, блестит Бриенцкое озеро, окруженное темною рамкой своих гористых берегов. Дальше—зеркальная гладь Тунского озера, отделенного от Бриенцкого небольшой полоской земли, Интерлакеном.

Но пора, наконец, спуститься вниз, в долину чудной горной реки—Аары. Голубая река на большом расстоянии течет в глубоком темном ущелье, между отвесными скалами. Ущелье это доходит до самого городка Мейригена. Городок лежит в котловине, окруженной красивыми лесистыми горами. Отовсюду сбегают вниз шумные горные потоки и кипящие водопады, по всем склонам шумят и пенятся белые брызги воды. Во время одного страшного ливня небольшой поток воды, недалеко от Мейригена, пре-

вратился в огромную бушующую реку и смыл всю окрестность. Местность была очень плодородная; прекрасно обработанные поля сменялись роскошными фруктовыми садами, теперь же все это засыпано песком и камнями. Уныло торчат из-под груд песка засохшие верхушки поломанных деревьев да темные доски разрушенных домиков. На несчастье по берегам ручья жили самые бедные крестьянские семьи, и в один день горный поток оставил их без крова и без куска хлеба. Швейцарцы страстно привязываются к своему родному домику, где они родились и состарились, так что, когда бушующие волны потока бесжалостно уничтожали все, что только лежало на их пути, стариков почти силой приходилось уводить с их родных пепелищ. «Здесь мы родились,—говорили они,—здесь родились наши отцы и деды, здесь мы и умрем. Нам нечего селиться на новом месте».

Разбушевавшийся поток не оставил на месте ни одной хижинки. Проезжая через неделю после несчастья, нельзя было и представить себе, чтобы маленький тихий ручеек мог когда-либо причинить столько бедствий.

Подобные несчастья нередки в Швейцарии, и местные жители всегда могут ждать от своих горных ручьев таких разливов.

Из Мейригена путь наш лежит на Бриенц. Все сельское население в этой местности и кругом Бриенца занимается резьбой по дереву. Каждый домик—это целая мастерская резных изделий. Крестьяне вырезают из дерева всевозможные фигурки и игрушки, ящички, шкатулки и тому подобное. В Бриенце есть даже школа, где учатся этому искусству. Впрочем, там учатся резать очень тонкие и искусные вещи, а простую игрушку или ящичек вырежет каждый бриенцкий мальчик. Крестьяне привозят свои изделия в город на продажу, но часто скупщики сами наезжают в деревни и скупают товар на месте.

Бриенц стоит на самом берегу Бриенцкого озера. Озеро это со всех сторон окружено горами. И с

этих гор несутся в озеро шумные пенящиеся потоки воды. Уже в Бриенце слышен шум и гул падения знаменитого водопада Гиссбаха. Чтобы посмотреть на него, нужно сесть на пароход и переехать на другой берег озера. Берег этот оброс прекрасным лесом. Среди громадных тенистых деревьев выбивается из узкого дикого ущелья этот бурный поток и с неимоверною силой несется в притихшее, точно испуганное озеро. Огромная масса воды разбивается в пыль при падении, и нежно-белая пена его клубится дальше, прыгая с уступа на уступ. Это—один из самых красивых и самых полноводных горных потоков в Швейцарии. Начало его лежит далеко среди вечных снегов и ледников. Собираясь понемногу на этих высотах, он белой пеленой срывается в озеро с крутых скал. Шум и гул его падения далеко раздается по окрестности. Теперь около водопада проведена наверх хорошая дорога для путешественников, а по вечерам его освещают красным и зеленым бенгальским огнем. В этом виде водопад кажется просто чем-то волшебным.

Проехав до конца Бриенцкое озеро, мы попадаем в селение Интерлакен. Слово Интерлакен значит между озерами (рис. 29). И действительно, Интерлакен расположен на маленьком перешейке, между двумя озерами. Прежде оба озера, Бриенцкое и Тунское, были одним большим, похожим на реку озером. Вода его была чиста и прозрачна, и только быстрая горная речка мутила эту зеркальную гладь, принося с собой с гор камни и ил. Река Лючина впадала почти посредине этого огромного озера, и вот от этого песка и ила дно его мало-по-малу стало подниматься. Озеро начало делиться на два рукава. Земляной валик, образовавшийся от подымавшегося в этом месте озерного дна, все увеличивался и достиг противоположного берега, а когда, наконец, он выступил из воды, озеро окончательно разделилось на две части.

На вновь образовавшуюся сушу те же воды при-

несли семена разных трав и деревьев. Из земли поднялись ивы и вязы, ели и сосны и своими крепкими корнями укрепили новую землю, так что воды озер никогда не могли ее размыть опять. Такое укрепление почвы—самое надежное, и швейцарцы очень часто пользуются этим средством. Они сажают деревья в тех местах, которые хотят сохранить от напора воды или от обвала почвы. Нередко бывало прежде, что при неразумном вырубании деревьев разлившийся весной или в сильный ливень поток уносил с собой целые пласты земли а с ними вместе и работу трудолюбивого хозяина. Теперь они это уже знают и берегут леса и деревья.

Новая земля зазеленела и зацвела. В ветвях деревьев поселились птицы; бабочки и другие насекомые замелькали в траве. Но человеку нельзя было еще жить,—повсюду тянулись болота, и злая лихорадка отгоняла людей от новой земли. Нужно было осушить ее. Швейцарцы прорыли там множество каналов, куда собиралась лишняя вода. Почва высохла и покрылась плодотворными полями и прекрасными фруктовыми садами. Таким родом Интерлакен мало-помалу сделался одним из лучших мест в Швейцарии с прекрасным мягким климатом и богатой растительностью. Благодаря его красоте и удобному местоположению, там выстроился роскошный богатый город, где каждое лето живут тысячи путешественников. Сюда приезжают и больные подышать чистым, горным воздухом, и богатые, праздные люди, чтобы погулять в его чудных окрестностях. Нередко, впрочем, здесь можно встретить и школьного учителя, отдыхающего от зимней работы, и бедняка-студента, и рабочего человека, обходящего свою родину. Только, разумеется, мы не увидим их в тех роскошных гостиницах, похожих на дворцы, которыми долон Интерлакен. Они останутся в какой-нибудь деревне под Интерлакеном, где охотно принимают путешественников за недорогую плату, а рабочего человека и вовсе задаром. Здесь, за незатейливым

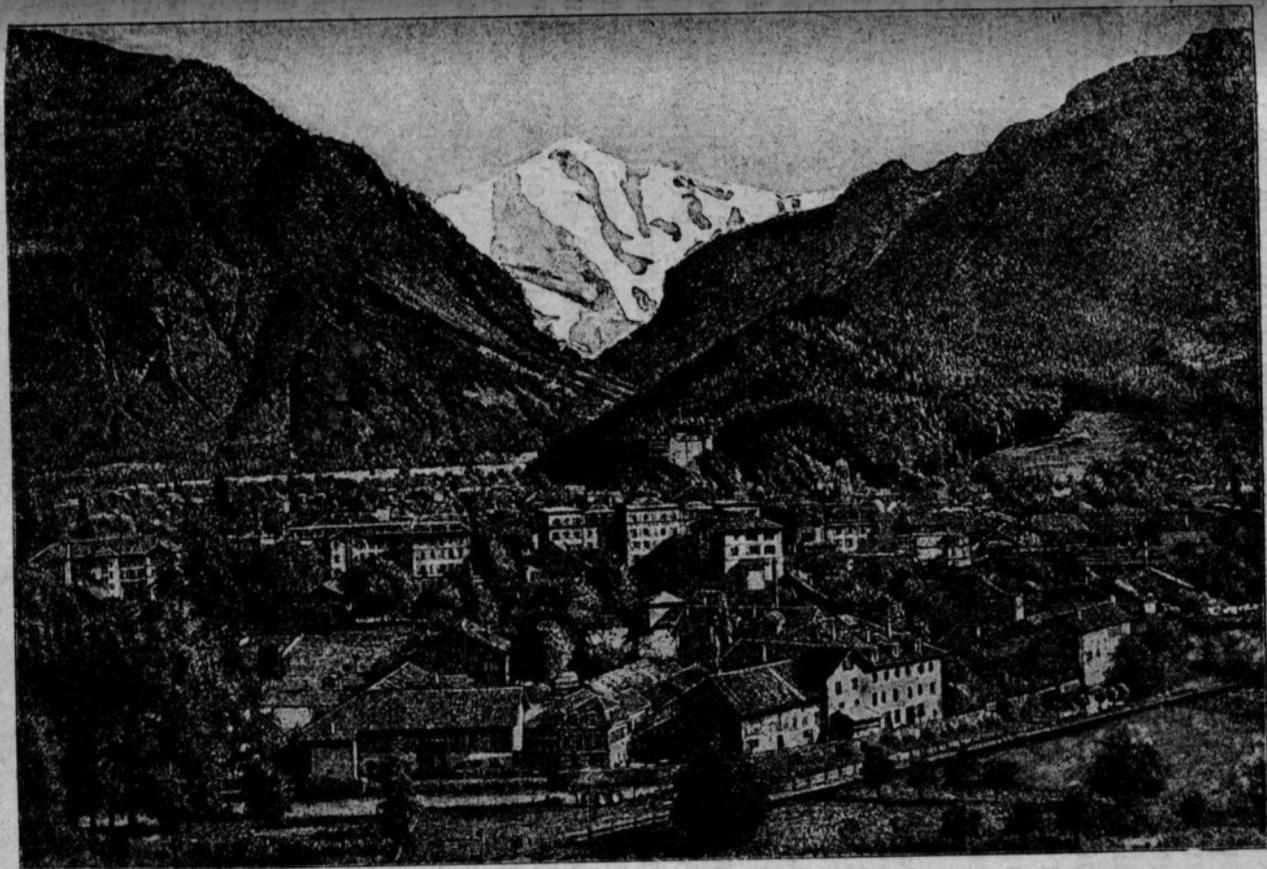

Рис. 29. Селение Интерлакен; за ним гора

обедом, хозяин расскажет ему и про свое житье-бытье, и про свои любимые горы, на которые он привык смотреть ежедневно и угадывать по ним погоду. Рано на другой день проснется путник, чтобы можно было отправиться пораньше в путь. Во в золотых лучах восходящего солнца загорелся перед ним целый ряд снежных великанов. Один за другим выдвигаются они перед его глазами. Над всеми ними царит недоступный Финстерааргорн. Это—самая высокая гора в этом краю.

Ясным, свежим утром отправляется путник в знаменитые долины Гринденвальд и Лаутенбруннен. Слово Лаутенбруннен—долина громких ручьев. Это—очень узенькая долина; с обеих сторон ее двумя высокими стенами поднимаются поросшие лесом горы. С них скатывается вниз множество шумных пенящихся потоков и водопадов. Все они впадают в веселую, горную речку, белую Лючину, пробегающую по долине. Путнику кажется, что Лаутенбруннен уходит в самые снежные горы (рис. 30). Горы эти все время перед ним. Все ближе и ближе приближаешься по долине к вечным снегам вершин Юнгфрау, Менха и Эйгера. Кажется, что вот-вот подойдешь к самому подножию их. Но это только так кажется,—до подножия нужно еще пройти не один десяток верст.

Но вот при одном повороте дороги снега Юнгфрау заблестели и засеребрились, точно осыпанные каким-то брильянтовым светом. Между нами и Юнгфрау стало громадное падение водопада Штауббаха. Среди крутых, неприступных скал, подобно легкому покрывалу, срывается этот водопад с огромной высоты. В одной старой сказке говорится, что покрывало это висело раньше на снежной Юнгфрау, а ветер сорвал его с ее чела и повесил на высокие лесистые скалы. Там развеивается оно в темной долине и переливается на солнце блестящими брильянтовыми капельками. Штауббах очень велик, но не богат водой. Вся она рассыпается в самую мелкую пыль, дробясь

голые скалы. Оттого и зовут его Штауббахом, или пыльным ручьем. Но в непогоду не узнаешь легкого, сверкающего водопада. Огромные потоки темной, мутной воды его с неимоверною силой несутся тогда в долину, а шум его падения оглуши-

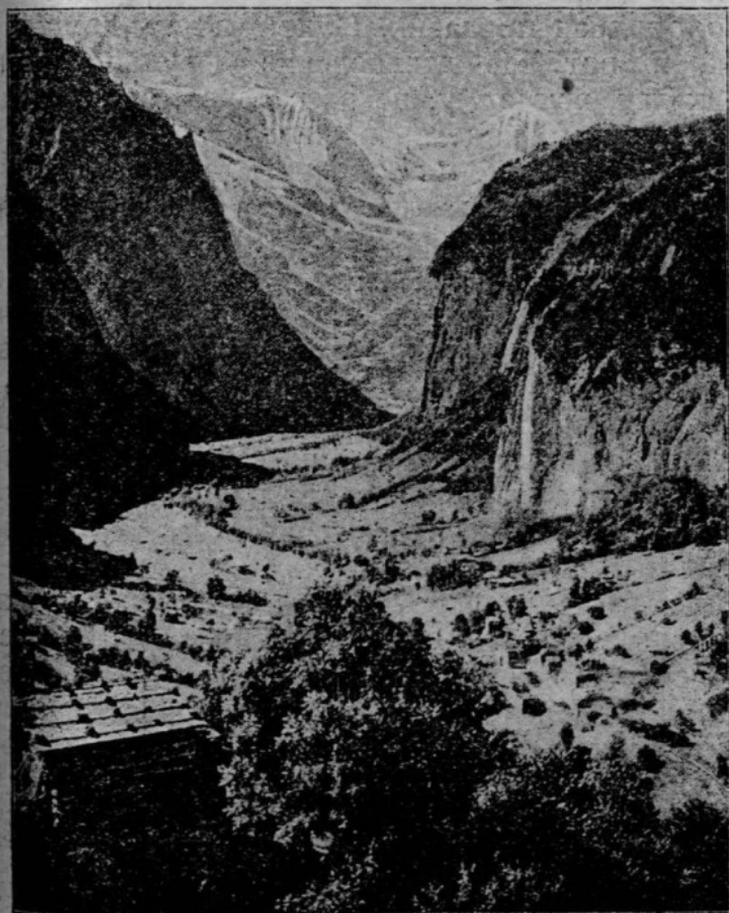

Рис 30. Лаутенбрунненская долина.

тельным громом перекатывается в соседних горах. Прежнее легкое серебристое облачко, которое вот-вот, кажется, унесет ветер, сносит теперь все на своем пути, мчит свои воды в долину, и плохо тогда окрестным жителям. Много зла принесет им поток.

Проходя по долине, во многих местах встретил маленькие будочки, в которых продаются кружева. Это—ручная зимняя работа местных девушек. Ничего много дают здесь крестьянам их красивые утесистые горы. Несмотря на все свое трудолюбие, крестьяне не могут кормиться тем, что дает им каменистая неплодородная почва их. Нужно иметь другой заработок, и вот все деревенские девушки, с самых ранних лет, всю зиму, не разгибаясь, сидят над плетением кружев, надеясь в летнее время продать их богатым иностранцам. Мужчины вырезают из дерева различные безделушки, как и в Бриенце, готовят охотничьи рога и палки для путешественников. Но, несмотря на все это, население здесь очень бедно. Нередко берется оно здесь за водку, чтобы залить свое горе. Среди швейцарцев немного встретишь пьяниц, в других местах пьют только пиво. Лишь в этом краю, где, с одной стороны, вечная нужда висит над крестьянами, с другой—тысячи богатых путешественников сорят на их глазах миллионами рублей, только здесь чаще всего бедняк не выдержит и махнет на все рукой.

Труден здесь заработок для крестьянина, тяжела его жизнь, но если он начнет пропивать и последнее, то нередко его семье приходится сидеть и вовсе без хлеба, дожидаясь своего хозяина. «Что-то принесет он им,—ждет с тревогой семья:—может-быть, много денег, может-быть, что-нибудь поесть?». Но хозяин приносит домой только еще больше горя. Он отнимает у своей семьи последнее, что у нее осталось: отнимает покой, бушуя пьяный иногда целую ночь.

Лучшие люди в Швейцарии давно уже думали, как бы помочь горю. И вот среди них стали складываться союзы для борьбы с пьянством. Союзы эти называются обществом трезвости. К такому союзу присоединяются те, кто хочет сам отстать от вина или помочь другим в этом. При этом он называется не только сам никогда не пить вина, но

угощать никого и везде говорить против пьянства, рассказывать о вреде его. В каждом маленьком местечке, где найдется несколько человек, принад-

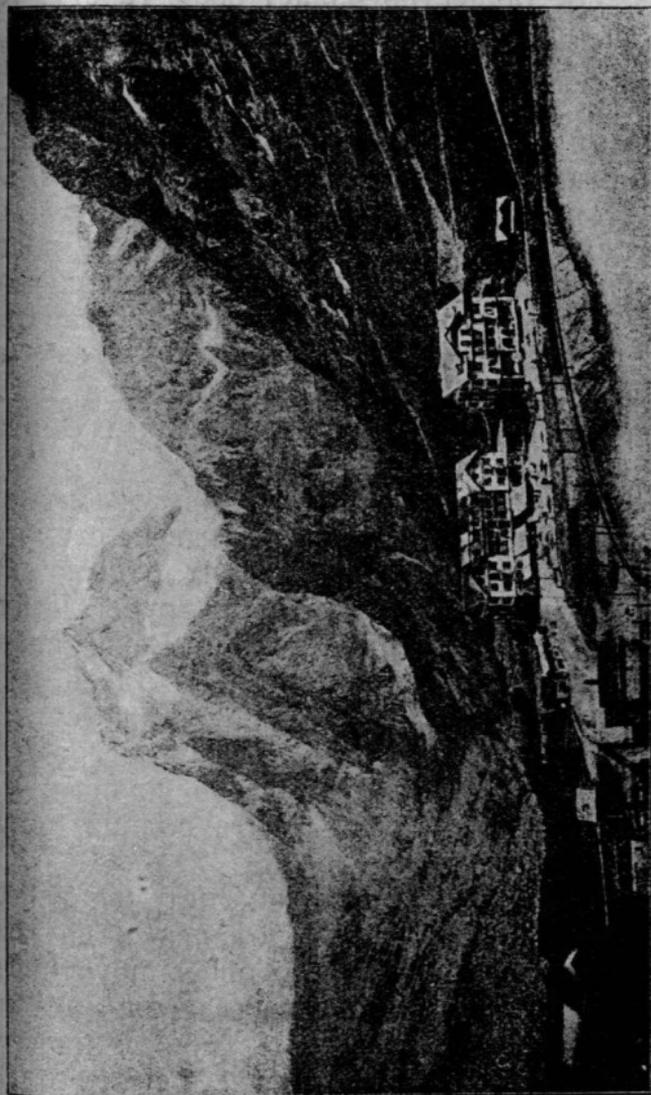

Рис. 31. Вершина Малый Шейдегг.

ежащих к обществу трезвости, они часто собираются вместе в свободное время, говорят о делах, читают что-нибудь, рассказывают и весело и с пользой проводят время не за рюмкой водки, а за чашкой кофе.

В Швейцарии несколько таких обществ, одно из самых больших—это общество «Голубого креста», самое деятельное—«Международное общество тревости». Каждое общество издает свою газету, устраивает везде, насколько хватает у него средств, дешевые столовые и чайные, куда выписывает множество газет и журналов для чтения. Пожертвованиями и разными другими способами собирает оно средства и помогает выбиться из нужды беднякам. Оправится крестьянин, приведет в порядок свое хозяйство и бросит пить. В семье у него опять воцарится мир и тишина. А сам он, вспоминая, сколько горького приносила ему его дурная жизнь, будет стараться в том, чтобы бросили водку и все близкие ему люди.

Так растут и развиваются эти общества в Швейцарии и с каждым годом становятся все шире и многочисленнее.

В конце Лаутенбрунненской долины мы встречаем еще один большой водопад. Громадный столб воды пробивает себе путь среди гладких, голых скал и падает точно в широкой каменной трубе. Дойдя до конца долины, стоит подняться до Венгернальп, оттуда на малый Шейдегг (рис. 31). Здесь мы уже у самого подножия горы Юнгфрау. Кажется, можно достать до нее рукой. Отсюда слышен гром лавин и обвалов, которые она посылает в долину, и чувствуется по вечерам, после заката солнца, ее ледяное дыхание.

Там, в этих горах нет жизни, нет человеческого жилья. Человек приютился в долинах и на невысоких холмах, около хлебных полей и фруктовых садов, на берегу рек и у зеленых лугов,—везде, где только ему было чем пропитать себя. А наверху, в горах, он встречает только темные, серые, бесконечные стены скал и утесов, пустынные равнины, полные обломков камней, ледники, целые ледяные моря и серебряные, блестящие на солнце сугробы снега,—везде здесь перед ним холодный, мертвый, застывший мир.

Но этот мир имеет много своей прелести. Он дышит какой-то особой чистотой; безграничная ширина горизонта, где только возвышаются огромные, мохнатые шапки снежных великанов и горная вьсь, и чистота и прозрачность беспредельного неба, и лучезарно сияющий снег и эта тишина поднебесья,— все тянет, манит и привлекает к себе. И тысячи людей, рискуя жизнью, ежегодно поднимаются на эти грозные вершины и угрюмые, пустынные, снежные

Рис. 32. Восхождение на горы.

платогорья. Кто раз побывал на вершинах, того всегда будет тянуть туда, в недостижимые высоты белоснежных Альп (р 32).

Отчего же эти снега и льды не тают летом, когда яркое солнце согревает землю своими жаркими лучами? На высоких горах, далеко от земли воздух гораздо реже, чем внизу, и потому он плохо задерживает солнечные лучи. Они проходят мимо, не согревая вершин ни днем ни ночью, ни зимой ни летом. Оттого и снега лежат там вечно, немножко подтаивая только снизу летом. Но снег на вершинах не пушистый и мягкий, как обыкновенный снег. Солнце все-таки немного пригревает его. Обтаивая, он делается твердым и зернистым. Такой зернистый снег называется фирном.

Из-под тающего фирна всегда струится вода, которая ниже фирна замерзает в твердый, гладкий лед. Лед сверху постоянно прибавляется, все дальше спускается вниз и, наконец, совершенно сползает в долину в виде ледника или глетчера. Иногда такие ледники могут быть огромной величины. Если ледник занимает широкую равнину, то его зовут ледяным морем. Ледник постоянно подтаивает

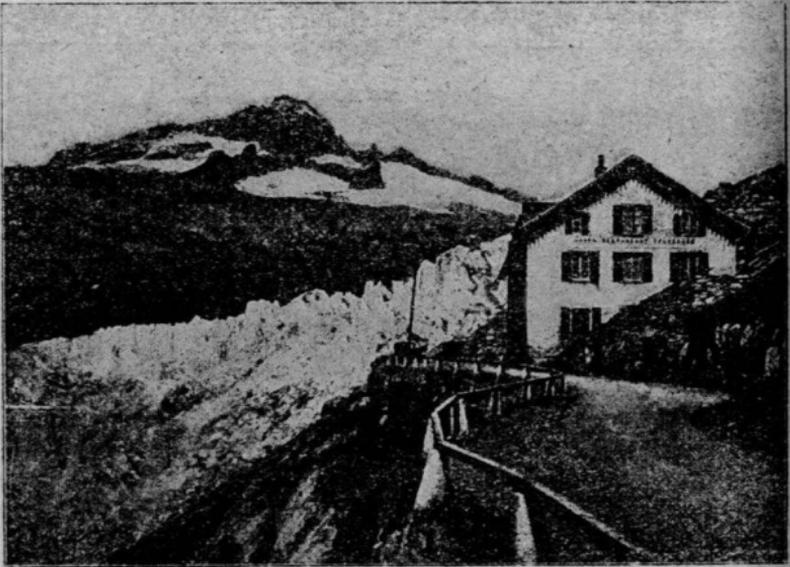

Рис. 33. Ронский глетчер.

снизу со стороны долины и таким родом дает начало многочисленным речкам и горным ручьям. Ледники с течением времени меняют свою величину, — одни обтают, другие прибавятся. В жаркое лето они всегда снизу сильно убавляются (рис. 33).

Несмотря на то, что так неприветливо встречают человека высокие горы, несмотря на все трудности и опасности подъема, ежегодно множество путешественников посещает их. Разумеется, они всегда нуждаются в опытных проводниках, хорошо знающих местность. Проводники эти, большей частью, крепкие и очень смелые люди, хорошо знают и горячо

любят свои родные горы. Недавно один проводник справлял свою золотую свадьбу. В этот день он с женою в последний раз в жизни поднялся на одну из самых недоступных вершин, на Шрекгорн. Это путешествие совершал он с ней ежегодно, но силы уже начали оставлять старика, и в день своей зо-

Рис. 34. Горный проводник.

лотой свадьбы он простился со своими любимыми высотами и родными ему снегами. Внизу, в долине, отважных стариков ждал хороший ужин, который им приготовили полюбившие их путешественники (рис. 34).

Такие подъемы и путешествия среди снегов не-

редко очень опасны. Не проходит ни одного лета, чтобы в горах не погибло несколько человек. Швейцарцы, привыкшие всегда работать сообща, устроили и здесь общество. Это общество заботится, во-первых, о том, чтобы спасти заблудившихся в горах путешественников, а во-вторых, подробно изучать швейцарские горы, чтобы легче было разбираться, куда и как нужно идти. Общество это называется альпийским клубом.

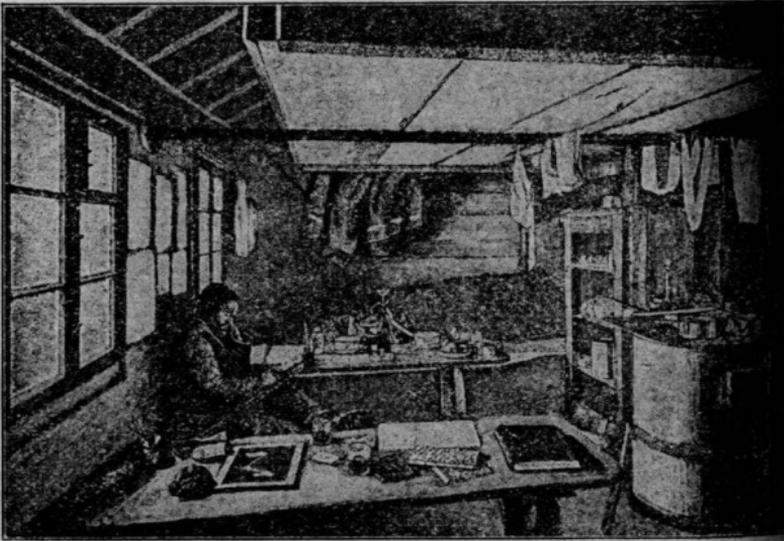

Рис. 35. Хижина альпийского клуба.

Нередко, заблудившись среди снегов и голых скал, путник вдруг наталкивается на небольшую хижину. Он входит в нее и видит чисто прибранную комнату (рис. 35). Наверху устроены теплые постели. Все готово для отдыха; здесь можно и отдохнуть и согреться. Развести огонь ничего не стоит, потому что у очага приготовлено сухое топливо и спички. В шкапу путник всегда найдет что-нибудь поесть, а нередко даже и книжку. Подкрепившись хорошим отдыхом, путник на другой день бодро отправляется в путь и с свежими силами легче отыщет себе дорогу. Такие хижинки, рассеянные повсюду

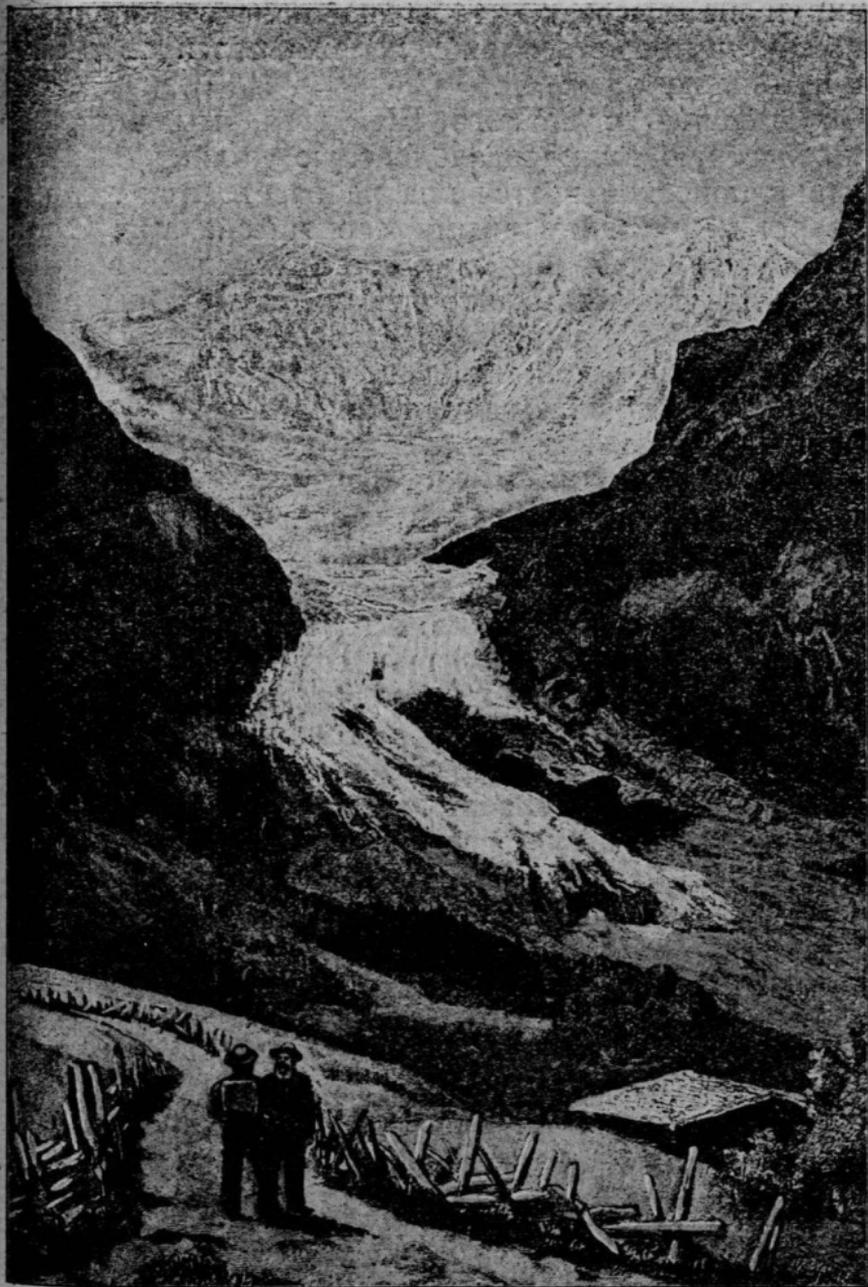

Рис. 36. Гринденвальдский ледник.

горах,—дело альпийского клуба. Он же устраивает станции на высотах, чтобы наблюдать погоду, и снабжает путешественников надежными проводниками и теплою одеждой.

Спустившись с Малого Шейдегга, мы попадаем в прелестную Гринденвальденскую долину. Веселой зеленой полоской вьется она на расстоянии двадцати верст между громадными, серыми скалами. С юга ее запирают горы, и с этих гор спустились в долину ледники так низко, что неподалеку от них построены даже дома (рис. 36). Напротив Малого Шейдегга стоит Большой Шейдегг. Подъем на эту гору удивительно хорош. Дорога то идет между веселыми, зелеными лужайками, то вьется между скалами и камнями, покрытыми мохом. Слева дороги высятся огромные, прекрасные сосны и ели, а направо журчит, спрыгивая с камня на камень, горный ручей. По другую сторону ручья дорогу огибают белая, снежная стена Веттергорна. Его красивые, серебряные зубцы то ярко блестят на солнце, то вдруг задержатся легким облачком и чуть-чуть виднеются из-за туманной дымки. По мере того как поднимаешься, картины беспрестанно меняются перед глазами. Все шире и шире разворачивается горизонт и с каждым, кажется, шагом все новые миры открываются перед вами. Деревни, домики внизу уже сделались совсем маленькими, точно игрушечными, взор охватывает огромные пространства. Снежные великаны рядом с вами; кажется, стоит только протянуть руку, чтобы достать до них, и они манят к себе с непреодолимою силой. А вдоль дороги уже исчезли громадные ели, лес превратился в мелкий кустарник. Большие деревья не могут расти на значительной высоте, и только яркие, горные цветочки сопровождают путника по всей дороге до самых льдов, а нередко попадают даже у самых ледников. От холодных, горных ветров они спасаются тем, что обрастают мягкими, пушистыми волосками. И чем выше поднимается путник, тем становятся ярче встречающиеся

ему горные цветы. Колокольчики, примула, голубая генциана мелькают среди серых камней. А выше, к самым снегам подходит знаменитая альпийская роза и нежный, белый пушистый эдельвейс (рис. 37).

Эдельвейсы обыкновенно растут под нависшими скалами, в тени угрюмых камней и в других почти недоступных местах. Собрать их очень трудно. Швейцарцы любят украшать ими свои горные шляпы, и каждый путешественник, хоть с большой опасностью, всегда постарается набрать хоть небольшой букетик из этого прелестного горного цветка. Чтобы сорвать цветок, горцу иногда приходится карабкаться по очень крутым и обрывистым местам (р. 38).

С цветка на цветок перелетают бабочки таких чудных ярких цветов, каких никогда не

встретишь в долине. Ни траурная многоцветница, ни яркий павлиний глаз не могут сравниться красотой с этими горными бабочками.

На самой вершине Большого Шейдегга укреплена маленькая скамеечка. Здесь стоит немножко посидеть. С обеих сторон крутые склоны горы, спускающиеся с одной стороны в Гринденвальденскую, а с другой—в Рейхенбахскую долину. Прямо, рядом с вами, поднимается серебряный Веттергорн, а впереди огромное пространство: долины, снежные горы,

Рис. 37. Цветы эдельвейс.

ледники и зеленые лужайки,—все это раскинулось перед глазами и сияет на солнце какою-то радостью жизни.

Немного ниже Большого Шейдегга лежит знаменитый глетчер Розенлей. Он славится самым чистым льдом в Швейцарии. Во всем этом леднике нет ни одного камня, что встречается во всех других ледниках, и прозрачные слои льда переливаются на солнце яркими, чистыми красками от нежно-голубой до темно-синей. Розенлей—очень маленький ледник и за последние годы сильно подтаял, так что до него теперь довольно трудно добраться.

На спуске нас опять встречают хвойные леса, пастбища с пасущимися на них коровами и козами и пастушеские хижины. Горный поток, идущий вдоль дороги, делается все полноводнее и полноводнее и превращается, наконец, в огромный Рейхенбахский водопад. Мы спускаемся в Мейриген. Оттуда можно вернуться обратно в Интерлакен. В Интерлакене мы садимся на пароход, чтобы объехать Тунское озеро. Озеро это немного больше Бриенцкого. Берега его очень красивы: по всем склонам гор, обращенных на солнце, растет виноград. Во многих местах в садах встречается лавровое дерево, а все дороги, от деревни к деревне, усажены каштанами и тенистыми ореховыми деревьями. Почти около каждого крестьянского домика можно видеть хоть несколько пчелиных ульев. Крестьяне здесь очень любят пчеловодство. При таких хороших лугах пчелы дают и очень хороший мед. Но пчеловоды здесь ставят в ульях еще сироп в чашечках, чтобы меду было больше. Ульи у них всегда разборные, так что при выемке его не приходится губить пчел. И меду в таких ульях всегда бывает много больше.

В этом краю Швейцарии совсем нет ни больших городов, ни фабрик. Население здесь крепкое, здоровое; занимается оно больше всего скотоводством, лугами и немного земледелием. Здешние крестьяне не носят еще городского платья, и вместе с старин-

ными нарядами у них сохранились и старинные обы-
чаи. Так, все парни в каждой деревне составляют одно
товарищество и ревниво охраняют девушек своей де-
ревни от всякого чужанина. Если они заметят, что де-

Рис. 38. Горец срывает цветы эдельвейс.

вушка познакомилась или подружилась с парнем из
другой деревни, то нередко случается, что, поймав его
у себя, они жестоко поколотят ни в чем неповинного
беднягу. Зато родители никогда не мешают девушке

выбирать самой себе жениха и побольше познакомиться с ним до свадьбы. Если парень хочет показать девушке свое особенное уважение, то он ставит ночью под первое мая перед ее окном богато украшенную шелковыми лентами елку. Это—большая радость и почет для девушки, и парень всегда получает хорошее угощение от ее родителей. Если же девушка слишком гордится своим богатством или положением и не хочет сближаться с молодежью в деревне, то на ее окно ночью вешают соломенное чучело.

Большая часть свадеб устраивается здесь зимой перед Великим постом. Санки, маленькие тележки с самого утра со всех сторон привозят дальних и близких родственников, знакомых и друзей. Перед обедней все подкрепляются завтраком. Потом устанавливается шествие: впереди идет невеста с венком в волосах. Сейчас же за ней распорядительница всего дня с корзиночкой в руках, где лежат свадебные подарки. А за ней все провожающие невесту женщины. На некотором расстоянии идут мужчины. Впереди жених в черном плаще со шляпой в руках и с маленьким веночком на голове.

После обедни, под звуки органа, жених и невеста подходят к алтарю, где их венчают, а после венчания, под музыку же, все присутствующие отправляются обедать в ближайший трактир. Вечером устраивается веселый бал, который открывает жених своей нареченной. Больше он не должен ни разу танцевать с ней весь вечер. Она же должна по очереди танцевать со всеми гостями, чтобы не обидеть никого из них. В это время распорядительница сжигает свадебный венок невесты. Если пламя быстро его охватит, то это считается хорошим знаком; если же он медленно тлеет, не давая яркого пламени, то брак будто бы будет несчастлив. Потом она обвязывает платками всех приглашенных гостей и получает от них за это подарки для нового хозяйства молодых. Весь день проходит в танцах и разных играх, а вечером все гости провожают молодую чету.

Рис. 39. Горный орел.

Каждый год после конца молотьбы в Бернском Оберланде устраивается праздник, это — праздник сельских рабочих. В этот день хозяева сами все за них делают и готовят для них хороший обед. Вечером же все танцуют.

Из других развлечений, кроме танцев и разных игр, здешняя молодежь любит другое, не такое безвредное занятие. Это — охота. Стрелять они все умеют с самого детства, и подстрелить орла в облаках для них большая радость. Целый день иногда проходит охотник, чтобы найти, наконец, могучую птицу, и тогда ей уже не уйти от искусного стрелка (рис. 39). Особенно любят они охоту на серна. Это стройное, ловкое животное живет в малодоступных горных местностях и ловко перепрыгивает со скалы на скалу. Охота за ними очень опасна и стоила уже жизни многим смельчакам, но, несмотря на это, местная молодежь со страстью отдается ей. До восхода солнца поднимается такой охотник в высокие, недоступные горы и с самым строгим вниманием осматривает окрестность. Напряженно следит он даже за тем, в какую сторону дует ветер, потому что ветер может донести чуткому животному о присутствии человека. Как только охотник увидел на лужайке несчастного зверя или только попал на его след, он спокойно ждет, чтобы серна взлезла на какую-нибудь крутую скалу. Здесь он может ей отрезать путь. Осторожно подкрадывается охотник к ничего неподозревающему животному и убивает его выстрелом из ружья. Если охотник нападет на целое стадо, то ему никогда не удастся застать его врасплох, потому что в стаде всегда есть свои сторожевые, от зорких глаз которых очень трудно укрыться. Заметив опасность, они тотчас же предупреждают своих товарищей резким криком. Если серны чувствуют, что есть опасность, но не знают, с какой стороны, то бедняжки мечутся в беспорядке, не зная, куда бежать. Если у детеныша убили мать, он в страшном испуге бегаёт кругом убитой, не понимая, что

Рис. 40. Улица в городе Туне.

случилось. Осиротевшая крошка обнюхивает мать и не решается ни на шаг отойти от нее. Нередко второй выстрел кончает и с ним.

Измученный, усталый, с расцарапанными ногами возвращается торжествующий охотник с своею кровавою добычей. Много раз опять рискует он жизнью, спускаясь по опасным тропинкам и крутым утесам с тяжелой ношей за плечами. Но ни трудности ни опасности охоты не останавливают любителей от их жестокой забавы. Нередко в суровое зимнее время возвратившийся охотник заболел от простуды и умирал. Случалось и то, что, упав в горах от утомления, он замерзал. Один охотник сломал себе ногу и сел на камень, потому что совершенно не мог идти. На другое лето на камне нашли сидящий скелет. Несчастный замерз и погиб жертвой своей страсти.

За последнее время серн становится все меньше и меньше, а с этим мало-по-малу прекращается и охота на них.

Пароход привозит нас, наконец, к самой последней станции, к городу Тун. Тун—старинный город и славится хорошо сохранившимися старинными постройками. Здесь встречаются и остроконечные башенки, и тяжелые каменные своды. Галлерей с такими сводами тянутся вдоль улиц в два этажа. Из озер выбегает река Аара, и через нее переброшено несколько старинных мостов (рис. 40).

В Туне мы встречаемся с тем, что еще ни разу не бросалось нам в глаза в других городах Швейцарии. Там и сям мелькают солдатские каски, а по праздникам и разным другим торжественным дням раздаются выстрелы из пушек. В Туне есть единственная в Швейцарии военная школа и стоит артиллерия. Такого войска, как в других странах, в Швейцарии совсем нет. Вместо него здесь народная милиция. Служить в этой милиции обязаны все граждане с 20 до 44-летнего возраста. Но служба эта не разрушает семьи, не отнимает у нее работника и отца

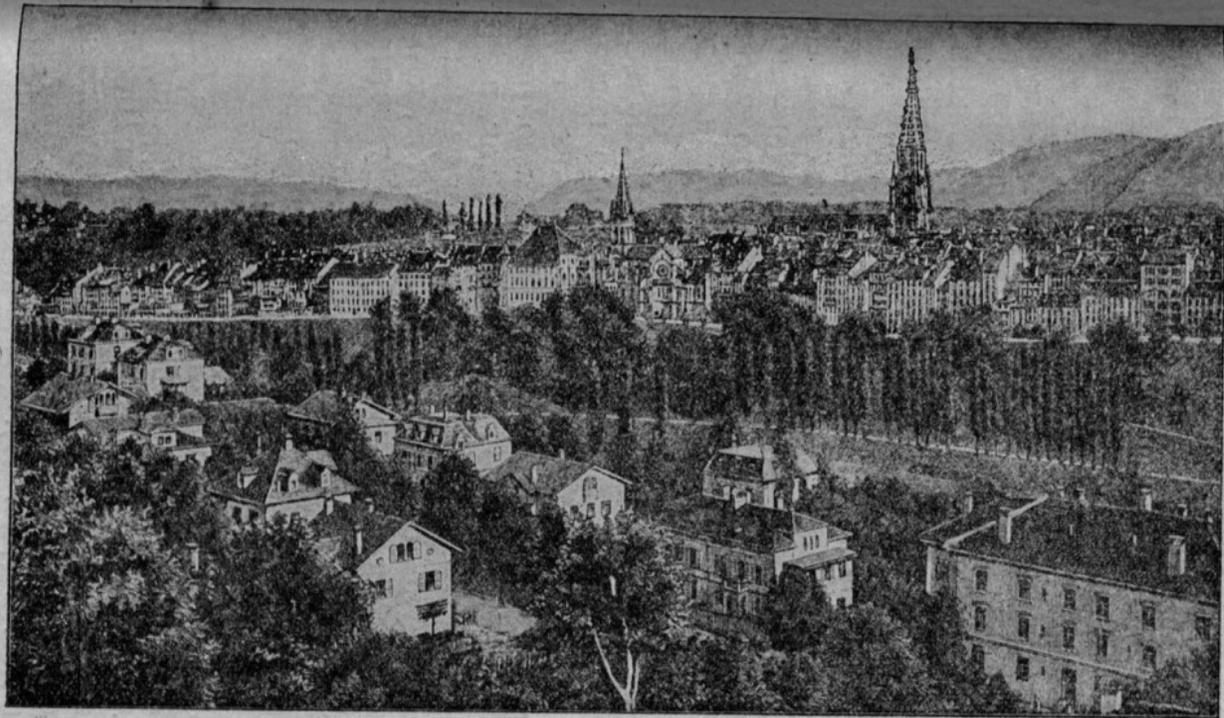

Рис. 41. Город Берн.

у детей. Она продолжается всего по несколько недель, через большие промежутки времени, а потом и по несколько дней только. И служат они всегда в том же кантоне. Молодежь швейцарская очень любит даже походить несколько времени в военном мундире. Но в Швейцарии есть много людей, которые против всякой войны и всякие приготовления к войне считают подготовлением к убийству. Люди, которые думают так, соединились в союз, который они назвали лигой мира. Союз этот распространился по всем государствам Европы, и в каждом из них есть отделение его. Такое же отделение есть и в Швейцарии. Они издают газету. В ней они говорят о том зле, которое приносит миру борьба людей друг с другом, и указывают на вред, причиняемый войной стране. Не довольствуясь газетой и книжками, которые они об этом пишут, общество это устраивает собрания, где читают и беседуют с народом. На собраниях эти стекаются тысячи людей. Члены же общества нередко сами отказываются от исполнения воинской повинности, несмотря на то, что государственные власти преследуют их за это как за преступление. Иногда в Швейцарии воинскую повинность можно заменить военным налогом, так, например, если кто уехал за границу или отправляет какую-нибудь выборную должность, а также и тот, кто по слабости здоровья не может принимать участия в военных упражнениях.

Столица Швейцарии—Берн.

В глубокой котловине, в виду вечных снегов Бернских Альп, раскинулся старинный швейцарский город Берн. Не велика и не нарядна столица Швейцарии, не похожа она на главные города других государств. Только за последнее время в ней много построили домов (рис. 41).

С трех сторон город окаймляет зеленая лента красавицы реки Аары.

С снежных вершин Бернского Оберланда, далеко за Шрекгорном и Веттергорном, с серебряных рудников горной пустыни Гримзеля несетя эта дикая, горная река. Бешено мчится она по ущельям, смело срывается с отвесных утесов пенящимися водопадами и, точно игрушки, катит в своих волнах огромные скалы. С Большого Шейдегга несетя к ней дикий горный поток Рейхенбах; но в то же время огромные стены скал с обеих сторон сдвигаются над бурною рекой, и она течет с полверсты в темном, узком коридоре. Швейцарцы построили здесь мостики для путешественников и железными стержнями прикрепили они их к голым камням. Жутко немножко в этом узком коридоре, где под вами бурлит укрощенная река, а над головой чуть-чуть светится голубое небо, а иногда и совсем скрывается за надвинувшимися скалами. Точно кто опустил вас в глубокий колодец, и только эхо вашего голоса гулко переливается под каменными сводами.

Но вот Аара освободилась из своего плена и побежала по веселой долинке, засаженной фруктовыми деревьями. Добежав до Бриенцкого озера, она вливается в него, и на время течение ее скрывается от глаз человека. В Туне она опять выбегает из озера, пополнив свои воды горными потоками из окрестных долин. Аара славится своею красотой среди всех швейцарских рек. Вода в ней, как и во всех горных речках, очень чиста и холодна. В Берне через нее переброшено множество мостов: одни из них—старинные, деревянные, крытые—напоминают старые времена Швейцарии; другие—чугунные, прозрачные и легкие, точно изящные игрушки. Они построены в последние десятилетия.

И весь город представляет такую же смесь старинного с новыми, чисто-европейскими постройками. Разделяется он на верхний и нижний город. Нижний весь застроен громадными, грязными, казарменными домами. Здесь ютится бедное рабочее население Берна. И здесь подчас встречается такая же беднота и

нищета, как и во всем свете, хотя, впрочем, в Швейцарии почти всякий бедняк, всякий заброшенный ребенок может найти себе приют и кусок хлеба. После я расскажу об этом подробнее.

Через весь верхний город, не считая предместий тянется одна длинная улица. По ней можно пройти хоть в проливной дождик и остаться сухим, потому что все дома построены с массивными каменными навесами над тротуарами. Так строили только в старые годы. Время от времени по этой улице встречаются старинные ворота с остроконечными башенками и разными фигурками. На одних воротах висят знаменитые старинные часы. Около этих часов, при каждом бое их, всегда собирается толпа любопытных. Особенно много народу толпится здесь в двенадцать часов. Перед боем этого часа из них выскакивает игрушечный петух и кричит три раза; потом выходят разные фигурки, игрушечные звери и начинают передвигаться. А в это время бородастый старик в полном вооружении бьет в колокол двенадцать ударов. Старик этот изображает основателя города Берна, рыцаря Берхтольда V.

Особенно замечателен Берн своими знаменитыми колодцами-фонтанами. В середине цистерны возвышается фигура какого-нибудь замечательного человека; здесь на коне сидит рыцарь Берхтольд, там — юноша Давид, Моисей с длинною белою бородой и т. п. Но самый знаменитый из них, это — пожира-тель детей. В середине фонтана помещен огромного роста человек, в одной руке он держит ребенка, а другой он уже положил в рот крошечного мальчика и собирается проглотить его. Дети боятся этого фонтана, да и, правду надо сказать, на него неприятно смотреть.

Тихо и пустынно на улицах Берна. Весь город точно застыл три века тому назад, да так и остался. И сами бернцы — малоподвижный и не общительный народ. Они очень сердечны и охотно помогут всякому в нужде, но веселья, шутки, приветливости

у них не увидишь. Про них говорят в шутку, что они похожи на своих любимцев—медведей. В городском гербе Берна помещен медведь, он считается покровителем города, и бернцы очень любят своих покровителей. В конце города для них устроены два больших рва, огороженные высокою каменною стеной. В них живут медведи. Во рвах есть колодцы с водой; посреди каждого рва стоит дерево, куда они могут лазить, а кормит их определенный для них сторож на пожертвованные средства. Ежедневно у этих медведей собираются толпы народа, особенно дети бросают мишкам хлеб, морковь и репу, которые они стараются поймать на лету. Иногда, к великой радости ребятишек, между медведями завязывается возня.

Уныло и мрачно в Берне, но и здесь путешественник найдет себе много любопытного. И не так уже все безотрадно здесь, как кажется с первого взгляда. Стоит подняться на верхнюю террасу городского собора и посмотреть оттуда на снежные вершины Бернских Альп. Точно сразу переносишься в какой-то другой огромный, светлый мир. А мрачный, темный город, с своими тяжелыми каменными постройками и узкими безлюдными улицами, остался где-то далеко под вами. Особенно хорошо подняться туда на восходе солнца. Кругом все тихо, но это не дневная унылая тишина,—нет, весь город спит еще. Изредка пройдет только какой-нибудь случайный работник, и шаги его звонко раздаются под каменными сводами. Из окрестных деревень и домов предместий доносится крик петуха, густой туман висит над Аарой. Холодно. Свежий утренний ветерок пробегает по густой листве каштановых деревьев, и большие капли росы дождем скатываются с них. Вот на городских часах пробило четыре часа; восточная сторона неба осветилась бледным светом. Альпы покрыты еще предрассветною дымкой тумана, и густые облака ползут по горам. Вдруг точно яркая звездочка блеснула в тумане. Все ярче и ярче разгорается

она; вот заблестела в тумане первая самая высокая вершина — Финстерааргорн. Наконец, туман разрывается, и перед глазами вашими открылись золотые главы Менха, Эйгера, а затем сбрасывает свое покрывало и красавица Юнгфрау (рис. 42), и в ярком блеске утренней зари горят и пылают огнем снежные вершины альпийских великанов. Это зрелище стоит всяких красивых городов в мире, и кто раз видел что-нибудь подобное, у того навсегда останется об этом неизгладимое воспоминание, а также и благодарность к тому месту, откуда удалось ему полюбоваться на такую чудную картину. В этом-то старинном швейцарском городе, высоко над берегом Аары, стоит нарядное здание союзного совета швейцарского государства (рис. 43).

Швейцария есть союз двадцати-двух равноправных маленьких государств, называемых кантонами; каждый кантон представляет собой республику, в которой власть принадлежит всему народу. В одних кантонах народ выбирает себе депутатов в законодательное собрание, а в шести самых старых, маленьких кантонах, — Ури, Гларус, два Унтервальдена и два Аппенцеллера, — законодательная власть находится непосредственно в руках народа. Все государственные дела решаются там не представителями народа, а мирским сходом на главной площади города (рис. 44). Эти сходы совершаются в торжественной обстановке. Сход открывает ландаманн, то-есть президент исполнительного совета кантона. Ландаманн спрашивает народ, желает ли он начать сход. Выходит кантональный пристав и отвечает, что народ желает начать сход, и сход открывается молитвой и торжественной речью ландаманна. Кроме сходов, собирающихся для одобрения того или другого закона, бывают сходы постоянные. Постоянный сход собирается только один раз в год. На нем выбирают правительство, утверждают отчет о доходах и расходах государства и обсуждают новые законопроекты. Один за другим, граждане говорят свои речи,

Рис. 42. Гора Юнгфрау.

поднимают руки при голосовании и, по окончании дел, расходятся в полном порядке. В других, более многолюдных кантонах дела решаются собранием народных представителей. Но принятые этим собранием законы все-таки передаются на всенародное голосование, на референдум. Исключение составляет только кантон Фрейбург, где референдума нет. В одних кантонах всякий закон обязательно передается на народное голосование. Это—кантоны с так называемым обязательным референдумом. В дру-

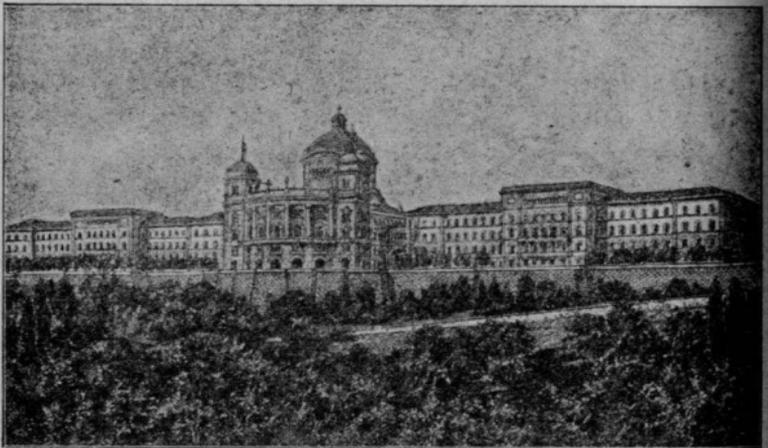

Рис. 43. Здание союзного совета в Берне.

гих же он передается только в том случае, если этого потребует известное число лиц, различное в различных,—от 500 до 6000 человек. Это—кантоны с факультативным референдумом.

Во главе кантонального управления стоит Большой совет. Это—совет законодательный. Исполнительная же власть принадлежит Малому совету. Судебная власть совершенно отделена от исполнительной и законодательной. Таким образом, каждый кантон управляется самостоятельно,—союз не имеет права вмешиваться в его внутренние дела, потому что каждый кантон—это отдельное государство. Теми же делами, которые касаются всех кантонов, за-

ведует союз, как, например, почтой, телеграфом, путями сообщения, народной милицией и тому подобным.

Законодательная власть союза состоит тоже из двух советов: Национального и Совета кантонов.

В национальном совете заседают выборные от каждого двадцати тысяч жителей по одному человеку, а в Совете кантонов—по два от каждого кантона. Каждый новый закон должен быть одобрен обоими

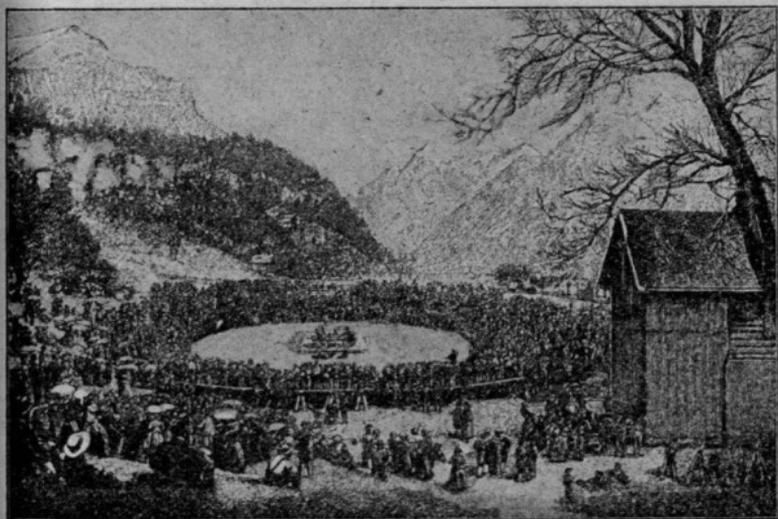

Рис. 44. Мирской сход.

этими советами. Но определенное число граждан может всегда потребовать, чтобы закон был раньше предложен на народное голосование, а пятьдесят тысяч человек могут потребовать пересмотра всех законов страны. Право голоса при выборах имеет каждый швейцарец, достигший двадцатилетнего возраста.

Все, что решено на обоих советах и одобрено народом, приводит в исполнение Союзный совет, так что власть его только исполнительная. Для всякого швейцарского государства Союзный совет то

же, что Малый совет для каждого отдельного кантона. В Союзном совете только семь членов. Во главе его стоит президент союза, который выбирается на один год всем Союзным собранием, то-есть членами обоих законодательных собраний,—Национального и Совета кантонов,—в одном общем заседании.

Рис. 45. Девушка из кантона Берна.

Все споры по государственным вопросам решает Союзный суд. Члены суда выбираются тоже Союзным собранием. Заседает Союзный суд в Лозанне. Он решает все споры кантонов между союзом и каждым отдельным кантоном и разные другие государственные дела.

Издавна швейцарцы привыкли вместе обсуждать свои дела и вместе работать. Потому ни в какой другой стране нет такого множества обществ, союзов и кружков, как в Швейцарии. Швейцарец никогда

Рис. 46. Женщина из бернского кантона.

не примется за дело один, а сейчас же соберет кругом себя товарищей, и дело у них легче спорится. Нам уже несколько раз приходилось встречаться с такими обществами, как общество трезвости, общество альпийского клуба и другими.

Нет почти ни одного местечка в Швейцарии, где бы не было своей общественной кассы. Каждая деревня, каждая община имеет свою кассу взаимопомощи. Каждый член кассы вносит ежемесячно туда понемножку, и, в случае нужды или какого несчастья, касса всегда поможет ему и выручит его из беды. Повсюду есть больничные кассы. Есть кассы, которые обеспечивают вдов и сирот, выдают на похороны, и так во всякую трудную минуту, во всякой нужде швейцарцы дружно помогают друг другу.

Так, больше ста лет тому назад в Базеле основалось общество с целью помогать всем нуждающимся. Общество это мало-по-малу широко разрослось и оказало уже много услуг своим согражданам. Оно существует и теперь и много работает. Подобное же общество тоже более ста лет существует и в Цюрихе. Оно устроило заведение для слепых и глухонемых; там учат слепых читать, а глухонемых выучивают даже говорить. Кроме того, это общество основало множество школ и яслей для маленьких детей, учредило несколько касс и продолжает широко действовать, помогая беднякам платить за квартиру и помещая способных детей в различные учебные заведения.

И нет почти ни одного города, где бы не существовало подобного благотворительного общества. На их средства в Швейцарии устроено несколько приютов для проституток и для покинутых детей. Каждый выпущенный из тюрьмы преступник может смело идти к ним, и ему всегда помогут устроиться и найти работу.

Во главе всех этих обществ стоит «швейцарское общество общей пользы».

Во второй половине восемнадцатого столетия шесть

люди соединились вместе, чтобы в те трудные времена советом и делом помогать всем попавшим в беду. Душой этого маленького кружка был городской врач Иоганн Каспар Гирцель. Он решил положить в задуманное им дело все свои силы и средства. Скоро, однако, они встретили несколько друзей, которые почувствовали их доброму делу и присоединились к ним. Благодаря этому, общество могло больше помогать везде, где только чувствовалась нужда. Деятельность его расширилась далеко за пределы их кантона и стала видна по всей Швейцарии. Тогда Каспар Гирцель предложил членам общества сделать его постоянным, тесным союзом. В это время в нем были уже семьдесят один член, но с тех пор оно стало расти еще быстрее и богатело, и много других людей последовало его примеру и заключили между собой такие же союзы.

Кроме обществ для помощи нуждающимся, в Швейцарии есть множество других. Так, есть союзы для распространения образования среди народа, для развития наук. Учителя различных школ тоже соединялись между собой для того, чтобы вместе обсуждать, как бы лучше устроить школы и успешнее обучать детей. Одно из таких обществ в память Шталлоцци называется его именем. Оно устроило в Цюрихе постоянную выставку учебных пособий. Каждый, кому интересно дело обучения и воспитания детей, может получить здесь самые обстоятельные сведения и разъяснения.

Так как в Швейцарии народ сам выбирает себе правительство, то в ней сложилось также множество и политических партий и союзов. Самый знаменитый и распространенный из них—это союз Грютли, названный так в память основания швейцарского государства. Больше всего внимания отдает он народному образованию. Чем будет образованнее народ,—говорит он,—тем лучше понимать будет он свои дела и тем правильнее он может их обсудить. В 68-ми городах и местечках Швейцарии находятся библиотеки

этого союза. Больше всего старается он, чтобы все швейцарцы хорошо знали историю своего народа, смысл государственного устройства Швейцарии, права и обязанности граждан. Союз издает для этого множество книг, имеет свою газету, где обсуждает все дела Швейцарского государства и трудящегося народа.

По берегу Женевского озера.

Путь наш лежит теперь на юг к знаменитому Женевскому озеру. Нам придется проехать два кантона, Фрибургский и Вадт. Край этот мало посещается иностранцами. Здесь нет ни огромных, снежных гор, ни ледников, ни диких глубоких ущелий. Горы здесь ниже, склоны мягче, а прекрасная почва и теплый, ровный климат дают возможность жителям заниматься землей. Роскошные фруктовые сады прерываются волнующимися хлебными полями, а все склоны гор покрыты виноградниками. Только на самом юге, точно пограничные сторожа, стоят каменные великаны и смотрят вниз на плодородный край. И нравы в этом мирном уголке Швейцарии гораздо мягче, чем в других местах, как и сама природа.

На западе, у самого подножья горного хребта Юры, раскинулись два большие озера—Бильское и Невшатальское (рис. 47).

Мрачно, невесело Бильское озеро и не похоже на другие ясные и голубые озера Швейцарии. На нем лежит маленький островок, где когда-то приютился знаменитый изгнанник-мудрец Жан-Жак Руссо. Там до сих пор показывают маленькую комнатку, где жил и работал этот великий человек.

Больше жизни и движения кругом соседнего Невшатальского озера. Берега его усыпаны деревнями и местечками, и каждый домик блестит чистотой и приветом. Все дома окружены хорошенькими садиками, полными прекрасных цветов, а по лугам насажены тенистые фруктовые деревья, гнущиеся под тяжестью

Рис. 47. Горное ущелье близ Бильского озера.

плодов. Повсюду чувствуется довольство, всюду встречается веселый, здоровый народ (рис. 48).

Рис. 48. Девушка с берегов Женевского озера.

Но поспешим же скорее к Женевскому озеру. Широко раскинулось оно, это, любимое всеми швейцарцами, огромное озеро. Вода в нем совершенно голубая и прозрачная, так что далеко под водой видны мелькающие взад и вперед рыбки. На юге его плотной стеной стоят невысокие савойские Альпы. Тем-

ные леса, покрывающие их пастбища, оживлены бесчисленными стадами, а долины усеяны домиками. Западает иногда яркий солнечный луч в далекую долинку, зальет ее потоком света, и, точно волшебный, встает из тумана дали маленький, светлый городок, невидный с другого берега при обыкновенном освещении.

Каждый кусочек земли по берегу Женевского озера прекрасно обработан. Везде довольство и счастье,

Рис. 49. Сбор винограда.

езде кипит оживленная работа. Надо заглянуть в этот край, когда здесь идет сбор винограда. Это — уже не работа, а общий веселый праздник. Отовсюду из городов собираются друзья и знакомые, чтобы принять участие в веселой работе. В каждой округе, незадолго до сбора, хозяева виноградников собираются вместе и назначают день сбора. С раннего утра уже по всем дорожкам и тропинкам мелькают взад и вперед крестьяне с корзинками за плечами. У всех ребятшек есть свои маленькие корзиночки, и какой-нибудь четырехлетний пузырь тоже принимает участие в общем деле. Вечером же моло-

дежь играет в разные игры, борется и танцует на лугу (рис. 49).

Виноградники устраиваются больше по склонам гор, обращенных на солнце. Швейцарцы располагают их уступами, чтобы выиграть побольше места. Там, где нет уступов, они строят их сами из камней, потом нанесут из долины земли в корзинках и разведут виноградник.

Поднимемся на вершину какой-нибудь горки, чтобы окинуть взглядом всю окрестность. Внизу раскинулась гладь озера, на востоке в тумане виднеются обнаженные вершины скал Ронской долины. На другом берегу озера блестит под яркими лучами солнца снежная, семиконечная корона Дан-дю-Миди. На запад от него теснятся лесистые Савойские горы; за ними выглядывает белая вершина Мон-Блана, а там еще вдали поднимаются уже знакомые нам снега Бернского Оберланда. Прямо, уже под нами, на самом берегу озера зеленеют богатые сады, где созревают самые южные плоды, цветут благородный лавр и магнолия. Бесперывно тянутся по всему берегу дома и селения, а по склонам бесчисленными квадратиками рассеялись виноградники.

В этой-то благодатной стране с роскошной растительностью и мягким климатом, под этим-то ясным голубым небом, у самых вод прозрачного озера, стоит мрачный замок Шильон (рис. 50). Глубоко вдаётся в озеро прибрежная скала, на которой построен знаменитый замок. В самой скале вырублено подземелье. Крошечные окошки его, в которые слабо пробиваются солнечные лучи, чуть-чуть поднимаются над уровнем озера, а устроены они так высоко, что, стоя просто на полу, нет возможности до них достать. В подземельи семь толстых каменных столбов, поддерживающих свод (рис. 51). К трем из них приделаны толстые железные кольца. Подземелье это было некогда государственной тюрьмой, и к этим-то кольцам приковывались преступники. Над подземельем была зала суда, где и до сих пор еще пока

зывают столб, у которого пытали преступников. Рядом с залой—маленькая комнатка, где на голой каменной постели проводили осужденные свою последнюю ночь перед казнью. Здесь же и стояла для них виселица, а в полу открывался люк, и трупы замученных людей спускали прямо в озеро. В озеро,

Рис. 50. Замок Шильон на берегу Женевского озера.

впрочем, спускали и не одни только трупы. В замке есть небольшая темная комната, куда впускали осужденных на смерть. Там бродили они несколько времени в темноте, ничего не подозревая. Вдруг нога несчастного попадает в какую-то яму, и, потеряв равновесие, он падает в глубокий колодец. Там его встречает множество ножей, и изрезанное ими в куски тело падает дальше в синие воды чудного озе-

ра. Тюрьма эта принадлежала герцогам Савойским и верхняя часть замка над мрачным подземельем где томилась и пропадали без вести замученные люди, была их дворцом. Там изо дня в день раздавался шум пиров и ликований и отдаленным гулом жизни доносился к заключенным. Из окон комнаты герцогини так чудно открывается все озеро, такой прелестью и тишиной дышит противоположный берег, что трудно даже представить себе, как могли люди создать из такого чудного уголка земли место пыток и казней. Герцоги не забывали и о молитве — в замке и до сих пор еще сохранилась их придворная капелла, но молитва, очевидно, не мешала их темным делам.

В этой-то мрачной тюрьме в шестнадцатом веке томился любимец народа, знаменитый Боннивар, с своими двумя братьями.

Герцоги Савойские хитростью овладели Женевой и стали страшно теснить привыкших к свободе жителей. Они обременяли их поборами и совершали над ними всевозможные насилия. Наконец, угнетенный народ вышел из терпения и возмутился против герцога. Одним из предводителей восстания был Боннивар. Но восстание было подавлено силой наемных войск, и народу пришлось дорого поплатиться за него. Лучшие граждане Женевы сложили свою голову под топором палача. Боннивар с братьями был заключен в мрачное подземелье, а гнет и насилие стали еще сильнее.

Семь томительных лет провел Боннивар в ужасной тюрьме, прикованный цепью к столбу. Цепь была короткая, и несчастный не мог свободно ни лечь, ни сесть. На глазах его медленной смертью умирали любимые им братья. Это была ни жизнь, ни смерть. И вдруг он видит, что широко растворяются двери его тюрьмы, потоки давно им невиданного света врываются в его подземелье, толпа народа наполняет его. «Это — грезы», — думает несчастный. Но нет, люди подходят к нему, разбивают его оковы. «Встань,

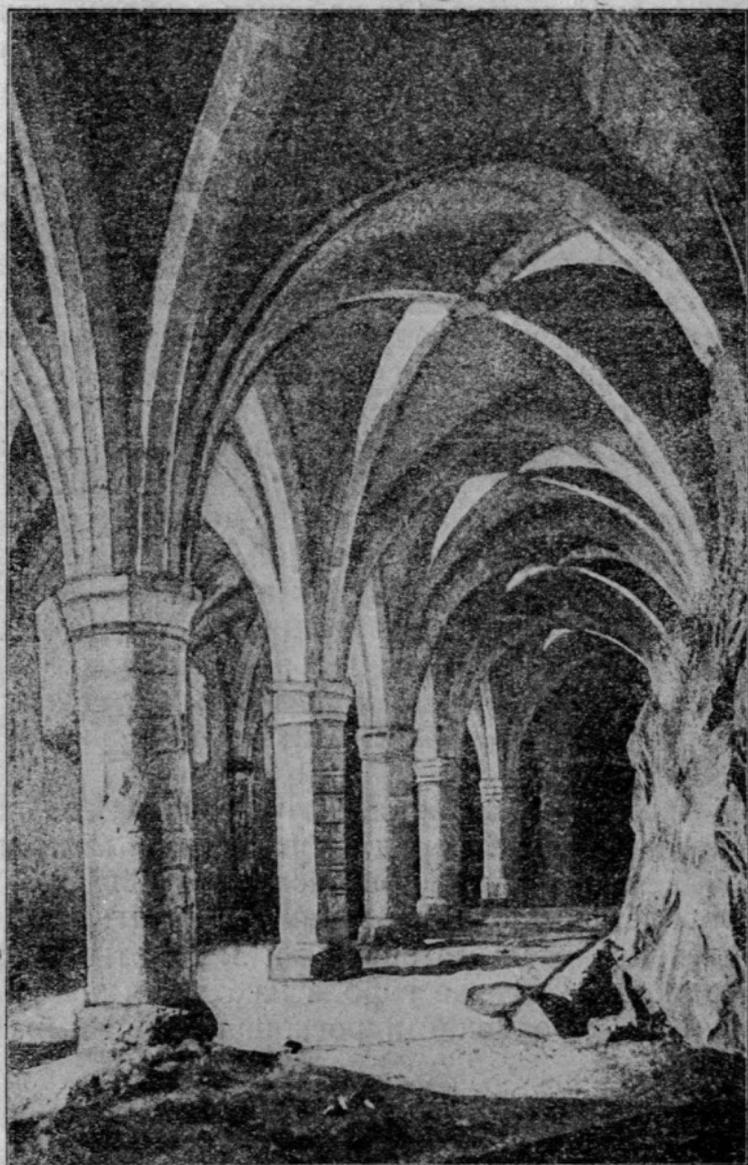

Рис. 51. Подземная тюрьма в Шильоне.

Боннивар!—раздаются голоса.—Ты свободен». Узник поднимается. Но в душе его проснулось прежнее чувство, ради которого он отдал свою жизнь,—любовь к родной стране. Он не хочет свободы, если по-прежнему страдают дорогие ему соотечественники

— Свободна ли Женева?—было его первым вопросом.

— Тоже, Женева тоже свободна!—звучит ответ.

И Боннивар не без грусти оставляет свою тюрьму, где он столько пережил и перестрадал, где умерли его любимые братья, где была знакома ему каждая паутинка, каждая трещинка в стене.

Впоследствии он не оправдал все-таки надежд своих сограждан и мало сделал для родного города. Разбитый тюрьмой, он не мог больше горячо работать на благо его и углубился в тихие, научные занятия.

Шильонский замок и до самого последнего времени служил государственной тюрьмой. Только теперь уже не в подземелье, а в верхних этажах замка устроены были камеры для преступников с железными решетками в окнах. А подземелье и герцогский дворец показываются иностранцам. Несколько лет тому назад тюрьму уничтожили и в замке устроили исторический музей.

Главный город кантона Вадт—Лозанна; это—очень красивый, гористый город с прекрасным мягким климатом. Теперь, через многочисленные овраги и ущелья города, повсюду перекинуты мосты; город строился прекрасными зданиями и богатыми дачами на окраинах. В центре города находится знаменитый собор, самый большой и роскошный во всей Швейцарии.

Ж е н е в а .

В Швейцарии ходит в народе сказка о корабле счастья. В ней говорится, что корабль этот, светлый как луна, является по временам на голубых волнах

Женевского озера. Везут его восемь лебедей. На корабле стоит женщина удивительной красоты, одетая в белое. Кругом нее—толпа веселых ребяташек. Где только корабль этот пристанет к берегу, там тотчас же пышно расцветают деревья и зеленеют поля, и все вокруг наполняется миром, счастьем и радостью.

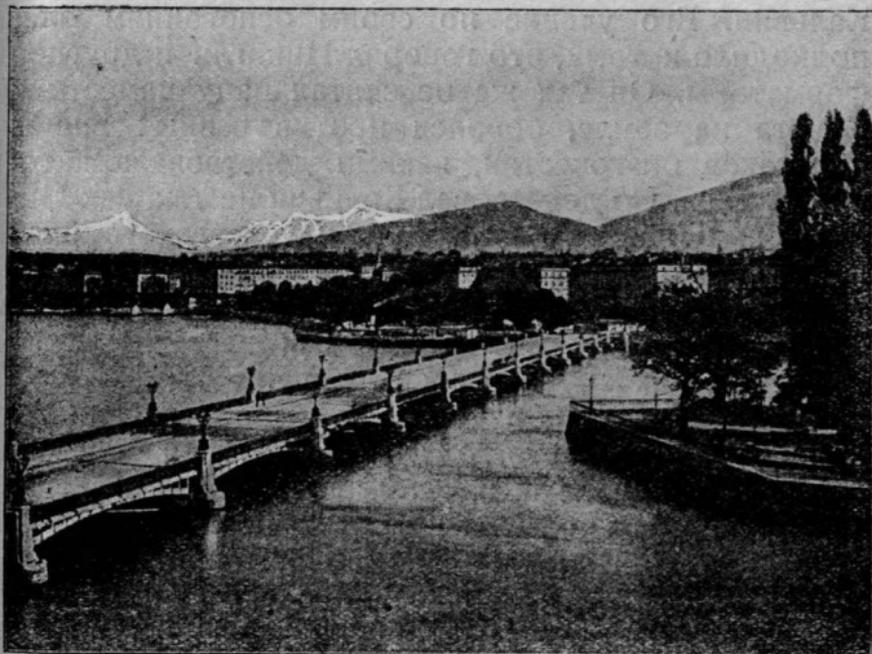

Рис. 52. Город Женева и островок Руссо в Женеве.

И действительно, проехав по Женевскому озеру, можно подумать, что берега его посетил какой-нибудь корабль счастья,—так дышат они изобилием и довольством. В конце озера, на южном берегу его, утопая в зелени, в виду снежных альпийских высот, раскинулся богатый, торговый город Женева (р. 52).

Женева издавна уже отличалась благосостоянием. Жители ее славятся неутомимую деятельностью и трудолюбием. Почти все они протестанты и последователи Кальвина. Характер женевского населения суровый, замкнутый, мало похожий на мягкую, ла-

сковую природу его родины. Он закалился под влиянием сурового учителя Женевы, Кальвина, превратившего евангельское учение любви в строгий свод обязанностей человека, которому он должен повиноваться из страха наказания.

Почти в то же самое время, когда в Цюрихе проповедывал мягкий, любящий Цвингли, в Женеве учил Кальвин. Его учение по своим основаниям близко подходило к тому, что говорил Цвингли и другие реформаторы. Он так же не считал папу наместником Христа на земле, боролся против разных внешних признаков благочестия, какими действовала католическая вера. Но действовал Кальвин не так, как Цвингли. Он не надеялся на силу человеческого разума и не старался примером жизни своей и своих сотрудников убедить народ в правоте своего учения. Он хотел насильями и угрозами заставить людей жить так, как ему казалось лучше.

В Женеве как раз в то время господствовали сильные беспорядки. Это-то и помогло Кальвину овладеть на некоторое время неограниченной властью в городе. Женевы и тогда уже была богатым, промышленным и торговым городом. Постоянно в нее наезжали иностранцы; привозили с собой новые обычаи из других стран и сообщали женевам, как живут и что думают люди в других местах. Книг тогда печаталось еще очень мало, газет тоже еще не было, и только таким путем можно было знать, что делается на свете. Благосостояния женеvцы достигли главным образом своим трудолюбием. Самые знатные и богатые граждане не стыдились заниматься каким-нибудь ремеслом. Во всем городе всегда кипела работа. Купцы женеvские отличались своей честностью, так что они вошли даже в пословицу. Но мало-помалу женеvцы перестали довольствоваться своим благосостоянием; в них проснуvлась уже любовь к роскоши и избытку. И всеми способами они старались достать на это средства. В городе развивалась картежная игра, страсть к деньгам, и целые семей-

ства разорялись иногда из-за этой несчастной страсти. Голодных бедняков, впрочем, в Женеве тогда не было, потому что богатая община устраивала множество приютов, больниц и богаделен для слабых и больных. Здоровый же работник всегда мог найти себе работу в промышленном городе.

Благодаря сношениям с другими странами, в Женеве уже проникло новое учение протестантизма. В ней было немало проповедников его, но многие из них поняли только букву учения. Самый же смысл Евангелия, как учения любви, был им так же темен, как и католическому духовенству. Как и католические священники, они подавали мирянам дурные примеры и предавались развратной жизни.

Рис. 53. Кальвин.

Среди такой неурядицы в Женеве случайно приезжает Кальвин (рис. 53).

До того времени Кальвин был просто молодой ученый, уже обративший на себя внимание своими сочинениями. В одном из них, самом знаменитом, Кальвин говорит о вере. Сам он до конца своей жизни верил так, как написал в этой книге. Он говорил, что Бог раз навсегда высказал Свою волю в св. Писании. Вся жизнь человеческая должна быть устроена именно так, как там написано. Отцов Церкви и св. предание он отрицает, как все другие реформаторы, но отвергает он также и помощь человеческого разума. Кроме того, в этой книге Кальвин говорит, что если человек не может спастись без божественной помощи, то спасение и спасение его зависит исключительно

только от воли Бога. Бог, будто бы, заранее, еще до рождения людей, одних из них предопределил к спасению, а других—к проклятию. И те, кто осуждены к проклятию, ничего не могут сделать, чтобы спастись. Бог, будто бы, ожесточает их сердца, толкает их на разные злые дела. Избранный же человек будет непременно спасен, и даже дьявол не может погубить его; он его может только мучить, но в конце концов избранный все-таки спасется. Церковь же должна заботиться о спасении своих членов и о чистоте их жизни. Ради этого она имеет право, по мнению Кальвина, следить за всей жизнью своих духовных детей и наказывать их за всякое отступление от закона. Занятия науками, философией было тоже преступлением в глазах Кальвина. Кальвин считал, что человек не должен стараться проникнуть в мировые тайны. Вот, что писал и думал Кальвин перед своим приездом в Женеву. С детства болезненный и замкнутый по характеру, он думал провести всю свою жизнь за пером, работая над вопросами веры и христианского учения.

Но вышло иначе. Один из женевских проповедников стал горячо уговаривать его остаться в Женеве и устроить церковь. После долгих увещаний Кальвин, наконец, согласился и принялся за дело.

Но женевцы скоро возмутились против слишком строгих порядков, которые ввел Кальвин, и изгнали его из города. Кальвин поселился в Страсбурге и занимался там проповедью протестантизма. Множество народу стекалось его слушать, но Кальвина мало это радовало. Мысль о родной Женеве не покидала его. Он зорко следил за всем, что там происходило. А там скоро опять возникли неурядицы, и женевцы стали все чаще и чаще вспоминать об изгнанном ими учителе. Наконец, они послали к нему депутатов уговорить его вернуться. Кальвин долго не давал своего согласия. Наконец, к радости женевцев, Кальвин согласился возвратиться. Народ торжественными криками встретил изгнанника.

Вернувшись в Женеву, Кальвин, по просьбе народа, принялся вновь за устройство церкви. Он составил катехизис нового учения и начал выработать церковный устав. Скоро под управлением сурового Кальвина Женева превратилась в мрачный город с суровыми, почти монастырскими нравами. Главная власть в городе принадлежала духовенству. Духовенство обязано было руководить всей жизнью граждан. За малейший проступок следовало суровое наказание. Кальвин совершенно не понимал духа евангельского учения и считал грехом всякую снисходительность к ближнему. Так, если женщина явится в церковь в модной прическе, то ее заключали в тюрьму. За игру в карты виновного ставили к позорному столбу с картами на шее. За всякое украшение, за веселую песенку, за смех следовало наказание.

Для того, чтобы следить за жизнью граждан, Кальвин учредил коллегия старшин или консисторию. Члены ее должны были наблюдать, посещает ли гражданин церковь, является ли он аккуратно к причастию, хорошо ли воспитывает детей, ведет ли нравственную жизнь и так далее. Даже самые помыслы граждан должны были быть открыты членам этой консистории. Для такого надзора они обязаны были посещать дома их и, заметив какое-нибудь упущение, стараться подействовать сначала увещанием, а если увещание не подействует или проступок слишком велик, то виновный привлекался к суду. Кальвин считал, что наказание невинного—гораздо меньшее зло, чем безнаказанность виновного.

Порядок в городе, действительно, водворился, но никто бы не узнал в нем прежней веселой и трудолюбивой Женевы. Глубокое уныние царило в городе. Чуть не ежедневно совершались смертные казни, беспрерывно работали палачи, пытая обвиняемых, и нередко несчастные под пыткой признавались в преступлениях, которых они никогда не совершали. Детей заставляли свидетельствовать против родителей; множество обвинялось и обсуждалось на страшные истязания по одному только подозрению.

В это время в Европе свирепствовала чума. Невежественные, темные люди приписывали заразу колдовству и отравлению. И тюрьмы Женевы переполнялись людьми, обвиняемыми в небывалом колдовстве. Много их погибло в ужасных мучениях, нередко несчастные в отчаянии сами лишали себя жизни.

Католическая вера теперь преследовалась в Женеве так же, как некогда католики преследовали протестантов. Если у кого при обыске находился крестик, образок или что-нибудь подобное, того заключали в тюрьму, выставляли к позорному столбу, отлучали от Церкви.

Веселые женеvцы сделались мрачными и серьезными, об увеселениях и танцах не было больше и речи, преследовались даже занятия науками. Граждане должны были знать только один катехизис, и для этого Кальвин сделал обязательным обучение детей в школе.

Строгий к другим, Кальвин сам вел очень строгий образ жизни. Но другие проповедники не были похожи на него. Преследуя граждан за всякий мелкий проступок, сами они предавались порокам и уклонялись от своих обязанностей. Так, когда в городе появилась чума, никто из них не решался идти в чумной госпиталь, и больные умирали там совершенно одни и без всякого духовного утешения. Мало-помалу в народе стал раздаваться ропот на духовенство. Всех недовольных Кальвин окрестил именем Либертинов. Против них он написал целую книгу. По его словам, люди, принадлежащие к этой секте, верят, что все, что существует, происходит от божества и есть само божество, что божество проявляется во всем мире, во всех творениях, что Бог есть все—и материя и дух. Поэтому в мире нет ни ангелов, ни дьявола, и Евангелие божественно только потому, что оно истинно. Все земные блага должны быть общей собственностью, потому что во всех людях есть часть божества и потому они все братья. Между ними не должно быть ни богатых, ни

бедных. Это учение было стройно представлено в книге одного ученого Михаила Серветта.

Но совсем не все недовольные принадлежали к таким свободомыслящим. Множество молодежи просто не хотело больше подчиняться монастырским правилам жизни, несмотря на все суровые наказания. Кальвин так был раздражен против них, что один раз потребовал казни семисот юношей. Понятно, что они все больше и больше ненавидели своего сурового проповедника, осыпали его всевозможными насмешками, давали его имя собакам и тому подобное. На улицах стали собираться толпы народа, громко осуждавшие Кальвина. Раздались крики: долой Кальвина! А раздраженный Кальвин принимал все более и более крутые меры.

Наконец, недовольные решились, во что бы то ни стало, собрать общее городское собрание, чтобы как-нибудь освободиться от этого ужасного гнета. Но Кальвина во время предупредили. За несколько дней до собрания на улице произошла стычка между приверженцами Кальвина и недовольными. Недовольные были смяты, их обвинили в мятеже, некоторые из них сложили голову на плахе, большинство же было изгнано из родного города, а имущества их конфисковано. С тех пор все стихло в Женеве.

Одним из самых позорных и жестоких поступков Кальвина была казнь ученого Михаила Серветта. Михаил Серветт жил в Лионе, во Франции, в качестве врача. Все его любили за его благородный, великодушный характер и за участие к бедным. Когда Михаил Серветт написал свою книгу, католическое духовенство сочло ее, разумеется, еретической и приговорило его к сожжению живым на костре. Скоро Серветта арестовали, но ему удалось бежать в Женеву. Здесь он был тоже арестован Кальвином, которого самого когда-то гнало католическое духовенство за веру. В Женеве Серветта держали в очень суровом заключении. Его подвергли ужасным пыт-

кам и, наконец, приговорили к сожжению, как и в толики приговаривали протестантов. До последней минуты Серветт не знал, что его ждет костер, и когда, приведенный на место казни, несчастный увидел ужасные приготовления, он просто обезумел от ужаса. И в эту-то тяжелую минуту помощники Кальвина продолжали настаивать, чтобы он отказался от того, во что он верил, обещая смягчить его участь. Но Серветт не изменил своим убеждениям и поглотил мучеником на костре, обложенный со всех сторон дровами, с соломенным венком на голове. Эта смерть благородного ученого и лучшего человека своего времени легла особенно темным пятном на память Кальвина.

Спустя десять лет после казни Серветта умер сам Кальвин, рано состарившийся среди упорной и тяжелой работы. Умер он таким же бедным, как и жил, так что его даже не на что было похоронить.

Серветту в настоящее время в Женеве поставлен памятник на том самом месте, где когда-то был сожжен этот непреклонный и благородный ученый человек.

Женевцы и до сих пор остались последователями Кальвина. Богослужение их попрежнему до крайности просто, и ни одна женевка не позволит себе идти в церковь иначе, как в черном платье. Но прежняя нетерпимости в вере теперь, разумеется, нет и следа. Город ожил, как в прежние времена.

В Женеве кипят промышленность и торговля.

По всему миру известны женевские часы. Чуть ли в каждом домике здесь выделяется хоть какая-нибудь часть часового механизма. Рассказывают, что часовой промысел развился совершенно случайно в этом краю. В половине XVII столетия проезжал через Женеву один английский путешественник. В дороге у него испортились часы. Он дал их поправить одному молодому швейцарцу, который раньше никогда и не видал часов. Молодой человек разобрал их, подробно изучил их внутреннее строение и потом

ачно исполнив работу, попробовал сам сделать та-
е же часы. Дело пошло. Мало-по-малу научил он
ому ремеслу своих земляков, и с тех пор в Же-
ве и ее окрестностях стали заниматься часовым
производством.

Фабрик часовых там немного; большая часть всех
сов приготавлиются дома кустарями. Только неко-
рые, более грубые части работают на фабриках.
Даже самые крупные фабриканты не изготовляют
его механизма целиком, а скупают отдельные ча-
сти у кустарей и потом только собирают их. Но чаще
фабрикант сам дает материал кустарям и заказывает,
что ему нужно.

Одни мастера приготавливают разные винтики и ко-
сики, другие—ящички, внутреннюю крышечку, тре-
тии работают только циферблаты. Те, которые ра-
ботают циферблаты,—самые дорогие работники.

Когда, наконец, механизм весь собран и пущен в
ход, отдельные мастера проверяют их, отполировы-
вают и золотят. Потом граверы делают снаружи раз-
ные украшения и надписи, и, наконец, часы готовы
для продажи.

В Женеве есть бесплатная часовая школа, чтобы
те желающие могли хорошо обучиться этому реме-
слу. Сюда же всякий мастер может обратиться за
советом к сведущим людям.

Окрестности Женевы, где по деревням живет мно-
жество этих мелких мастеров, очень красивы. Город
окружен весь садами, рощами и целыми лесами фрук-
товых деревьев. По городу протекает река Рона, вы-
текающая здесь из Женевского озера. Ее прозрачные,
голубые волны омывают здесь два маленьких остров-
ка, на одном из которых стоит памятник Жан-Жаку
Руссо.

Поднимемся на ближайшую горку Салев, чтобы
просить последний взгляд на город со всеми его
окрестностями, и поспешим в долину Шамуни: там
мы посмотрим Ледяное море. Эта дикая, горная до-
лина, одна из самых красивых долин Швейцарии, по

которой проложено хорошее шоссе. Но если чуть отойти в сторону, то повсюду путешественник встречает в ней обвалившиеся камни, обрушившиеся скалы и груды песку. Путешествие по окрестностям долины очень затруднительно. На дне ее пробегает шумная Арва, и каждый поворот дороги открывает все новые и новые картины; отовсюду в мутную, быструю Арву бегут горные потоки и маленькие речки.

Вот, наконец, перед нами целое ледяное море! Третье ледника сливаются в один огромный, широкий ледяной поток, в целое море льда. На нем точно застыли и остановились в своем беге могучие волны — целый дом высоты. Среди этих великанов человек кажется маленьким насекомым, а его огромный шаг — детской игрушкой. Из-под этой ледяной громады выбивается бурный поток и мчится с высоты в глубокую долину через темные, хвойные леса (рис. 54).

Внизу, в долине, течение потока становится спокойнее, а на берегу его усталого путника ждут просторный кров и сытный ужин.

Долина Валлис.

Долина Валлис — самая большая во всей Швейцарии. Она проходит между самыми высокими, самыми дикими горными цепями. С них в долину спускаются величайшие в Швейцарии ледники. Целые области льда царят наверху, а внизу, в долине, мягкий, теплый воздух, роскошная южная растительность.

Рядом с прекрасными, широкими дорогами и удивительно устроенными горными проходами, здесь встречаются огромные, пустынные пространства, куда почти еще не ступала нога человека. Большая часть Валлисской области — это утесы да скалы, большие снега да ледники. Десятая часть земли, может быть, осталась только людям для поселения и обработки. Во всей стране чувствуется какое-то безлюдие и уныние.

И действительно, долина Валлиса очень мало заселена. Само собой разумеется, что все селения теснятся около большой реки Роны, протекающей по долине. Но эта же река прежде нередко была плодом другим человеку. Когда весной на горах таял снег и потоки воды отовсюду стекали в реку, она наступала из берегов, набегала на поля и деревни, затопляла тысячи человеческих жилищ и уносила бесчисленное множество человеческих жизней. Теперь река усмирена, повсюду прорыты прекрасные

Рис. 54. Ледяные пустыни Валлиских гор.

каналы, отводящие воды, везде построены плотины. Но такая трудная борьба с природой не прошла даром человеку,—он сделался медленным, неповоротливым, и вся его маленькая, изможденная фигурка не похожа на крепких, коренастых швейцарцев.

По правому берегу реки крутою стеной поднимаются Бернские Альпы; по левому же,—далеко отстояя от нее,—отлогие Пеннинские Альпы с множеством маленьких, боковых долинок (рис. 55). К месту впадения реки Роны в Женевское озеро горы сдвигаются с обеих сторон, и река протекает сквозь остав-

шиеся ей узкие ворота. Эти ворота—единственные, сквозь которые можно войти в долину Валлиса.

В Рону со всех сторон течет бесчисленное множество горных ручьев и речек. В сильные грозы, которые здесь часто бывают, речки эти вдруг надуваются, потоки воды срываются с крутых скал и заливают окрестность. У входа в долину местность очень низменная, и потому вода здесь подолгу застаивается. Летом наводненная местность немного высыхает и делается болотом до осенних дождей и осеннего наводнения. Здесь царствуют болотные лихорадки.

Но не везде так мертво и уныло в долине Валлиса. Природа наградила ее мягким климатом. От холодных, северных ветров ее загородила высокая стена гор, для теплых же южных она открыта. Солнце греет долину с утра до самого заката, и везде, где только есть немножко земли, разрослась богатая, пышная зелень. По горам сверху донизу цветут цветы всех стран Европы, как самых северных, так и самых южных. Вместе с прекрасными яблоками, грушами, сливами и орехами растут миндаль, гранаты, фиги и благородный каштан. Нередко, на удивление путешественника, встречаются кактусы и агавы, которые растут только в жарких странах; над ними вьются крупные, яркие бабочки.

Виноград в долине Валлиса лучший во всей Швейцарии. Разводят его там очень много. Виноградники устроены иногда на таких крутых скалах и обрывах, что работать в них положительно опасно.

При впадении Роны в Женевское озеро, в болотистой местности стоит маленький, старый городок, Виль-Нёв. Он у самого входа в долину Валлиса. Окрестности его невеселые: кустарник да болотная трава, и жители здешней местности не мало страдают от лихорадок.

Первый значительный город дальше по Роне, это—Сен-Морис. Через Рону здесь перекинут прекрасный мост. А самый городок весь окружен высокими, серы-

Рис. 55. Гора Маттергорн в Пеннинских Альпах.

ми, отвесными скалами. Точно в глубокой яме столпились его старые, мрачные дома, над которыми висит темный, высокий замок; а на горе блестит маленькая, белая церковь. Этот угрюмый, неприветливый город—совершенно недоступная крепость.

Недалеко от города, по гладкой, отвесной скале среди пустой, каменистой местности срывается вниз знаменитый водопад Писсваш.

Еще неприветнее, но еще величественнее ущелье Триан между цепью Мон-Блана и Дан-дю-Миди. На дне его бушует горный поток, а с обеих сторон поднимаются огромные, отвесные стены. Кое-где только, в глубине ущелья, из самых скал растут и тянутся к свету маленькие деревца, и небольшие кустики своей бледною зеленью оживляют серые скалы (рис. 56).

Наконец, выбравшись из этих мрачных мест, мы попадаем в город Мартиньи. Перед нами поднимается к облакам своею снежною, белою вершиной огромный Сен-Бернард. Вдоль него, на значительную высоту, меж ледяных ущелий и пропастей вьется широкий горный проход *): «Проход этот безопасен только летом в ясную погоду. В бурную же погоду или зимой, когда многочисленные трещины горы прикрыты снегом, путешествие это трудно и опасно.

В то время как в долине, у подножия горы, все жалуется на жару и стараются укрыться от нее в тени, трудно даже представить себе, что наверху, на горе, в то же самое время бушуют зимние вихри, густые, белые туманы висят на гребнях скал и сбивают с пути полузамерзшего путника. На каждом шагу грозят ему смертельные опасности, и если не засыплет его где-нибудь снежный обвал, то он всегда легко может провалиться в трещину горы, чуть-чуть прикрытую снегом, или погибнуть от холода и истощения.

И много погибло так народу в этих суровых краях,

1) Все дальнейшее о монастыре Сен-Бернарда и о сен-бернардских собаках взято из книжки „Милосердные звери“, И. Горбунова-Посадова.

пока, наконец, один монах Бернард-де-Монтоп не построил на вершине горы странноприимный мона-

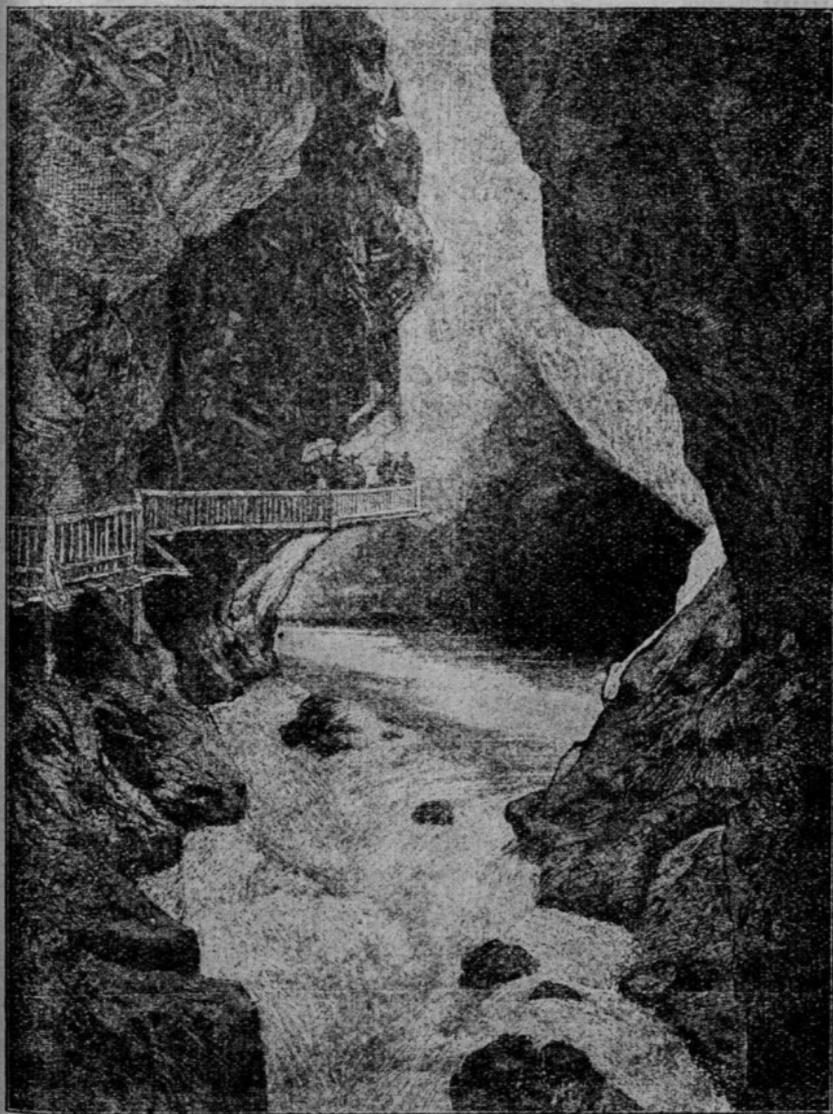

Рис. 56. Ущелье Триан.

стырь, где бы путники могли найти себе приют, пищу и всякую помощь. Монастырь этот существует и до сих пор.

Главная забота монахов этого монастыря состоит в постоянном разыскивании заблудившихся и погибающих путников. В этом хорошем деле у них есть верные помощники,—монастырские собаки. Они не знают покоя ни днем, ни ночью. Даже в светлые дни два монаха обходят и осматривают все опасные места прохода. В бурю же и непогоду весь монастырь на ногах. Монахи с лопатами, носилками, теплою одеждой обходят всю окрестность и разыскивают заблудившихся. Но без собак не всегда бы удалось людям разыскать несчастных под глубокими снегами прохода. Наткнувшись на снеговой обвал, умные собаки чутьем выслеживают следы человека и принимаются своими крепкими когтями откапывать засыпанного пешехода. На спине таких собак широким кожаным поясом прикрепляют кусок сукна, а к шее привязывают боченок с лекарственным напитком для того, чтобы окоченевший, обессиленный путник мог прикрыться и подкрепить себя.

Если собаке не удастся освободить человека из-под снежного обвала, если найденный ею на дороге путник не шевелится от собачьих толчков,—собака стрелой мчится ближайшей дорогой к монастырю, вызывает сильным лаем монахов и ведет их к несчастному. Много сотен людей спасено уже в горах от неминуемой гибели благодаря смысленности и сострадательности сен-бернарских собак и их удивительно тонкому чутью. Много песен и рассказов об этих знаменитых собаках ходит в Швейцарии.

В 1824 году из сен-бернардских собак наиболее отличался Диамант: он был храбрее и понятливее всех остальных монастырских собак. Однажды разыгралась сильнейшая метель; далеко раздавался гул катившихся снеговых обвалов. Диамант отправился на поиски. На одной горной тропинке он почуял близость человека и сильно залаял. На его лай откликнулись другие монастырские псы, и монахи с фонарями и длинными посохами с железными наконечниками поспешили на призыв Диаманта. Диамант

привел их к тропинке, где монахи нашли под снеговым обвалом мужчину и женщину, потерявших память. Они закутали бедняг, положили их на носилки и приготовились нести их в монастырь. Но Диамант не трогался с места; он продолжал лаять и, как мог, удерживал монахов. Но ничего не было видно. Монахи не понимали, отчего так пристает к ним Диамант. Они поискали кругом, ничего не нашли и понесли мужчину и женщину в монастырь.

Диамант остался один и продолжал упорно искать чего-то. Больше часа раскапывал он снег своими крепкими когтями, уставал, отдыхал и снова принимался рыть и отрыл-таки, наконец, в снегу почти совсем замерзшего маленького мальчика. Диамант принялся лизать личико и ручки мальчика своим горячим, жестким языком, пока к нему, наконец, не вернулась память. Потом Диамант прилег к ребенку, стараясь отогреть его своим телом, прилег так, чтобы мальчик легко мог взобраться на него, и своими ласками достиг того, что он сел, наконец, на спину доброго пса и обхватил его мохнатую шею своими дрожащими ручонками. Тогда Диамант радостно понес мальчика в монастырь (рис. 57).

А в монастыре тем временем было великое смущение. Женщина, которую спасли монахи, была матерью мальчика и, когда она опаматовалась, пришла в ужас, узнав, что монахи не нашли ее сына. Она хотела бежать из монастыря, чтобы искать среди бурана, среди сыпучих льдов и снегов своего ребенка, как вдруг появился ослабевший, задыхающийся, дрожащий от усталости Диамант, и мать, плача от радости, сняла со спины собаки мальчика, робко уцепившегося за густую шерсть Диаманта.

Знаменитейшей из сен-бернардских собак был Барри, славившийся своим необыкновенным умом и самоотвержением. В Швейцарии теперь очень часто называют этим именем собак в память ее. Как только чувствовалось приближение метели или тумана, ничто не могло удержать красавца Барри в мона-

стыре. Он с громким лаем бросался на самые опасные пути, в самые глубокие лощины, отыскивая странников, застигнутых непогодой. Чуткий нос Барри открывал их под снежными обвалами на глубине нескольких сажен. Двенадцать лет служил Барри при монастыре и спас один в снегах и льдах Швейцарии, по крайней мере, полсотни людей. Монастырь увешан картинами, изображающими некоторые из подвигов Барри.

На своем посту и окончила жизнь эта знаменитая собака. Однажды Барри побежал в горы во время густого тумана и снега, чтобы, по своему обыкновению, поискать заблудившихся и изнемогших путников. Барри устремился к путешественнику-итальянцу, падавшему от изнеможения. Итальянцу помешалось, что на него несется какой-то громадный, дикий зверь, и он ударил Барри полкой по голове и нанес ему смертельную рану железным наконечником. Узнав от подоспевших монахов, что убитая им собака—знаменитый Барри, итальянец был в отчаянии, но помочь было уже нельзя, и Барри умер в монастырской больнице.»

Другой знаменитый проход из Швейцарии в Италию, это—Симплон. Он гораздо ниже Сен-Бернарда и устроен удобнее и безопаснее. Через дикие ущелья и бурные водопады переброшено множество мостов, и больших и маленьких. В тех местах, где нависли и грозят падением скалы, дорога делает обход и ползет по длинной, пробитой в горе галлерее, над которой нередко слышен шум падающего потока. По всему пути разбросано множество домиков, чтобы укрыться в случае непогоды. На вершине же тоже построен странноприимный монастырь. Теперь через гору Симплон прорыт туннель, сквозь который по железной дороге проезжают на другую сторону гор.

Но при всей своей суровости чудно хороши эти края! Со всех сторон путника окружают вершины снежных гор, впереди него — вечные льды; вся окрестность представляет одну величественную ле-

Рис. 57. Сен-бернардская собака.

дланую пустыню, где невольно становится жутко всякому живому существу. Но через эти снега и льды мы спускаемся на другую сторону, где нас приветствует мягкий, теплый воздух, яркое солнце и роскошная растительность. Главный город долины Валлиса—Сион. Это светлый город, весь в зелени, окруженный фруктовыми садами и виноградниками.

Обходя долину Валлиса, мы ни разу еще не заглянули в крестьянские домики. Деревни сразу поражают своим неприветливым видом. Это—просто кучки серых, покривившихся домов и сараев, и ветер, пробиваясь сквозь их щели и дыры, точно поет свою печальную песенку о бедности и темноте их обитателей. Ничто здесь не напоминает Швейцарии, как мы привыкли видеть ее до сих пор. Здесь нет и следа тех веселых, чистеньких домиков с светлыми окнами, кисейными занавесками и цветами в окнах. Сложены все они из серого камня и законопачены нередко мохом. И внутри их также грязно и неуютно, потому что темные, невежественные валлийцы, утомленные борьбой с здешней неблагоприятной природой, не имеют ни времени, ни охоты, да и не знают даже, как устроить попривлекательнее свое жилище (рис. 58).

Крестьяне в долине Валлиса почти все пастухи; кроме того, они занимаются здесь охотой. Валлиец очень невзрачен на вид. Одет он бедно; маленький ростом, сгорбленный, с ушедшею в плечи головой, бродит он по долине своей неверною походкой. Но нужно посмотреть его в горах, среди ледников и вечных снегов. Там выпрямляется сгорбленный валлиец, вся фигура его дышит смелостью и спокойствием. Весь он полон страсти и любви к своим родным горам. Но волноваться там нельзя,—один неверный шаг, и он полетит в бездну. И валлиец умеет быть сдержанным и неторопливым, и только одни глаза его блестят огнем (рис. 59).

Этот же маленький, сгорбленный валлиец справляется понемножку с бурными реками и потоками своего угрюмого края. Во многих местах проложил

Рис. 58. В долине Валлиса.

он в горах искусные водопроводы. По крутым, обрывистым скалам, на большие расстояния тянутся их длинные трубы. В совершенно недоступных горах прорублены проходы и проложены каналы. Люди на канатах спускались с вершины горы и работали, висая над ужасными пропастями. Зимой эти сооружения всегда портятся, и всякую весну приходится вновь приниматься за эту опасную работу.

Но не для одних таких полезных работ валлиец подвергает опасности свою жизнь. Он не может победить своей страсти к охоте. Ради того, чтобы убить какого-нибудь каменного козла или серну, несчастный охотник бросает всю свою домашнюю работу и целыми днями, а иногда и неделями, бродит в скалистых пустынях своих гор. Ради этой страсти переносит он голод и холод, ночуя вблизи ледников, и нередко такой страстный охотник падал в пропасть и оставлял сиротами свою несчастную семью.

На Готтардской дороге.

Одно из самых замечательных сооружений Швейцарии, это—Готтардская железная дорога; она перерезывает Альпы поперек и таким путем соединяет северную Швейцарию с южной, итальянской. Но для того, чтобы перерезать Альпы, нужно проехать сквозь самые горы, потому что взобраться паровозу на вершины их, разумеется, невозможно. И действительно, почти четверть всего пути дорога пробегает под землей, по прорубленным в горах проходам, называемым тоннелями. Особенно знамениты спиральные тоннели. Если поезду приходится подниматься на очень крутую гору, то внутри горы прорубают проход в виде цифры 8. По этому проходу поезд едет минут пять или десять и появляется из горы, с той же самой стороны ее, откуда вошел в тоннель, только сажен на 20—25 выше. Таких тоннелей по Готтардской дороге восемь (рис. 60).

Но особенно славится Сен-Готтардский тоннель.

Рис. 59. Восхождение на горную вершину.

Он совершенно прямой, но очень длинный, около четырнадцати верст длиной. Пробуравлен этот тоннель в огромной горе Сен-Готтард. По ней так же проложен горный проход, как и по Сен-Бернарду, но проход этот всегда был важнее Сен-Бернардского. На горе так же, как и там, построен странноприимный монастырь для приюта бедных странников.

Об основании монастыря рассказывают так: один старик, по имени Гейнц, из кантона Ури, очень праведный и благочестивый человек, сильно заболел. Когда же он выздоровел, то роздал все свое имение, оставил все свои мирские дела и построил на верху Сен-Готтарда маленькую часовню и братский дом. Здесь он давал бедным путникам приют и пищу, чтобы спасти их от голода и холода, потому что переходить зимой Сен-Готтард было очень опасно, и нередко люди погибали в пути.

Кто видел Сен-Готтард летом, в светлую ясную погоду, тот не может себе просто вообразить, что делается здесь зимой, среди этих высот. Трудно наступающей весне одолеть мертвый сон, которым объята вся окрестность. Зиму в долине нельзя и сравнить с горною зимой. Месяцев восемь здесь не тает снег. Белые, пушистые слои его накладываются один на другой, и самые острые утесы совершенно незаметны под его толстою пеленой. Все ущелья и трещины гор и ледников наполнены мягким снегом. Немного ниже также густо засыпаны снегом альпийские луга, а могучие леса так и гнутся под его тяжестью. Нередко даже толстые сучья не выдерживают и со стоном обламываются. Нигде ни признака жизни, вся природа спит глубоким, мертвым сном, и только голодные вороны с жалобными криками вьются над мертвыми, пустынными вершинами, да уныло парит в облаках альпийский хищник—орел.

Серны и козы ютятся в засыпанных густым снегом хвойных лесах, где время от времени раздаются тихое посвистывание оставшейся зимовать птички. Горные потоки и водопады, которые летом с гро-

мом и шумом падали в долины, висят теперь со скал мертвыми, застывшими сосульками. Повсюду глубокое молчание, и только по временам слышится глухой шум снегового обвала или грохот несущейся лавины.

Когда очень много снега скопится на вершинах, нередко целыми глыбами висит он над каким-нибудь утесом; наконец, нижние слои его не выдерживают

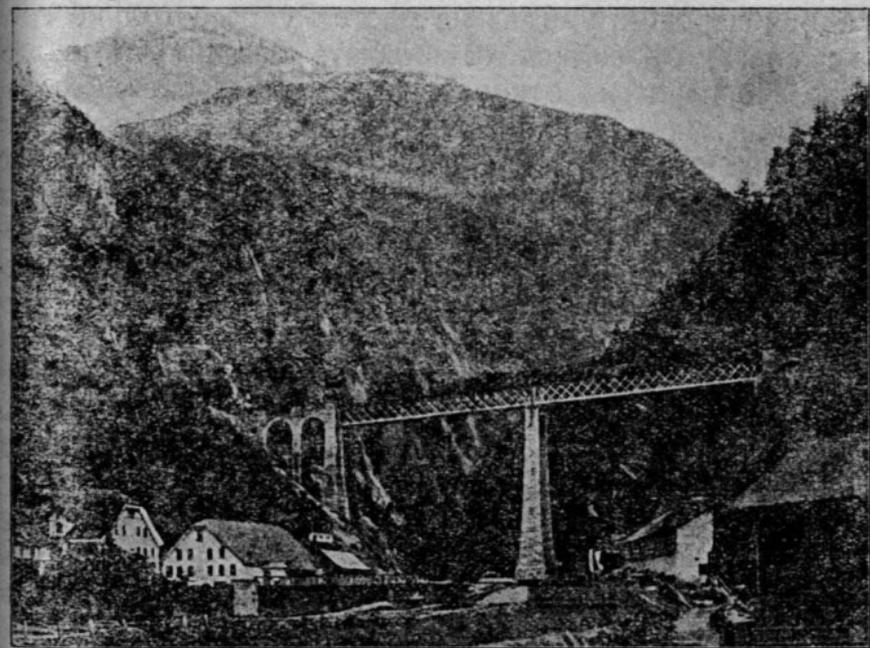

Рис. 60. Готтардская железная дорога.

тяжести, и вся снежная громада начинает медленно сползать вниз. На пути эта масса увеличивается от пристающих к ней новых глыб и камней и все быстрее и быстрее летит вниз. Такие-то массы снега и называются лавинами. С страшною силой мчится лавина дальше, подхватывает и сносит все, что встретится ей на пути: люди, дома, даже целые леса—все исчезает, когда налетит эта снежная громада (рис. 61).

Лавины причиняют громадные несчастья в горах.

Если жители услышат ее грохот, они бросают все и стремятся только сами спастись от гибели. Но случается, особенно если лавина налетит ночью, она застает жителей врасплох. Бывает, что засыпает целые деревни. Так, в половине прошлого столетия была засыпана деревня Руарес. Проснувшись утром, жители деревни только удивлялись, как долго тянется ночь. Но скоро они поняли, в чем дело. Жители соседней деревни, увидав на месте Руареса только груды снега, бросились откапывать заживо погребенных. Но не легко откопать засыпанных снежною лавиною и много нужно на это времени. Несчастные поселяне слышали, как к ним то приближается, то удаляется стук лопат и говор людей, до которых не доходили их стоны и крики. До ста человек погибло во время этого ужасного несчастья, шестьдесят удалось спасти. В Швейцарии много ходит рассказов о подобных происшествиях.

Приведем здесь рассказ о счастливом спасении одной женщины, Марианны, которая жила с маленьким ребенком и мужем, Гансом, у подошвы горы, в небольшой хижине.

— Однажды вечером,—рассказывала после Марианна,—муж мой отправился на охоту; сын спокойно спал в колыбельке и я, поужинавши, собралась тоже ложиться, как вдруг услышала страшный гул. Я бросилась к двери, чтобы посмотреть, что случилось, но дверь не отворялась. Тогда я поняла, что нас с малюткой засыпало снегом. Ужас охватил меня. Я понимала, что сама сделать ничего не могу и должна ждать, пока меня отроют.

Но проходили часы, дни, ночи, а мы все оставались в этой снежной могиле заживо погребенными. Только плач ребенка приводил меня в себя, заставляя забиться об его пищу. К счастью, в сарае, где лежало сено, была заперта на ночь коза. Я доила ее, и она спасла нас от голодной смерти».

Каково было Гансу, возвратившись с охоты, найти на месте своего дома одни только снежные сугробы!

В ужасе бросается он к соседям и с их помощью принимается за работу. Но обвал так громаден, над хижинкой образовался такой толстый слой льда, что им пришлось работать десять дней, пока они увидели верхушку дерева, росшего у дома. Тогда Ганс собирает последние силы, работает с большим мужеством, и вот покачивается труба его дома: он проникает через нее в дом и находит жену и ребенка невредимыми.

Вот какие опасности грозят беспрестанно жителям этих снежных пустынь. Тишина и мертвое спокойствие царят здесь в продолжение восьми месяцев.

Но вот все жарче и жарче стало пригревать солнышко, на горах начинает уже таять снег. Сильные ветры нагоняют темные облака, которые несут с собой густые туманы и дожди. Вот на Сен-Готтарде подул теплый ветерок, он все усиливается и превращается в настоящий теплый ураган. Это—фен, вестник весны, он приносит хорошую погоду. Под его горячим дыханием тает на горах весь снег и зеленеет свежая, молодая травка. В конце мая на высотах Сен-Готтарда солнце уже мало-помалу одолевает зиму, и только по ночам еще стелются густые, белые туманы, защищающие молодые побеги

Рис. 61. Козы, бегущие от лавины.

трав от ночных холодов. Горные леса сбрасывают с себя пушистую, зимнюю одежду и покрываются мало-по-малу светло-зеленою листвою. В лесах и среди скал зажурчали веселые ручейки.

Звонко журча и прыгая с камня на камень, бегут эти шумные дети снежных полей, сливаются друг с другом, сбегают с долины и превращаются в большие реки. С снежных вершин в долину тянутся ледяные реки-ледники (рис. 62).

Еще сильнее задул фен, грозно гудит он в темных ущельях; ручьи и реки надулись, выступили из берегов и залили окрестность. Лето подходит все ближе и ближе. Прилетели веселые тысячеголосые спутники его и прилежно принялись строить свои гнездышки. Вместо унылого гула ветра в лесу зазвенели голоса прилетевших птичек. Луга запестрели яркими, горными цветами,—лютики, примулы, горный анемон, яркие орхидеи, колокольчики разноцветным ковром рассыпались среди сочной, зеленой травы. Повсюду замелькали бабочки, пчелы и другие насекомые. Альпийские пастбища оживились звоном колокольчиков пасущегося скота, а за ним пришел и человек в заброшенные им зимой хижинки.

Было время, когда весной, с открытием пути по Сен-Готтардскому горному проходу, вся местность оживлялась от проезжавшего народа. Это был самый главный проход из Италии в Швейцарию. Окрестные горные селения занимались перевозом путешественников и много зарабатывали этим промыслом (р. 63).

Но вот швейцарцы надумали сократить путь, сделать его легче и безопаснее,—они надумали прорыть проход в самой горе и проложить по нем железную дорогу. Восемь лет упорно работали они над этим трудным делом. Кое-кто из окрестных поселян соображал, что собираются проложить новую дорогу, которая отобьет у них промысел, но им все как-то не верилось, чтобы можно было продолбить такую огромную гору.

Вот что рассказывают местные крестьяне об одном

перевозчике. Ему все не верилось, что гору в самом деле пробьют. Он уверял своих товарищей, что все это — только глупая шутка. Должно-быть, просто не-

Рис. 62. Водопад на высотах Сен-Готтарда.

куда девать денег, если стали заниматься такими несообразностями:

— Смотри, Ульрих, — отвечали ему, — гора будет

пробита. Денег у них сколько хочешь, рабочих тоже, и за дело взялся толковый народ. Пройдет какой-нибудь десяток лет,—и о нашем проходе и думать никто не будет.

Ульрих Вирц был известный готтардский перевозчик. У него была славная тройка, на которой он еще сегодня только перевез трех англичан. С высоты заглянул он в то место, где копали гору. Рабочие с рудниковыми лампочками, точно светящиеся жучки, копошились около черной скалы; по всем направлениям мелькали эти блуждающие огоньки.

— Знаешь ли,—обратился Ульрих к своему куму Гансу, слезая с повозки,—знаешь ли, о чем я думаю, когда я вижу там, внизу, эти блуждающие огоньки? Мне вспоминается сказка, которую мне рассказывала старая тетка, когда я был еще совсем маленьким мальчиком. В сказке говорилось о горных человечках, которые всегда покидали свою родную гору, когда к ним очень близко селились люди. Они тихо перебирались в другое место, где их никто бы не тревожил.

Кум Ганс засмеялся и сказал:

— Верно, верно, железная дорога многих заставит переселиться, так как у них не будет уже больше заработка на родной горе, кроме тех счастливых, которые поступят на службу к этим новым людям.

Ульрих грустно вздохнул в ответ, потом выпрямился, взмахнул бичом и быстро погнал своих крепких лошадок. Он не говорил ни слова, мысли его переходили из спокойного прошлого в грозное, неизвестное будущее; и, думая о нем, нехорошо становилось на душе у бедного перевозчика.

Ему было четырнадцать лет, когда отец его поселился в Айроло. Там он получил наследство от одного близкого родственника, прикупил еще лошадей и стал заниматься перевозом. Когда молодому Ульриху нечего было делать в поле и по хозяйству, он сопровождал отца в его горных путешествиях. Он спускался с ним и в долины, к прекрасным

Рис. 63. Зимняя дорога в горах.

итальянским озерам, но, как они ни были хороши, Ульрих больше любил свои суровые горы. Он любил их даже тогда, когда в них разыгрывались снежные бури и метели и, кажется, чем больше крутило и мело, чем сильнее завывал ветер, тем милее были они ему, тем больше мужчиной чувствовал себя юноша. Бури, дожди и снег закалили его. Лицо его сделалось бронзового цвета, только под шапкой остался белый ободок. Но зато сотни опасностей укрепили и его душу; сердце же его осталось таким же нежным и мягким. Больше всего на свете любил он свою старушку-мать и своих добрых лошадок и, правду сказать, даже не мог решить, кого из них больше.

Когда отец умирал, он молча передал в руки сына узду. Старик знал, что в его руках дело будет в таком же образцовом порядке, как было и при нем. Сыну в это время было уже сорок лет. Он дал себе обещание всю жизнь заботиться о старушке-матери и о лошадях. О женитьбе Ульрих и не думал. Его маленькое хозяйство было хорошо устроено, и работник, присматривавший за ним в отсутствие хозяина, был добрый малый, на которого можно было положиться. Оба они с хозяином горячо любили друг-друга, потому что оба были тихие, молчаливые люди.

Так жили они мирно и тихо, не зная ни о чем, что делается далеко от них на белом свете. Так думали они прожить и всю свою жизнь, упорно работая и не зная суровой нужды. Случалось, что заработка иногда был и не велик, но жить все-таки было можно.

Но вот по окрестности разнеслись слухи, будто гора мешала сообщению, стояла на дороге людям и что поэтому ее нужно пробуравить. Айрольцы только смеялись: пробуравить Сен-Готард им казалось сумасшедшею выдумкой. Смеялся и Ульрих Вирц и рассуждал сам с собой,—что бы сказал его отец, если бы услышал такую шутку. Такие слухи могут распускать только газетчики, им за то и деньги

платят. Но сколько бы они там ни болтали,—перьями своими Сен-Готтарда они не продолжают.

Скоро приехали инженеры, и с высоты прохода можно было видеть, как эти молодые люди лазали по скалам, осматривали, измеряли. По вечерам же они сидели над картами и бумагами с карандашом в руке, рассчитывали и советовались. Ульриху и в голову не приходило, чтобы от них можно было ждать такого «дурного дела», хоть, правду сказать, он сильно косился на то, что между ними было много иностранцев. В июне 1874 года в Айроло начались уже работы. В маленьком местечке скопились целые толпы рабочих. Большинство из них были оборванные итальянцы, которым плохо живется на родине. Ульрих перестал даже с тех пор заходить в трактир, чтобы не встречаться там с ними.

Через два месяца, в самом деле, стали буравить гору. Поставили машины, проложили рельсы, и работа закипела. Теперь с Ульрихом было лучше не встречаться. Он сразу как-то постарел, брови его сдвинулись, голова опустилась на грудь. Нередко он судорожно сжимал кулак и грозил кому-то в воздухе. Особенно плохо было от него итальянцам: он прямо толкал их, если они попадались ему на дороге. С матерью своей он попрежнему был почитителен, только говорить стал еще меньше. Работнику теперь часто приходилось терпеть от него дурное обращение, так что он, наконец, собрал свои пожитки и уехал к себе на родину. Ульрих писал ему после, просил его вернуться, говорил, что он будет теперь обходительнее, но работник не вернулся, и ему пришлось искать другого. С новым Ульрих расстался в первый же вечер, заплатив ему месячное жалованье. Молодому парню очень нравились работы в тоннеле. Весь вечер говорил он о нем и показывал хозяйну газету, где было написано о ходе дела. Ульрих сильно рассердился на болтовню парня и сказал ему, чтобы он к нему больше не приходил. С этих пор Ульрих остался без работника. На душе у него ста-

ло еще хуже, потому что прибавилось много лишней работы.

Только два раза развеселился старый перевозчик. Первый раз,—когда произошло возмущение рабочих, и они отказались продолжать работу. Ульрих надеялся, что тогда некому будет больше буравить гору. Но скоро волнение успокоилось, и работы в тоннеле вновь начались. Пристыженный и недовольный, Ульрих еще больше ушел в себя и старался не встречаться ни с кем из соседей. Второй раз смеялся Ульрих, когда по Айроло разнеслась грозная весть, что тоннель будет затоплен водой. Откуда-то хлынули потоки воды, и работы должны были остановиться. Довольный Ульрих весело потирал руки и говорил: «Гора сама за себя постоит, я выпью стаканчик вина за ее здоровье». На этот раз он даже опять появился в трактире, где не был уже столько времени. Выпив рюмку-другую вина, он разболтался и заговорил с одним из инженеров. Ему хотелось услышать от него самого приятное известие, что тоннель нельзя дальше рыть. Но инженер объяснил ему, что они уже давно предвидели такие случаи и скоро поправят дело, и работы опять возобновятся. Тоннель, ведь, не игрушка, чтобы его можно было сделать в пять минут, без всяких помех.

Мрачный, как ночь, поднялся Ульрих, ударил кулаком по столу и закричал:

— Так пусть же черт возьмет эту гору!

Все громко рассмеялись, и Ульриху казалось, что, выходя из трактира, он еще долго слышал за собой этот смех. Грустный и печальный вернулся он домой.

Работы в тоннеле шли бойко. Каждый динамитный взрыв, который разбивал гору, глухо отдавался в сердце перевозчика, но он ни с кем больше не говорил ни слова. Серdito исполнял он свои домашние работы, серdito перевозил иностранцев через гору. Ему даже тяжело было заниматься этой своей любимой работой, потому что приходилось часто перевозить инженеров и косвенно помогать их делу.

Ни с кем больше не делился он своими мыслями. Кум Ганс устроил мелочную лавочку для рабочих тоннеля, и Ульрих перестал заходить к своему старому другу. Раз он, однако, опять пришел к нему с веселым видом. В тоннеле тогда внезапно умер главный начальник работ. Ульрих опять оживился, — он думал, что работы приостановятся. Но признаться в своей радости он не решался даже самому себе, — ведь это значило бы радоваться чужой смерти. Однако, кум Ганс угадал по лицу своего друга, в чем дело, и расхолодил его радость, объяснив ему что из-за этого работ не бросят. Тоннель через год прокопают, и путешественники будут за очень дешевую плату и в короткое время переезжать с севера на юг.

— Только, — добавил Ганс, — плохо будет нашему брату, перевозчику. Теперь гора, вместо хлеба, даст нам одни только камни. Когда работы окончатся и итальянцы уйдут отсюда, придется и мне закрыть лавочку. Тогда я поступлю на железную дорогу как-нибудь сторожем.

То же самое Ганс советовал сделать и своему другу, но Ульрих только страшно рассердился на кума. Он сердито двинул стулом, так что на столе зазвенели стаканы. Но ему тотчас же стало совестно, он затих, спокойно подошел к куму, положил ему на плечо руку и сказал:

— Ульрих Вирц скорее погибнет от голода и холода, чем сделается слугой железнодорожников. Пусть лучше он сломает себе шею на верху горы, чем позволит пришить к своему платью светлые пуговицы.

При этих словах Ульрих ударил себя кулаком в грудь, крепко пожал руку старому товарищу и вышел из комнаты.

То, что утверждал кум Ганс и что сам Ульрих уже хорошо понимал, случилось. Отверстие в горе было пробито, и на другой день должна была пасть последняя преграда между севером и югом. В эту последнюю ночь никто не ложился спать в деревне;

всю ночь раздавались пение и музыка; селение Айроло походило на взволнованный пчелиный улей. Бедный же Ульрих лег в постель, закрылся с головой одеялом, чтобы ничего не слышать. Но все ему слышалось вдвойне. Старик был весь в жару, голова его горела,—она была полна самых мучительных мыслей. Он вскочил с постели, подошел к шкапу и налил себе стакан водки, потом другой, третий и пил до тех пор, пока не свалился на постель без сознания.

Был уже полдень, когда к дому Ульриха подошел кум Ганс. Долго ему пришлось стучать и кричать, пока тот не проснулся от своего тяжелого сна. Повсюду раздавался звон колоколов, гремели выстрелы и слышалось ликование народа.

— Ульрих, — кричал Ганс, — лентяй, сурок! Ты проспал важную минуту, которую празднуют теперь во всем свете. Они продолбили уже! Гора пробита! Взгляни, наши друзья с той стороны горы вместе с айрольцами ходят взад и вперед через дыру. Ну, выходи же, посмотри, что случилось!

И он принялся рассказывать Ульриху все, что случилось в этот день, как обнялись друг с другом работники той и другой стороны горы и какие веселые праздники будут теперь.

Ульрих слушал его с остановившимися глазами и раскрытым ртом. Когда же кум кончил говорить, он повернулся лицом к стене и закрыл лицо руками. Вдруг послышалось тихое рыдание. Ульрих Вирт, старый, крепкий, непоколебимый перевозчик Готтардского прохода, громко плакал теперь, плакал первый раз в жизни.

Ганс испугался,—с ним ранее ничего подобного не случалось. Смущенный, стоял он у кровати, почесывал затылок и поглядывал на дверь, как бы ожидая оттуда помощи. В дверь вошла мать плачущего сына, седая, согнутая, дряхлая старушка. Она услышала из кухни плач своего сына и поспешила к нему. Дрожащими пальцами взяла она его за руку, дрожа-

щим голосом старалась она его утешить, с трудом находила она в своей ослабевшей памяти все ласковые имена, которыми когда-то называла маленького мальчика, гладила его по голове и вопросительно смотрела на Ганса, который в смущении прислонился к печке. Наконец, она дала ему знак уйти. Тот был этому очень рад и поспешил исполнить ее желание, обещав скоро вернуться.

Ульрих приподнялся, сел на край кровати, но не говорил ни слова. Наконец, после долгих просьб озабоченной старушки он простонал:

— Матушка, все кончено для меня!

— Как кончено? Что случилось? Ты весь разгорелся, уж не лихорадка ли у тебя? Не послать ли мне за доктором?

— Никакой доктор нам не поможет теперь, матушка, разве только тот, который заткнул бы этот проклятый тоннель, который отнимает у нас теперь хлеб. Я не о себе думаю, дорогая матушка, а о тебе и о моих дорогих лошадах.

И он опять заплакал.

— Если дело обо мне, то ты не бойся,—ответила добрая старушка:—кусочек хлеба у меня будет, мне ведь немного надо. Долго я не проживу, ну, а тогда уже обо мне нечего будет заботиться.

Бедному Ульриху стало еще грустнее. Он никогда не думал, что мать его может умереть. Он так привык к ней, она всегда была такая крепкая, непоколебимая, как сама гора, но ведь они пробили и гору; а мать его—такой же человек, как и все, и, конечно, может умереть. Но нет, он этого не хочет, она должна всегда быть с ним. Для нее он даже готов поступить на службу к своим врагам. Но лошади? Здесь уже он не мог ничего решить и прежнее отчаяние охватило его.

За обедом он ни до чего не дотронулся, несмотря на то, что мать приготовила для него любимые кушанья. Ему казалось, что шум на улицах никогда не перестанет. Чтобы не слышать его, он забрался на

сеновал и зарылся в сено. До самой ночи пролежал там бедный Ульрих, несмотря на то, что кум много раз уже подходил и звал его. Когда стемнело, он отворил на сеновале окошко и стал вглядываться в ночную темноту и прислушиваться. В гостинице еще продолжался праздник, все окна были ярко освещены и до него доносились звуки музыки, танец и веселый смех.

Ульриху казалось, что справляли поминки по старой горной дороге и крестины новой. Он не мог больше скрываться на сеновале от этого шума и сошел вниз. Бесшумно отворил старый перевозчик конюшню. На него пахнуло навозным воздухом; одна из лошадей, услышав его, повернула к нему голову и тихонько заржала. Он подошел к ним, зажег фонарь и погладил по шее верных своих друзей. Лошади спокойно ели овес. Он подождал немного, подумал и потом принялся их запрягать. В легкую тележку положил он два толстых шерстяных покрывала, взглянул было на плащ из толстого сукна, висевший на гвозде, но не тронул его, и тихонько выехал со двора. Прямо мимо его ворот прошла шумная, очевидно, подвыпившая на празднике толпа. Ульрих проехал немножко по дороге, потом зажег фонари и легкой рысцей поехал к горе. Запоздалые поселяне, встречавшиеся ему, кланялись с ним, кричали ему, но он даже не поворачивал головы.

Ночь была темная, на небе ни звездочки, из ущелий дул холодный ночной ветер, сверху горы доносились какое-то заунывное завывание. На дороге не было снега, и он проехал первую часть пути быстро, не жалея лошадей, как это бывало прежде. Зачем он ехал в такое время на гору, он и сам этого не знал. Точно ему хотелось показать, что старый Ульрих еще умеет ездить, что путь по горному проходу еще хорош, а может-быть, ему просто хотелось отделаться от своих тяжелых мыслей. Думал он также и о своей матери, с которой забыл проститься перед отъездом. Все дальше и дальше ехал Ульрих.

Выше стал ему попадаться уже снег, который лежал такую густою пеленой, что он не мог больше скоро ехать. На вершине разыгрывалась в это время настоящая буря, так что он слышал громкие завывания ветра и гул снежных обвалов. Гора, вероятно, тоже была недовольна и точно хотела засыпать какой-нибудь лавиной весь ликующий в долине народ.

Но вот буря начала спускаться по склонам горы и, наконец, страшной метелью разразилась в долине. Полузамерзший Ульрих вынул из тележки покрывало и завернулся в него с головы до ног. Вдруг лошади остановились, и ни крики, ни удары кнута не помогли—они упрямылись, громко фыркали и не могли сдвинуться с места. Ульрих сошел с телеги. Ничего не было видно, кроме белой стены сыпавшей метели. Через минуту он увяз в снегу уже по пояс. Новый порыв бури прижал его к тележке и загасил фонари.

Ульрих Вирц хорошо понимал, что теперь предстояло ему, но это его несколько не пугало. Он снял с себя покрывало, достал из тележки и другое и плотно укрыл вспотевших лошадей. Потом он погладил их по засыпанному снегом мордам и залез внутрь тележки. Все холоднее и холоднее делалось старику, он прижался в самый дальний угол тележки. Наконец, буря прекратилась, и он крепко заснул. «Матушка, бедная моя матушка», были его последние слова.

Поздно рассвело на другое утро. День стоял светлый, морозный. Крестьяне, расчищавшие лопатами дорогу, наткнулись на запряженную тройку. Лошади, услышав приближение людей, громко заржали. Под теплыми одеялами они остались живы, и снег окружал их точно стеной. Внутри тележки лежал, скорчившись, Ульрих Вирц. Все его узнали и принялись толкать и будить. Но старик заснул навеки. В Айроло же все еще продолжались ликование и шум. Известие о замерзшем перевозчике не смутило их ве-

селья. Только кум Ганс, сделавшийся сторожем в тоннеле, долго еще после повторял:

— Я так и думал, что он сошел с ума.

Теперь ежедневно множество поездов пробегает сквозь тоннель, и свист их паровозов доносится до мирного кладбища, где покоится вечным сном добрая старушка рядом со своим сыном.

Лошадей Ульриха купил один крестьянин, и они долго еще работали ему в поле. Старая дорога пришла теперь в упадок, мосты разрушились. Мало-помалу от зимних лавин и обвалов пропадает и самая дорога, проложенная по горе с таким трудом. И только самые бедняки еще ходят по ней пешком, так как им нечем заплатить ни за повозку, ни за билет в вагоне. Зато Альпы перестали быть преградой людям— в полчаса теперь можно уже быть по другую сторону их.

По другую сторону Альп.

Проехав Сен-Готтардский тоннель, мы—по другую сторону Альп, в так называемой итальянской Швейцарии. Это очень маленькая часть Швейцарии,—всего один небольшой кантон Тессин,—но она совсем не похожа на всю остальную страну. Южной своей границей Тессин подходит к Италии, и народ здесь говорит итальянским языком, оттого она и называется Итальянской.

Южная часть Тессина занята чудными озерами, окруженными прекрасною южною растительностью. Громадные горы здесь уже совершенно исчезли и превратились в небольшие холмы, покрытые прекрасными, тенистыми лесами и виноградниками. По склонам гор раскинулись ветвистые каштаны и ореховые деревья, а внизу, в садах, цветут персики, миндаль и вызревают даже апельсины и лимоны.

На севере же страна имеет совсем другой вид. Здесь теснятся суровые, обрывистые горы; между ними в диких ущельях пробегают бурные горные

Рис. 64. Селение в итальянской Швейцарии.

потоки. На высотах тянутся, подобно рекам, огромные ледники, из-под которых выбиваются водопады. Земля здесь совсем не годится для обработки, местные жители уже издавна занимались различными ремеслами для своего прокормления. Особенно много занимаются плетением соломенных шляп и выделкой деревянных башмаков, которые носят все крестьяне в горных местностях Италии и южной Швейцарии. Часто, однако, нехватает этого скудного заработка, чтобы не сидеть без хлеба, лучшие работники отправляются на заработки в другие края. Повсюду по всем дорогам Европы, во всех больших городах на работе можно встретить тессинца. Больше всего их во Франции и в Италии, немало их у нас в России, особенно в Москве и в Петербурге. Какой только должности ни отправляют они: и трубочисты, и носильщики, и половые, и каменщики, и стекольщики и даже трактирщики часто попадают среди них.

Почти вся цветущая молодежь уходит из своего родного края за куском хлеба. Дома остаются только старики, больные, женщины да дети. На них лежит все их небольшое хозяйство. Справляются они с ним, разумеется, плохо, особенно с полевыми работами и возвратившийся с заработков на побывку хозяин мало утешительного видит дома. Его встречает оборванная, заработавшаяся жена, полуголодные ребятишки и закопченные стены покривившейся избы. Правит он кое-что на заработанные деньги, одевает жену и детей, да и опять уходит за хлебом на чужую сторону. А домашние его опять принимаются за свою тяжелую работу, за свою прежнюю жизнь, полную нужды и лишений (рис. 64).

А на юге в садах цветут магнолии, лавры и гранаты. В ноябре еще доцветают камелии, а в феврале уже из зеленой травы выглядывают синенькие фиалки. Встречаются даже растения, которые растут только в самых жарких странах, как, например, кактусы.

Города Тессинского кантона тоже построены уже по-швейцарски, а по-итальянски. Они не очень привлекательны на взгляд. Улицы кривые и тесные, дома большей частью каменные, старые и скучены вместе. На дворах грязно, и только зеленый плющ прирашивает их неприветливые стены.

Самый большой здесь город—Белинсона. Он наряднее и веселее других городов, множество зеленых и тенистых садов окружают его. Город огибает большая река—Тичино. Если подняться кверху по этой реке, то мы попадем в Левентинскую долину. Повольства мы уже не встретим в этой долине. Тяжелым трудом добывают здешние жители себе кусок хлеба.

И чем выше по долине пойдем мы, тем унылее, пустынное становится окрестность. Роскошные сады и зеленые луга мало-по-малу заменяются утесами и скалами. Дороги становятся тоже все недоступнее, повсюду нависли угрюмые скалы и, кажется, грозят свалиться на смелого путника. Так, поднимаясь все выше и выше, дойдем мы опять до Айроло, где мы выехали из Сен-Готтардского тоннеля.

Граубюнден.

Через горные проходы можно перейти из Тессинского кантона в Граубюнден. Так называется горная страна на востоке Швейцарии. Итти придется пешком или ехать на лошадях, потому что железных дорог здесь не проложено, да и вообще во всем Граубюндене их очень немного, они проложены разве только на севере, к самым главным городам его.

В Граубюндене мы опять встречаем реку Рейн, которую оставили на севере Швейцарии. Только здесь ее самое начало; здесь видим мы, как Рейн, клубясь пенясь, как и всякий другой горный поток, сбегает с высот Сен-Готтарда. В этом краю мы уже не встретим больше виноградников, кроме разве немногих горных склонов, загороженных от холодного се-

верного ветра. Берега же Рейна покрыты только горами камней да полосами нанесенного рекой ила. Кое-где только мелькает зеленая лужайка, но сплошь и рядом перерезывает дикое, глухое ущелье. Мертво и тихо все кругом Рейна. Местами разбросаны кучи маленьких, закопченных хижин, это — здешние деревни. Кругом них поднимаются угрюмые скалы, обросшие густым, темным хвойным лесом.

Здесь не встретишь, как в других местах Швейцарии, веселого оживления и кипящей жизни: людей почти не видать в этом краю. На первый взгляд не видно даже жилья человеческого, и только былые колоколенки, подобно маякам, указывают путнику, где есть людские поселки. Не будь их, казалось бы, что окрестность необитаема. Но если путник и заметил деревню, добраться до нее не так-то легко. Нередко она построена на мало доступных высотах, дорог удобных совсем нет, приходится добираться до места по маленькой, горной тропинке. И притом все селения построены здесь очень высоко, в долине деревень почти нет.

Совсем особенная эта часть Граубюнденского кантона. Здесь нет огромных снежных вершин, разделенных глубокими, зелеными долинами. Граубюнден — высокое плоскогорье, на котором поднимаются небольшие холмы с мягкими склонами и округленными уступами. Но самые холмы эти поставлены так высоко, что их можно считать за высокие горы. Граубюнден, это — целый лабиринт ¹⁾ таких холмов, неглубоких долин и плоскогорий, покрытых густым лесом, нередко перерезанных мрачными ущельями. Горные потоки и водопады оживляют угрюмые скалы, а на площадках раскинулись зеленые лужайки, где пасется альпийский скот. На дне же главной долины кипит и бурлит молодой Рейн, вырвавшийся на свободу из альпийских снегов. Навстречу ему из боковых долин бегут и сливаются с ним множество горных потоков (рис. 65).

¹⁾ Лабиринтом называется здание, в котором тысячи разных проходов и переходов, перепутанных между собою.

Рис. 65. Горный поток.

Население этого края—пастушеское. Говорит оно совершенно особенным языком, которого не понимают больше нигде в Швейцарии. Наречие это называется романским и сохранилось здесь еще с древних времен, оттого что в малодоступный, суровый Граубюнден мало ездило народу.

Наконец, следуя по Рейну, мы дойдем до главного города кантона, до Кура. Стоит посмотреть на этот город в яркий летний день, когда окрестные горы залиты солнечными лучами, а широкая, зеленая долина, где раскинулся город, отливает золотом на солнце. Кур—очень большой город; особенно славится он своею прекрасною кантональною школою.

Неподалеку от Кура приютилось местечко Фельберг. Нужно только подивиться, как могут здесь жить люди! Над самым городом нависли известковые скалы горы Каланды и, кажется, вот-вот оторвутся и раздавят дома и людей. Небольшие части скалы и так постоянно отрываются и с грохотом катятся в долину, так что даже в Куре слышится треск падающих камней, и пыль от них, подобно туману, стоит над всей окрестностью. Но жители мало-помалу привыкли к этим обвалам и не тревожатся, пока камни не трогают их жилищ.

Странствуя так по горам Граубюндена то через густые, хвойные леса, то зелеными лужайками, мы добираемся, наконец, до города Тусис, откуда начинается знаменитая дорога Граубюндена, Виа Мала, что по-русски значит дурная дорога. Она названа так потому, что пробита в труднодоступных скалах и, проходя над бурным потоком, кажется очень опасной. Теперь швейцарцы очень искусно укрепили ее, так что она стала уже не опасна (рис. 66).

Пройдя Виа Мала и повернув затем на восток, мы попадаем в долину реки Инна, так называемую Энгадинскую долину. В ней нет ничего особенно красивого, бросающегося в глаза. Ничто не ослепляет взоры в Энгадине, но если пожить здесь, то непременно полюбишь эту тихую, мирную долинку, как

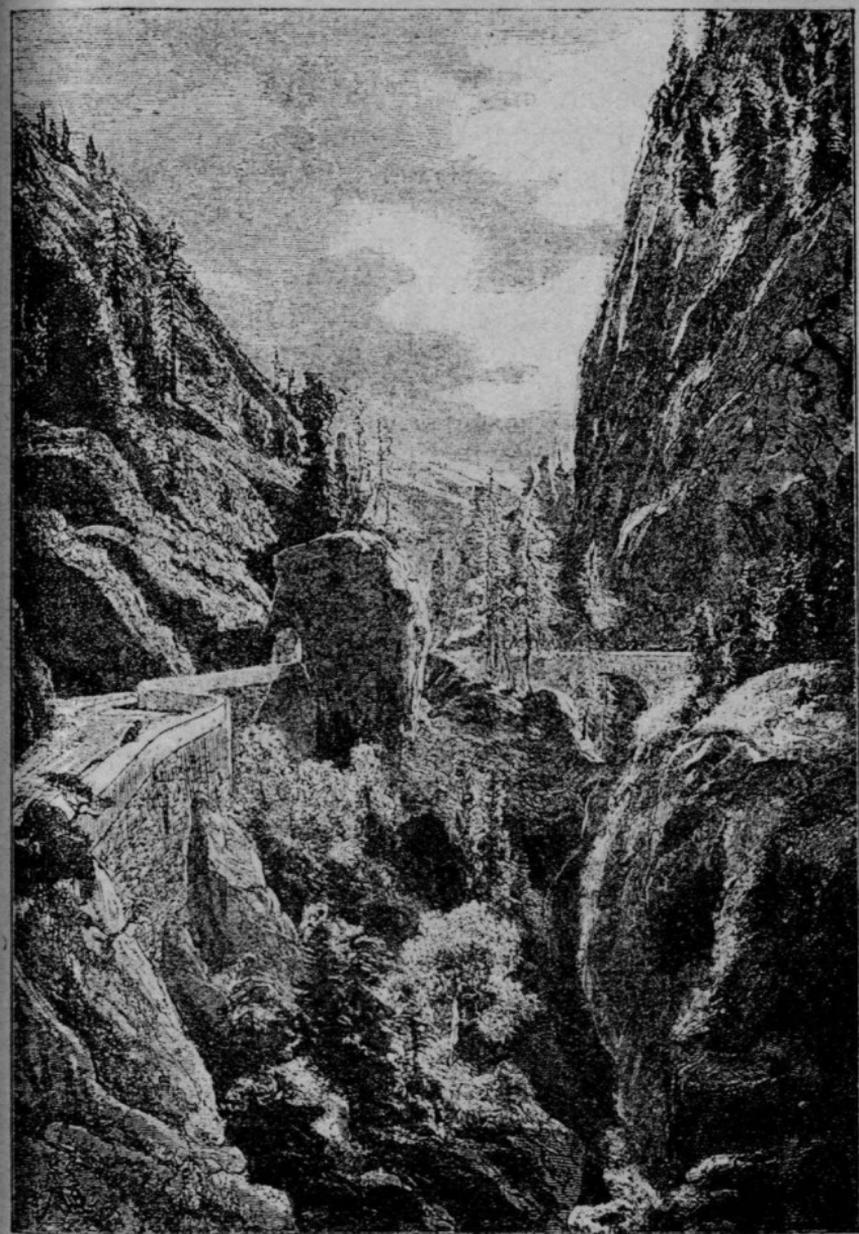

Рис. 66. Виа Мала.

что-то близкое и родное. Воздух здесь замечательно чистый, освежающий. Ради него в Энгадин каждое лето стекаются большие путешественники и под чистым, ясным небом долины скоро оживают и поправляются. На юге долины, в начале ее стоит снежный великан — пик Бернина, с ледяных полей которого и сбегает серебряный Ивн. Кроме этой реки, в долине множество хрустально-светлых озер (рис. 67).

Теперь в Энгадине много прекрасных дорог и хорошо устроенных горных проходов.

Энгадинцы — прилежный и трудолюбивый народ. Они не похожи на других швейцарцев по своему внешнему виду. Язык у них романский, как и во всем Граубюндене, и происхождения они тоже романского. Высокого роста, стройные, крепкие, с черными волосами и черными живыми глазами, они большей частью очень привлекательны своими выразительными чертами лица (рис. 68).

Земледелия здесь совсем не знают, потому что почва совершенно не годится для него. Все население — пастушеское, потому что в долине прекрасные луга. Но часто энгадинец знал бы суровую нужду, если бы он не помогал себе заработком на стороне. Где только ни встретишь энгадинца! Нередко даже проберется он и в Россию и поступит официантом в какой-нибудь ресторан. Строго бережет он каждую копейку, а там, глядишь, и сам открыл какую-нибудь торговлю. Но как только энгадинец заработал себе денег, его уже тянет опять к себе на родину, и из шумных, больших городов Европы возвращается он обратно в свою тихую деревню, строит на заработанные деньги себе домик и заводит свое хозяйство.

Климат в Энгадине не очень теплый. Здесь уже нет не только плодов южной Швейцарии, но не видать даже тенистых дубов, буков и кленов, как на берегах Фирвальшtedского озера. Об ореховом и каштановом деревьях нет и помину. Только вишневое дерево не изменило этим краям, но мало-мальски порядочные урожаи оно дает только в глубоких доли-

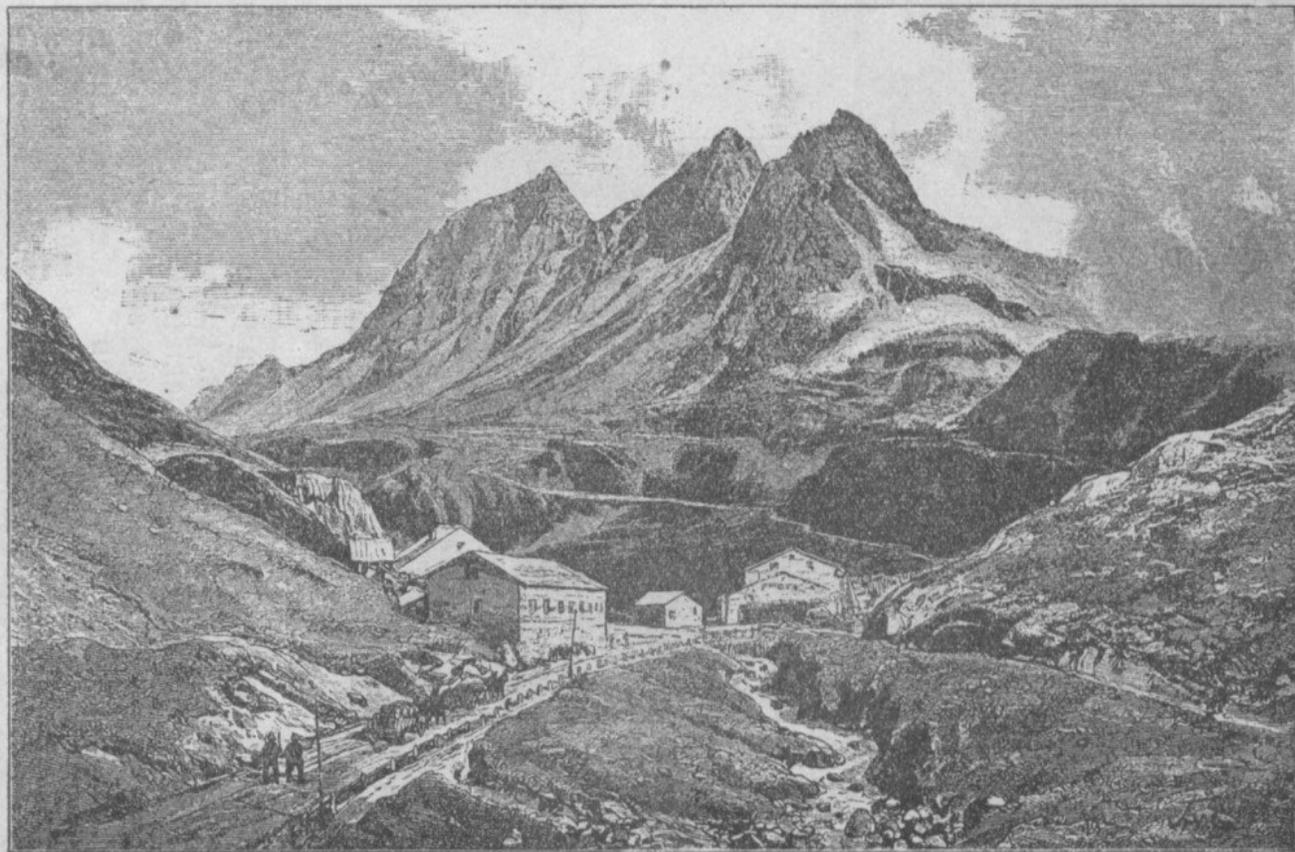

Рис. 67. В Энгадинской долине.

нах. А на высотах, даже в лучшие годы вишня принесет всего десяток-другой ягод. Зато там сады полны разнообразных цветов. Нет ни одного домика, где бы на окнах не стояло горшков с гвоздикой и геранью.

Горы же Энгадинской долины обросли густым, хвойным лесом. Лиственные деревья ютятся только

Рис. 68. Жители Граубюндена.

мелкими, низкорослыми кустиками между огромными великанами сосен и елей (рис. 69).

В Швейцарии ведется правильное лесное хозяйство, и прикладывается много забот, чтобы сохранить леса. Большая часть лесов—собственность всей общины или различных союзов, а иногда и отдельных владельцев. Надзор же за лесными порядками лежит на правительстве. Оно же издает и законы о них.

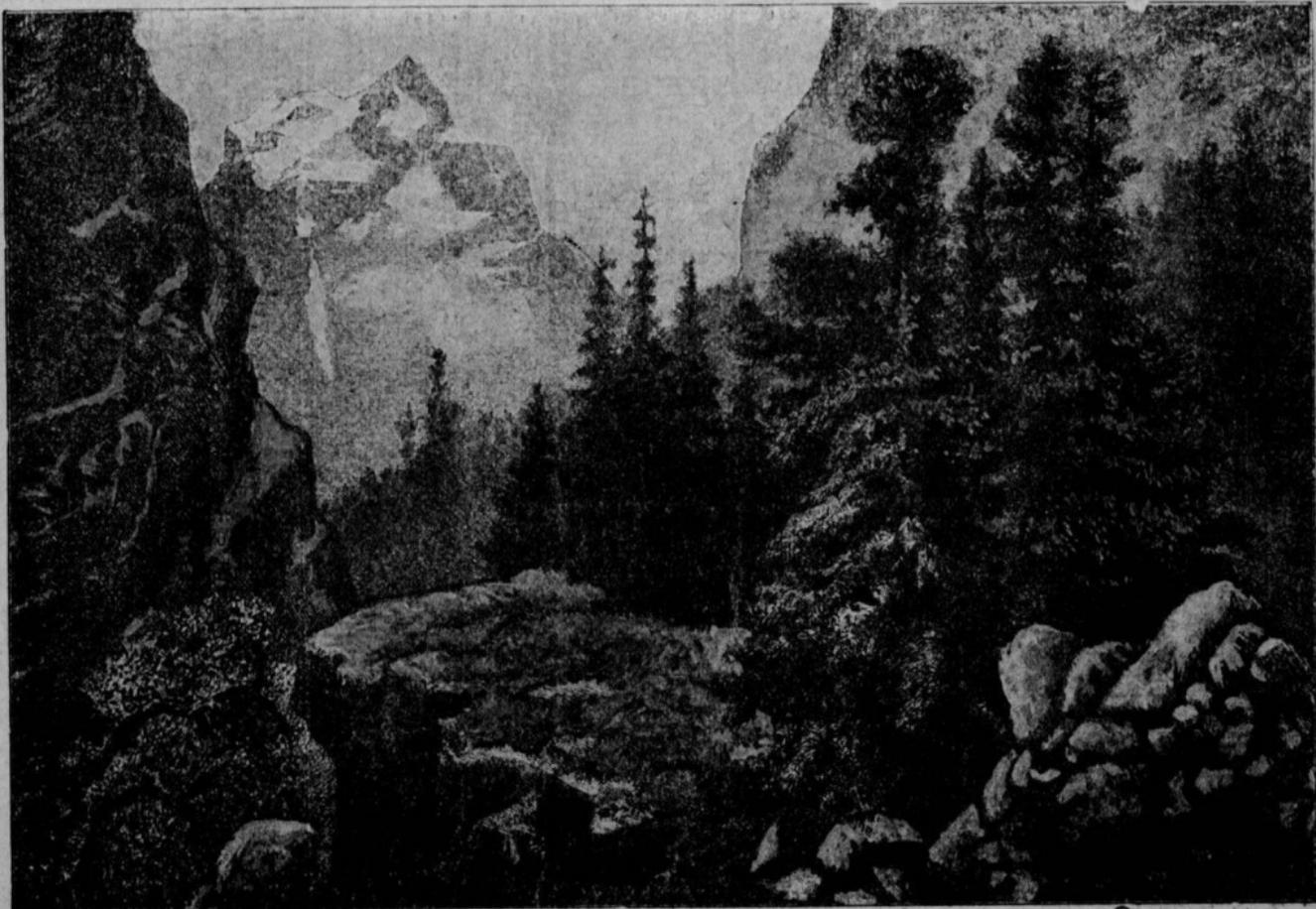

Рис. 69. Горный лес.

Леса в горах имеют очень большое значение и потому сохранение их особенно важно. Они не только дают топливо и строительный материал для местных жителей, но, кроме того, еще укрепляют почву в горах и предохраняют ее от обвалов, которые производят в стране ужасные бедствия. Дерево своими крепкими корнями проникает в рыхлые слои земли, лежащие на скалах, а маленькие корешки их углубляются даже и в самые щели скал и таким путем укрепляют землю на скале.

Как корни, так и стволы леса защищают страну от опустошения. Они задерживают потоки воды, несущиеся с гор после сильных дождей и гроз. Потоки эти, катящие с собой множество обломков скал и мелких камней, могли бы превратить плодородные поля в долине в мертвое поле камней.

Еще опустошительнее—лавины, которые образуются на голых, покатых склонах гор.

Печальный вид представляет в Энгадине высокая, голая скала, а под ней—развалины деревеньки Гонды. Одиноко торчат только кое-где сохранившиеся каменные своды. Жители этой деревеньки не берегли леса, рубили его и сами уничтожили свою защиту от снежных вихрей и горных лавин. И деревню засыпало.

Большой враг лесам также скот, особенно козы: нередко бедняки ничего больше не имеют, кроме единственной козы. Прокормление ее в летнее время не стоит им ни копейки, а молоко она дает часто не меньше крупного скота. По горным ущельям и крутым обрывам она сама себе отыскивает пищу под надзором мальчика-пастуха. Пасти ее в таких местах трудно, и нередко пастух загоняет ее просто в лес. При своей жадности козы сильно портят леса. Особенно любят они молодую поросль леса. Кроме того, у козы есть очень вредная привычка обкусывать верхушки молодых растений.

Уничтожение лесов ведет за собой и уменьшение воды. Так, например, в одной местности водой при-

водился в движение железоделательный завод. Спустя некоторое время по истокам и берегам речки вырубали леса. С тех пор после каждого сильного дождя река стала выступать из берегов и опустошать окрестности, а при сухой погоде давала так мало воды, что владелец завода должен был, наконец, поставить паровую машину, чтобы можно было продолжать работу. Теперь же лес опять понемногу вырастает, влага возвращается в почву, так что в ручье уже опять сильно прибавилось воды.

Одна ткацкая фабрика двигалась сильным потоком воды, работавшим также и на других заводах. Но вот вырубали леса в окрестности. Тогда поток постепенно так убавился, что часть года фабрика совсем не могла работать и распускала своих рабочих. Отчего же это происходит? Дело в том, что леса сохраняют влагу в почве. Листья и ветви деревьев принимают в себя дождевую воду, часть ее испаряется, а часть падает на землю, пропитывает почву, и вся эта вода собирается где-нибудь пониже в ручеек. Кроме того, ветви и листья своею тенью загораживают ручеек от жарких солнечных лучей и не дают высыхать воде.

Швейцарцы хорошо поняли пользу своих лесов и много заботятся о сохранении их в хорошем порядке. Чтобы у них были люди, хорошо знающие лесное хозяйство, они устроили множество школ, где обучают лесному делу.

Рубить лес на высоких горах страшно трудно и опасно. Чтобы спускать его оттуда вниз, нужно сначала выстроить для него дорогу. И вот, где-нибудь на скалах швейцарцы укрепляют бревна. На этих бревнах перекидывают они мостики через расселины скал. Устроив такую дорогу через глубокие ущелья и страшные пропасти, они обливают ее водой в холодный зимний день, чтобы она обледенела. Тогда начинается переправка леса. Сверху катят бревна, а вдоль дороги, на некотором расстоянии друг от друга, расставлены другие работники, которые сле-

дят за тем, чтобы бревна правильно катились, и направляют их. Бревна несутся вниз с невероятной быстротой. В несколько минут пролетают они расстояние нескольких часов. Если какое-нибудь бревно остановится поперек дороги и загородит путь другим, то работник, стоящий на пути, дает знак верхним, чтобы они подождали катить бревна. С опасностью жизни пробирается он к остановившемуся бревну и поправляет его. Нередко при этой работе люди разбивались на-смерть или оставались навеки калеками.

Из хвойных пород в Швейцарии больше всего растет красная сосна. В северных кантонах можно встретить огромные леса этой сосны. Она может расти на очень значительной высоте—выше двух верст. Но у красной сосны есть один очень большой недостаток: корни ее очень невелики, и потому при всякой сильной буре ее может легко вырвать ветер с корнем.

По тем склонам гор, где дуют очень сильные ветры, кругом красной сосны насаживают другие, более крепкие деревья, которые лучше сопротивляются ветру и непогодам. Одну из таких крепких елей пастухи прозвали защитницей, потому что пасущийся скот при наступлении бури невольно бежит под густую сень ее низко спускающихся ветвей, как под навес. Впрочем, нередко случается, что там его убивает молния возвратным ударом. В палящий полуденный зной, когда ни одно дуновение ветерка не облегчает жары, под широкими ветвями ели всегда можно найти себе тень и прохладу (рис. 70).

Иногда можно встретить старый дуплистый ствол, который все свои соки отдал ветвям, и эти ветви уже самостоятельными, большими деревьями поднимаются к небу из старого материнского дерева. Такие дочерние стволы имеют, в свою очередь, множество детей, которые тоже тянутся кверху, и так растет целое огромное семейство деревьев. И когда вес-

Рис. 70. Ель-защитница.

ной в горах начинают собираться лавины, первый свой громовой привет посылают они этому дереву. И на пути лавины всегда можно видеть старые, мертвые стволы и бревна, которые разбросала и разметала страшная лавина. Это для деревьев значит славно окончить жизнь, укрепившись силами в короткое лето и длинную зиму, храбро встретить громовый привет лавины и, если суждено, спокойно умереть от нее.

Крупные, хвойные деревья идут на постройки. Встречаются деревья иногда по триста лет от роду. Из молодых елочек в некоторых местах делают зеленые изгороди. Такой густой изгороди нельзя сделать ни из каких других деревьев. Из горных пород особенно замечательна альпийская сосна. Это—сосна-карлик. Тотчас по выходе из земли ветви ее расползаются во все стороны. Они редко бывают толще руки и притом так переплетаются между собой, что их совершенно невозможно распутать. Альпийская сосна никогда не поднимается вверх по горе,—она всегда спускается вниз и живописно одевает своими темно-зелеными ветвями дикие скалистые утесы. В тридцать лет сосна эта расползается сажени на три в окружности, но никогда не бывает толще двух дюймов в поперечнике. На солнечной стороне она растет выше, чем на теневой.

Альпийская сосна служит хорошим топливом пастухам.

В Швейцарии лесоводы много занимались разведением Веймутовой сосны за ее замечательную красоту. Теперь ее осталось, впрочем, уже немного в швейцарских лесах, хотя она дает так же прекрасное топливо и хорошо укрепляет корнями почву.

На невысоких горах и в долинах растут также лиственные породы. Больше всего в Швейцарии букowych лесов. Украшение же леса составляет роскошный дуб. Хорошую тень дает также широколистный клен. Ствол клена идет на разные поделки, а листья

и молодые ветви особенно любят козы. Самое же нетребовательное из лиственных деревьев, это—березка. Где только есть кусочек земли, на какой бы это почве ни было, там уже зеленеет это веселое деревцо. Оно растет выше всех других лиственных деревьев.

До снежных областей альпийских гор доходит также карликовая ольха и занимает здесь иногда целые огромные поля. На ряду с альпийской сосной, это деревцо самое полезное в высоких Альпах,—оно также хорошо укрепляет почву от обвалов.

Зимой, среди снежных полей, в лесах Швейцарии весело зеленеет вечно зеленый плющ. До самой вершины вьется он по деревьям, одевая их своими изящными зубчатыми темно-зелеными листьями.

Почти только в одном Граубюндене в лесах еще остались дикие звери, как, например, медведи и волки. Они ютятся, большею частью, в недоступных ущельях и глубоких долинах, которыми изрезана эта горная страна. Олени же, серны и каменные козлы встречаются и в других местах Швейцарии, хотя очень редко. Их сильно поубавила охота за ними.

Благодаря обилию лесов, дома в Энгадине все деревянные и прочно построены. Да и нельзя здесь не позаботиться получше о жилище, так как климат очень суровый, и дом должен служить хорошо защитой от холода. Самая постройка домов здесь не такая, как в других краях Швейцарии. Входная дверь в жилище обыкновенно очень велика и высока: нужно, чтобы в нее могла пройти нагруженная доверху телега. Через эту дверь входят сначала в большие сени, а за ними уже расположены жилая комната и кухня. Конюшня и хлев для скотины пристраиваются к дому.

Жилые комнаты очень низки, чтобы их легче было отопить, но содержатся они очень опрятно. Чтобы было еще теплее, стены внутри обиты деревом, из

которого мало-по-малу выступает смола и, точно лаком, покрывает обивку.

Особенно замечательно устроены в здешней стороне окна. Они очень маленькие, узкие и воронкой расширяются наружу, чтобы в них побольше входило свету.

Снаружи дома смотрят очень приветливо. Все они выкрашены в веселые цвета, иногда даже разукрашены резьбой или позолотой. Но особенную прелесть придают им садики, разбитые у каждого дома. Садики полны цветов; чего-чего только ни встретишь здесь: фиалки, левкой, тюльпаны, вербены, фуксии, анемоны, колокольчики, мак—так и пестреют своими разноцветными венчиками, несмотря на холодный климат местности.

Городов в Энгадине очень немного и самые большие из них похожи больше на большие деревни. Редко-редко встретишь большой, городской дом; большая же часть домиков—такие же маленькие, как и деревенские, с такими же маленькими окнами. Но зато в каждом доме непременно есть большая печка. Топить ее приходится целых девять месяцев. Нередко снег выпадает уже в половине августа, так что большую часть времени приходится проводить в комнате. И энгадинец сумел уютно и тепло устроить свое жилище.

Большую часть Энгадинской долины приходится проезжать на лошадях, потому что железных дорог здесь очень мало. Большая дорога вьется среди лесов и скал. Слева и справа поднимаются высокие горы. На очень значительной высоте помещается местечко Давос, куда много народу приезжает лечиться от чахотки. Доехав по реке Инн, до границы кантона, мы повернем на запад и поедem опять по Рейну к Боденскому озеру, откуда мы начали свое путешествие.

Итак, мы объехали всю Швейцарию, побывали во всех кантонах этой любопытной и своеобразной стра-

ны и познакомились, как живут и работают ее жители. Немного дает швейцарцу хлеба красивая природа его страны, много приходится ему трудиться, но он все-таки сумел устроить свою жизнь так хорошо и удобно, как ни в одной стране в мире. Упорно работая и усердно помогая друг другу, швейцарцы достигли того порядка и благополучия, к которым еще только стремятся другие большие государства. Маленькая Швейцария идет впереди всех их.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Вступление	3
На Боденском озере	6
На Рейне	8
В царстве высокого Сентиса	16
Пастушеская жизнь в Швейцарии	28
Цюрихское озеро	43
Фирвальдштетское озеро	94
Бернский Оберланд	103
Столица Швейцарии—Берн	134
По берегу Женевского озера	146
Женева	154
Долина Валлис	164
На Готтардской дороге	176
По другую сторону Альп	194
Граубюнден	197